

Голсуорси Джон

Усадьба

Джон Голсуорси

Усадьба

Перевод М. Литвиновой-Юдиной.

...то одичалый сад.

"Гамлет"

* ЧАСТЬ I *

ГЛАВА I

ГОСТИ В УОРСТЕД СКАЙНЕСЕ

Тысяча восемьсот девяносто первый год, октябрь месяц, понедельник. Вся площадь перед станцией Уорстед Скайнес заставлена в этот час экипажами мистера Пендайса: карета, коляска, фургон для багажа. Одиноким станционный фонарь бросает свой свет на кучера мистера Пендайса. Его обдуваемая восточным ветром розовая физиономия в густых, коротко подстриженных бачках, с презрительно поджатыми губами, царит над всем, как символ феодальных устоев.

На платформе первый лакей и второй грум мистера Хорэса Пендайса в длинных ливреях с серебряными пуговицами и в лихо заломленных цилиндрах, несколько нарушающих их чопорный вид, ожидают прибытия шестичасового поезда.

Лакей вынул из кармана листок с гербом и монограммой, исписанный мелким, аккуратным почерком мистера Хорэса Пендайса, и стал читать, насмешливо выговаривая слова в нос:

- "Высокородный Джеф Уинлоу и миссис Уинлоу. - голубая комната и гардеробная, горничная - маленькая коричневая. Мистер Джордж - белая комната. Миссис Джаспер Белью - золотая. Капитан - красная.

Генерал Пендайс - розовая, его слуга - мансарда, окнами во двор".
Вот и все.

Грум, краснощекий парень, не слышал.

- Если жеребец мистера Джорджа в среду придет первым, - сказал он, пять фунтов у меня в кармане. Кто прислуживает мистеру

Джорджу?

- Джеймс, как всегда.

Грум свистнул.

- Надо у него узнать, какие шансы. А ты играешь?

Лакей продолжал свое:

- Вот еще один, на другой стороне. Фоксли - зеленая комната, правое крыло. Дрянный человек. Себе - все, другим - ничего. Но стреляет что надо. За то его и приглашают.

Из-за темной стены деревьев вырвался поезд.

На платформу вышли первые пассажиры: два фермера с длинными палками, во фризových балахонах, сутулясь, распространяя запах скотного двора и крепкого табака; за ними молодой человек с дамой, потом одинокие фигуры, держащиеся друг от друга поодаль, - гости мистера Пендайса. Не спеша покидая вагоны, они останавливались в их неясной тени и глядели прямо перед собой, точно боялись невзначай увидеть кого-нибудь из знакомых.

Высокий мужчина в меховом пальто (его жена, высокая стройная женщина, шла рядом, неся в руках маленькую шагреновую сумку, оправленную в серебро) обратился к кучеру:

- Здравствуйте, Бенсон. Мистер Джордж говорит, что капитан Пендайс будет с поездом в 9.30. Так что нам, пожалуй, лучше...

Вдруг, будто ветерок, ворвавшийся в холодное оцепенение тумана, прозвучал высокий, чистый голос:

- Благодарю, я поеду в коляске.

В сопровождении несущего плед лакея прошла дама под белой вуалью, сквозь которую ленивый взгляд высокородного Джеффри Уинлоу уловил блеск зеленоватых глаз; обернувшись на миг, она исчезла в коляске. И сейчас же в окне появилась ее головка за колышущимся шелком.

- Здесь хватит места, Джордж.

Джордж Пендайс вышел из тени и прыгнул вслед за ней. Скрипнул гравий, коляска укатила.

Джеффри Уинлоу обратился к кучеру, задрал голову: - Кто это, Бенсон?

Кучер нагнулся, конфиденциально поднеся толстую, обтянутую белой перчаткой руку к уху Джеффри:

- Миссис Джаспер Белью, сэр. Жена капитана Белью из Сосен.

- Я думал, они все еще...

- Так оно и есть, сэр!

- А-а!

Спокойный, холодный голос донесся из-за дверцы кареты:

- Джеф!

Джефри Уинлоу вслед за мистером Фоксли и генералом Пендайсом поднялся в карету, и снова раздался голос миссис Уинлоу:

- Вас не стеснит моя горничная? Подите сюда, Туксон!

Дом мистера Хорэса Пендайса, белый, вытянутый в длину, невысокий, занимающий удобное месторасположение в усадьбе, стал собственностью его прапрапрадеда благодаря союзу с последней представительницей рода Уорстедов. Первоначально прекрасные угодья сдавались небольшими участками арендаторам, которым никто не докучал особым вниманием и которые, получая поэтому хороший доход, исправно платили арендную плату; теперь хозяйство ведется по-новому, и с некоторым убытком. Время от времени мистер Пендайс покупает коров новой породы, птиц, пристраивает новый флигель к зданию школы. К счастью, его доходы не зависят от этого имения. Он правит в своих владениях при полном одобрении священника и местных властей и все-таки нередко жалуется, что его арендаторы почему-то не остаются на земле. Его жена - урожденная Тоттеридж. В его поместье прекрасная охота. И он - об этом можно и не упоминать старший сын. Его индивидуальное мнение такое, что индивидуализм погубил Англию, и он поставил себе целью искоренить этот порок в характерах своих фермеров. Заменяя их индивидуалистические склонности собственными вкусами, намерениями, представлениями, пожалуй, можно сказать и собственным индивидуализмом, и теряя попутно немало денег, он с успехом доказывает на практике свою излюбленную мысль, что чем сильнее проявление индивидуализма, тем беднее жизнь общества. Если, однако, изложить ему дело подобным образом, он разразится гневными протестами, ибо считает себя не индивидуалистом, а "тори-коммунистом", как он выражается. Будучи сельским хозяином, он верит, что благополучие Англии зависит от налогов на ввозимый хлеб. Он частенько говорит: "Три-четыре шиллинга на хлеб - и мое поместье станет доходным".

Мистер Пендайс имеет и другие особенности, о которых нельзя сказать, что они индивидуальны. Он противник всяких перемен в

существующем порядке вещей, любит все заносить в списки и бывает на вершине блаженства, когда удается завести разговор о себе или своей усадьбе. У него есть черный спаньель, которого зовут Джон, с длинной мордой и еще более длинными ушами. Мистер Пендайс собственноручно выкормил его, и теперь Джон не может прожить без хозяина ни минуты.

Наружность мистера Пендайса весьма старомодна, он строен и быстр, лицо в жиденьких бакенбардах; несколько лет назад он отпустил усы, которые теперь висят, подернутые сединой. Носит фрак. Любит большие галстуки. Не курит.

Мистер Пендайс сидел во главе стола, уставленного цветами и серебром, между высокородной миссис Уинлоу и миссис Джэспер Белью, и, пожалуй, трудно было бы сыскать более блестящих и более непохожих друг на друга соседок. Этих двух женщин, одинаково красивых, стройных и высоких, по прихоти природы разделяла пропасть, которую поджарый мистер Пендайс тщетно пытался заполнить. Невозмутимость, свойственная бледной расе английских аристократов, стыла круглый год в чертах миссис Уинлоу, холодных и прекрасных, как ясный морозный день. Безмятежное спокойствие ее лица тотчас убеждало, что эта женщина получила отменное воспитание. Невозможно представить себе эти черты, возмущенные хотя бы мимолетным чувством. Миссис Уинлоу впитала в кровь наставления своей няни: "Мисс Труда, не гримасничайте! Останетесь такой на всю жизнь!" И с того самого дня, когда были сказаны эти слова, лицо миссис Уинлоу, высокородной по собственному праву и по праву, полученному от мужа, ни разу не исказилось гримасой, даже и тогда, надо думать, когда на свет рождался Уинлоу-младший. По другую руку от мистера Пендайса сидела загадочная, восхитительная миссис Белью, на чьи зеленые глаза лучшие представительницы ее пола взирали с инстинктивным неодобрением. Женщина в ее положении должна быть как можно незаметнее, а природа наделила ее такой яркой наружностью. Говорят, что она рассталась со своим мужем капитаном Белью и уехала из его поместья - это случилось в позапрошлом году - только потому, что они надоели друг другу. Ходят слухи к тому же, что она поощряет ухаживания Джорджа, старшего сына мистера Пендайса.

Леди Молден говорила миссис Уинлоу в гостиной перед обедом:

- И что находят в этой миссис Белью? Мне она всегда не нравилась. Женщина в ее положении должна быть осторожнее! Не понимаю, зачем ее пригласили сюда! Капитан Белью, ее муж, сейчас в Соснах, в двух шагах отсюда. Ведь ни гроша за душой. И не скрывает этого. Чуть только не авантюристка.

- Она приходится чем-то вроде кузины миссис Пендайс, - отвечала миссис Уинлоу, - Пендайсы в родстве решительно со всеми. Это так неудобно. Вечно когонибудь встречаешь...

Леди Молден продолжала:

- Вы были с ней знакомы, когда она еще жила здесь? Терпеть не могу этих любительниц верховой езды. Она и ее муж были отчаянная пара. Только и слышишь: ах, какой я взяла барьер, ах, какая горячая лошадь! Представьте, бывает на скачках, играет! По-моему, Джордж Пендайс влюблен в нее. В Лондоне их часто стали видеть вместе. Возле таких женщин вечно увиваются мужчины.

Сидя во главе стола, на котором у каждого прибора лежал листок меню, написанный аккуратным почерком старшей дочери, мистер Пендайс ел суп.

- Этот суп, - говорил он, обращаясь к миссис Белью, - напомнил мне о вашем дорогом отце; такой был охотник до него! Я очень его любил, замечательный был человек! По твердости характера он уступал только моему отцу, а мой отец был самым упрямым человеком во всех трех королевствах.

С уст мистера Пендайса нередко срывалось это "во всех трех королевствах", и даже когда он рассказывал о том, что бабка его по прямой линии происходит от Ричарда III, а дед-потомок известных корнуэльских великанов, один из которых - тут мистер Пендайс снисходительно улыбался однажды быка через забор перебросил.

- Ваш отец, миссис Белью, был в высшей степени индивидуалист. Занимаясь сельским хозяйством, я не раз сталкивался с проявлениями индивидуализма и пришел к выводу, что человек с индивидуалистическими склонностями всегда недоволен. У моих арендаторов есть все, что душе угодно, а все плохо, все не так. Вот возьмите фермера Пикока. Упряма, как осел, и дальше своего носа не видит. Само собой разумеется, я ему не потворю. Только прояви слабость, начнет хозяйничать по старинке. Он хочет выкупить у меня ферму. Так и тянет их к этой порочной системе свободных йоменов.

Говорит, еще дед мой пахал эту землю. Какая косность! Ненавижу индивидуализм; он губит Англию. Вам нигде не найти более крепких домов или хозяйственных построек, чем у меня. Я стою за централизацию. Вы, верно, слышали, что я называю себя "тори-коммунистом". Вот, по-моему, какой должна быть партия будущего. А девиз вашего отца был: "Каждый за себя!" Имея дело с землей, с таким девизом далеко не уедешь. Хозяин и арендатор должны трудиться сообща... Вы едете с нами в Ньюмаркет в среду? У Джорджа отличный жеребец, будет бежать в Ратлендширском заезде! Он не играет, чему я очень рад. Больше всего на свете ненавижу игроков!

Миссис Белью искоса поглядела на хозяина дома, и на ее ярких, полных губах заиграла чуть заметная насмешливая улыбка. Но мистер Пендайс уже занялся супом. Когда он снова ощутил потребность говорить, миссис Белью беседовала с его сыном, и сквайр, чуть нахмурившись, повернулся к высокородной миссис Уинлоу. Ее внимание было само собой разумеющимся, полным и немногословным; она не утруждала себя горячим сочувствием, не поддакивала заискивающе. Мистер Пендайс нашел в ней собеседницу по своему вкусу.

- Страна меняется, - говорил он, - меняется с каждым днем. Дворянские усадьбы теперь уж не те, что раньше. Огромная ответственность падает на нас, землевладельцев. Если мы погибнем, погибнет все.

В самом деле, что могло быть восхитительней, чем мирная сельская жизнь, которую вел в своей усадьбе Пендайс, ее хлопотливая бездеятельность, чистота, свежий воздух, тепло, благодатные запахи, полное отдохновение для ума, отсутствие всякого страдания - и этот суп - символ благоденствия, суп, сваренный из лучших кусков специально откормленных животных.

Мистер Пендайс считал эту жизнь единственно правильной жизнью, а тех, кто ее вел, единственно правильными людьми. Он видел свой долг в том, чтобы жить этой простой, здоровой, но и роскошной жизнью, когда рядом тучнеет для твоего блага всякая тварь, когда буквально купаешься в супе. Мысль о том, что в городах скучены миллионы людей, топчущих друг друга и вечно теряющих работу, и вообще вся эта городская скверна приводила его в расстройство. Не любил он и жизнь в пригородах, в этих домиках под

шиферными крышами, своим плачевным однообразием навевающих тоску на человека с индивидуальным вкусом. И все же, несмотря на то, что все симпатии мистера Пендайса были на стороне сельской жизни, он вовсе не был богатым человеком, доход его чуть превышал десять тысяч в год.

Первая охота в этом сезоне - охота на фазанов - приурочивалась, как обычно, к ньюмаркетским скачкам, поскольку до Ньюмаркета было, к несчастью, рукой подать; и хотя мистер Пендайс не терпел азарта, он ездил на скачки и был не прочь прослыть за человека, любящего спорт ради самого спорта; немало он гордился и тем, что его сын так дешево купил прекрасного жеребца Эмблера и участвует в скачках спортивного интереса ради.

Состав гостей был тщательно обдуман. Справа от миссис Уинлоу сидел Томас Брэндуайт (фирма Браун и Брэндуайт), занимавший видное положение в финансовом мире и к тому же имевший два поместья и яхту. Его продолговатое, изрезанное морщинами лицо, в густых усах, не меняло своего постоянного брюзгливого выражения. Он удалился от дел, но оставался членом правления нескольких компаний. Рядом с ним - миссис Хассел Бартер; на ее лице было трогательно-жалкое выражение, свойственное многим английским дамам, вся жизнь которых - постоянное служение долгу, и долгу нелегкому; их глаза тревожно блестят, щеки, когда-то цветущие, теперь буроватого оттенка от действия непогоды, их речь проста, ласкова, немного застенчива, немного пессимистична и в конечном итоге всегда полна оптимизма; вечно на их попечении дети, больные родственники, старики; они никогда не позволяют себе проявить усталость. К таким именно женщинам, и принадлежала миссис Хассел Бартер, жена преподобного Хассела Бартера, который примет участие в завтрашней охоте, но на скачки в среду не поедет. По ее другую руку сидел Гилберт Фоксли, высокий мужчина с тонкой талией, узким, длинным лицом, крепкими, белыми зубами и глубоко посаженными колючими глазами. Он был одним из шести братьев Фоксли, обитающих в этом графстве. Они были желанными гостями всюду, где имелись изобилующие дичью заросли или необъезженные лошади, теперь, когда, по словам одного из них же: "Мало кто умеет стрелять и держаться в седле".

Не было зверя, птицы или рыбы, которую бы Фоксли не мог убить или поймать с одинаковым искусством и удовольствием. В упрек ему можно было поставить только одно - его весьма скромный доход. Он сидел подле миссис Брэндуайт, но не сказал с ней почти ни слова, предоставив ее вниманию генерала Пендайса, другого ее соседа.

Если бы Чарлз Пендайс родился годом раньше брата, а не годом позже, как случилось в действительности, он, естественно, был бы владельцем поместья Уорстед Скайнес, а Хорэс стал бы военным. Но Чарльз был младшим сыном, и в один прекрасный день он вдруг увидел себя генерал-майором. Теперь он был в отставке и жил на пенсию. Третий брат, вздумай он появиться на свет, стал бы служителем церкви, получив наследственный приход, но он рассудил иначе, и приход достался отпрыску младшей линии. Хорэса и Чарльза нетрудно и спутать, если смотреть сзади. Оба худощавые, прямые, с немного покатыми плечами, только Чарлз Пендайс расчесывал волосы на прямой пробор через всю голову и в коленках его еще легких ног было заметно дрожание. Если взглянуть на братьев спереди, разница более бросалась в глаза. Генерал носил бакенбарды, расширившиеся к усам, и в его лице и манерах была та внешне подчеркнутая, досадливая отчужденность, какая бывает у индивидуалиста, всю жизнь считавшего себя частью системы и под конец оказавшегося вне ее; утрата не была им осознана, но глухая обида шевелилась в душе. Он остался холостяком, не видя в браке для себя смысла, раз уж Хорэс опередил его на год; жил он со своим слугой на Пэл-Мэл неподалеку от своего клуба.

По другую руку от генерала сидела леди Молден; прекрасная женщина, и своего рода выдающаяся личность, прославившаяся чаями для рабочих, которые она устраивала в Лондоне во время сезона. Ни один рабочий не ушел с чая леди Молден, не проникшись к их устроительнице глубочайшим уважением. Леди Молден была из тех женщин, по отношению к которым невозможна никакая вольность, где бы они ни оказались. Она была дочерью деревенского священника. Имела прекрасный цвет лица, довольно крупный рот с плотно сжатыми губами, изящной формы нос, темные волосы. Эффектнее всего выглядела сидя, ибо ее ноги были коротковаты. Говорила громко, решительно и гордилась своей прямолинейностью. Своими

реакционными взглядами на женщин ее супруг, сэр Джеймс, был обязан ей.

На другом конце стола высокородный Джеффри Уинлоу занимал хозяйку рассказами о Балканских провинциях, откуда только что воротился. Его лицо норманского типа, с правильными, красивыми чертами носило умное и ленивое выражение. Он держал себя просто и любезно и лишь изредка давал понять, что сам все знает и ни в чьих поучениях не нуждается. Родовое поместье его отца, лорда Монтроссора, находилось в шести милях от Уорстед Скайнеса; и ему предстояло рано или поздно занять место своего отца в Палате Лордов.

Рядом с ним сидела миссис Пендайс. В глубине столовой, над столиком с закусками висел ее портрет, и хотя писал его модный художник, ему удалось схватить неуловимое очарование, какое и теперь, двадцать лет спустя, было в ее лице. Миссис Пендайс уже немолода, ее темные волосы тронуты сединой, но до старости еще далеко: она вышла замуж девятнадцати лет, и теперь ей пятьдесят два года. У нее узкое, длинное лицо, очень бледное, темные брови дугой всегда чуть приподняты. Глаза темно-серые, порой совсем черные, оттого что зрачки от волнения расширяются, ее верхняя губка чуть коротка, а в выражении рта и глаз трогательная мягкость и доверчивое ожидание чего-то. Но не это составляло ее особое очарование. На всем ее облике лежала печать внутреннего убеждения, что ей никогда ни о чем не надо просить, печать интуитивной веры, что весь мир в ее распоряжении. Эта особенность выражения и длинные прозрачные пальцы напоминали вам, что она урожденная Тоттеридж. Плавная, неторопливая речь с небольшим, но приятным дефектом, манера глядеть чуть прищурившись подкрепляли общее впечатление. На ее груди, в которой билось сердце истинной леди, вздымались и опадали прекрасные старинные кружева.

На другой стороне стола сэр Джеймс Молден и Би Пендайс, старшая дочь, говорили о лошадях и охоте - Би редко по собственному выбору заводила разговор о чем-нибудь ином. Ее личико было приветливо и приятно, но не красиво. Сознание этого стало ее второй натурой, делало ее застенчивой и всегда готовой помочь другим.

У сэра Джеймса были небольшие седые бачки, живое морщинистое лицо. Он происходил из старинного кентского рода,

переселившегося в свое время в Кембриджшир, его рожи изобиловали дичью, он был мировой судья, полковник территориальных войск, ревностный христианин и гроза браконьеров. Держался отсталых взглядов по некоторым вопросам, как уже упоминалось, и побаивался жены.

Слева от мисс Пендайс - преподобный Хассел Бартер, который будет принимать участие в завтрашней охоте, но на скачки в среду не поедет.

Священник Уорстед Скайнеса был невысок ростом, начавшая лысеть голова выдавала наклонность к размышлениям. Широкое, гладко выбритое лицо, с квадратным лбом и подбородком отличалось свежестью - лицо с портрета восемнадцатого века. Щеки обвисшие, нижняя губа выпячена, брови выступают над выпуклыми блестящими глазами. Манеры властные, разговаривает голосом, которому многолетняя привычка проповедовать с кафедры придала замечательную звучность, так что даже и частный его разговор слышали все, кто был поблизости. Впрочем, по всей вероятности, мистер Бартер считал, что каждое его слово несет в себе добрые семена. Неуверенность, нерешительность, терпимость к инакомыслию (когда дело касалось других) были ему несвойственны. Воображение он считал предосудительным. Свой долг в жизни он видел ясно, еще более ясным представлялся ему долг других людей. В своих прихожанах он не поощрял независимый образ мысли. Эта привычка казалась ему опасной. Свои взгляды он высказывал открыто, и если случалось ему уличать кого-нибудь в дурном поступке, то он с такой убежденностью расписывал глубину падения грешника, что слушающие не могли усомниться в его полной безнравственности. Говорил он с шутливо-грубоватой простотой, в приходе его любили: он прекрасно играл в крикет, еще лучше ловил рыбу, был отличный охотник, хотя и говорил, что у него нет времени на эту забаву. Утверждая, что не касается мирских дел, он следил, однако, чтобы среди его паствы не было заблуждающихся, и особенно поощрял ее поддерживать Британскую империю и англиканскую церковь. Его приход был наследственный. Семья у священника была большая, но он располагал и независимыми средствами. Рядом с ним сидела Нора, младшая дочь Пендайса; у нее было круглое открытое личико и более решительные манеры, чем у сестры.

Ее брат Джордж, старший сын дома, сидел по правую руку. Джордж был среднего роста, с загорелым до красноты, гладко выбритым лицом. Массивная челюсть, серые глаза, твердо очерченный рот, темные, гладко причесанные волосы, редкие на макушке, но еще блестящие тем особым глянцем, какой бывает только у светских молодых людей. Его костюм был безупречного покроя.

Таких, как он, можно встретить на Пикадилли в любой час дня и ночи. Он хотел поступить в гвардию, но не выдержал экзамена, в чем виноват был не он, а его врожденная неспособность писать грамотно. Будь он своим младшим братом Джералдом, он, вероятно, как и полагается Пендайсу, пошел бы в армию. А Джералд (который сейчас капитан Пендайс), пожалуй, также провалился бы на экзамене, будь он старшим сыном. Джордж жил в Лондоне, получая от отца шестьсот фунтов в год, и большую часть времени проводил в клубе за чтением "Руководства для любителей скачек" Руффа, расположившись в гостиной у окна.

Джордж оторвал глаза от меню и украдкой огляделся. Элин Белью говорила с его отцом, повернув к нему белое плечо. Джордж гордился своим умением владеть собой, но сейчас в его лице было заметно какое-то, странное беспокойное томление. Да, у людей были основания считать, что миссис Белью слишком красива для своего положения. Ее пышная, высокая, полная неизъяснимой грации фигура стала еще пышнее с тех пор, как она бросила верховую езду. Ее волосы, поднятые высоко надо лбом, имели особый нежный блеск. В изгибе рта проглядывала чувственность. Лицо широко в скулах, и лоб широк и невысок, но глаза изумительные - серовато-зеленые, как льдинки, в темных ресницах, они временами становились совсем зелеными, почти светились. Джордж смотрел на нее, как будто против воли, и было в его взгляде что-то жалкое.

Это тянулось с самого лета, а он все еще не знал, на что он может надеяться. Порой она бывала ласкова, порой отталкивала его. То, что вначале было для него игрой, стало слишком серьезным. В этом и состояла трагедия. То удобное состояние душевного покоя, которое единственно составляет прелесть жизни, было утрачено. Ни о чем другом он не мог думать, только о ней. Быть может, она из тех женщин, что упиваются восхищением мужчин, ничего не давая

взамен? Или оттягивает время, чтобы победа была вернее? Он искал ответа в ее прекрасном лице во мраке бессонных ночей. Для Джорджа Пендайса, аристократа по крови и образу жизни, не привыкшего обуздывать свои желания, следующего девизу "Наслаждайся жизнью!", страсть к этой женщине, страсть, которая не оставляла его ни на миг и которой он не мог управлять, как не мог управлять чувством голода, была нестерпимым мучением, и конца ему не было видно. Он был знаком с ней, еще когда она жила в Соснах, встречался с ней на охоте, но страсть вспыхнула лишь этим летом. Она родилась внезапно из простого флирта, затеянного во время танца.

Светские люди не склонны к самоанализу; они принимают свое состояние с трогательной наивностью. Голоден - значит, надо поесть. Мучает жажда - надо ее утолить. Отчего они голодны, когда пришел голод, - эти вопросы не имеют для них смысла. Этическая сторона не беспокоила Джорджа: добиться расположения замужней женщины, живущей с мужем врозь, - подобное приключение не шло вразрез с его принципами. Что будет после, он предоставил решать времени, хотя и понимал, что ситуация чревата самыми неприятными последствиями. Его терзали куда более близкие, куда более примитивные и простые горести: и он чувствовал, что беспомощно барахтается в стремительном потоке и нет сил сопротивляться ему.

- Да, скверная история. Страшный удар для Суитенхемов! Их сын должен был расстаться с мундиром. Что только думал старый Суитенхем! Он-то видел, что сын совсем потерял голову. Один Бетани ничего не понимал. Нет, во всем, во всем виновата одна леди Роза! - услышал он голос отца.

Миссис Белью улыбнулась.

- Я решительно на стороне леди Розы. А что вы скажете на этот счет, Джордж?

Джордж нахмурился.

- Бетани, по-моему, просто осел.

- Джордж, - проговорил мистер Пендайс, - аморален. Нынче все молодые люди таковы. Я все больше утверждаюсь в этой мысли. Говорят, вы перестали охотиться?

Миссис Белью вздохнула:

- Беднякам какая охота!

- Ах, да, ведь вы теперь живете в Лондоне, в этом пагубном месте. Люди забывают там землю, охоту, все, что прежде составляло их жизнь. Возьмите Джорджа, он и носа к нам не кажет. Пожалуйста, не подумайте, что я за то, чтобы дети до седых волос ходили на помочах. Молодость должна взять свое, что бы там ни говорили.

Разделавшись таким образом с законом природы, старый сквайр взялся за нож и вилку.

Ни миссис Белью, ни Джордж не последовали его примеру; она сидела, глядя себе в тарелку, и легкая усмешка чуть шевелила ее губы; он не улыбался и переводил глаза, горевшие обидой и страстью, с отца на миссис Белью, потом на мать. И как будто ток пробежал по этому ряду лиц, фруктов, цветов: миссис Пендайс ласково кивнула сыну.

ГЛАВА II

ОХОТА НА ФАЗАНОВ

Мистер Пендайс сидел во главе стола и деловито ел завтрак. Он был несколько молчаливей, чем обычно, как и подобает человеку, только что закончившему чтение семейной молитвы. Это молчание, как и стопка наполовину вскрытых писем по его правую руку, с несомненностью указывало, что мистер Пендайс был хозяином в доме.

"Не стесняйтесь себя, делайте, что хотите, одевайтесь, как нравится, садитесь, куда вздумается, ешьте, что больше по вкусу, пейте чай или кофе, но..." В каждом взгляде, в каждом предложении его коротких, сдержанно-радушных фраз чувствовалось это "но".

В конце стола сидела миссис Пендайс, перед ней попыхивал тоненькой струйкой пара серебряный кофейник на спиртовке. Ее руки непрерывно сновали среди чашек, и она то и дело что-то спрашивала, отвечала, но ни слова не говорила о себе. На белой тарелочке в стороне лежал забытый ломтик поджаренного хлеба. Дважды она брала его, мазала маслом и откладывала. На минуту оторвавшись от обязанностей хозяйки, она взглянула на миссис Белью, как будто желая сказать: "Как вы прекрасны, милочка!" Затем, вооружившись сахарными щипчиками, опять принялась передавать чашки.

Длинный буфетный столик, покрытый белой скатертью, был уставлен яствами, какие встретишь только там, где откармливают тварей себе на потребу. Ряд кушаний начинался огромным пирогом из дичи, уже лишившимся бока, заканчивали его два овальных блюда с

четырьмя холодными, наполовину растерзанными куропатками. За ними стояла плетеная серебряная корзиночка с виноградом: одна белая и три черные грозди; подле красовался тупой фруктовый нож, никогда не употреблявшийся, но принадлежавший кому-то из Тоттериджей и носивший их фамильный герб.

За с голом прислуги не было, но боковая дверь то и дело отворялась, вносились новые кушанья, и тогда казалось, что за дверью целая армия слуг. Как будто мистер Пендайс предупредил гостей: "Конечно, я мог бы позвать хотя бы двух лакеев и дворецкого, но уж не обессудьте, вы в простой деревенской усадьбе!"

Время от времени кто-нибудь из мужчин вставал с салфеткой в руке и осведомлялся у своей дамы, не подать ли ей чего-нибудь из закусок. Получив отрицательный ответ, он тем не менее выходил из-за стола и наполнял новой снедью свою тарелку. Три собаки - два фокстерьера и старый-престарый скай без усталости ходили вокруг, нюхая салфетки гостей. Стоял умеренный гул голосов, в котором можно было различить восклицания, вроде: "Отличный лаз на опушке!", "Помните, Джефри, того вальдшнепа, что вы подстрелили в прошлом году?", "А наш дорогой сквайр тогда остался ни с чем!", "Дик! Дик! Негодная собака! Поди сюда, покажи, что ты умеешь. Служить! Служить! Молодец! Правда, какой душка?"

То на ноге мистера Пендайса, то возле его стула, словом, там, откуда было видно, что едят, сидел спаньель Джон, и мистер Пендайс, не раз беря двумя пальцами какой-нибудь лакомый кусочек, говорил: "Джон, возьми! Завтракайте поплотнее, сэр Джеймс. Человек, плохо поевший с утра, ни на что не годится!"

А миссис Пендайс, подняв брови, заботливо оглядывала стол, обращаясь то к одной, то к другой гостье: "Еще чашку, дорогая. Вам с сахаром?"

Когда все насытились, каждый задумчиво устремил взор прочь от стола, точно устыдившись своего участия в недостойном деле и желая поскорее заняться чем-нибудь другим; мистер же Пендайс, доев последнюю виноградинку и вытерев рот, сказал:

- Господа, в вашем распоряжении пятнадцать минут, отправляемся в четверть одиннадцатого.

Миссис Пендайс осталась за столом, чуть насмешливо улыбаясь, надкусила гренку с маслом, успевшую засохнуть, и отдала ее "милым

собачкам".

- Джордж, - позвала она сына, - тебе нужен новый охотничий галстук, зеленый совсем выцвел. Все собираюсь купить шелку. Что слышно о твоём жеребце?

- Блэксмит пишет, что Эмблер в прекрасной форме.

- Я не сомневаюсь, что он придет первым. Твой дядя Губерт проиграл однажды на скачках четыре тысячи фунтов в Ратлендширском заезде. Прекрасно помню, как будто это случилось вчера. Платил твой дед. Я так рада, что ты не играешь, мой мальчик!

- Я играю, мама.

- О, Джордж. Но ты, наверно, ставишь не так много! Только, ради бога, не говори отцу; он, как все Пендайсы, боится риска.

- И не собираюсь, мама. Да ведь и риск небольшой. Я выиграю очень много, поставив пустяки.

- И в этом нет ничего дурного, Джордж?

- Конечно!

- Не понимаю... - Миссис Пендайс опустила глаза, ее бледные щеки порозовели; она снова взглянула на сына и торопливо проговорила:

- Джордж, я хотела бы поставить немного на Эмблера, хотя бы... соверен.

Выказывать чувства было не в правилах Джорджа. Он улыбнулся.

- Хорошо, мама. Я поставлю за тебя. Выплата один к восьми.

- Значит, если Эмблер придет первым, я получу восемь соверенов?

Миссис Пендайс рассеянно взглянула на его галстук. Джордж кивнул.

- Пожалуй, поставь два. Один - слишком ничтожный риск; а я так хочу, чтобы он пришел первым! Как прелестна сегодня Элин Белью! Приятно, когда женщина и утром красива.

Джордж отвернулся, чтобы мать не заметила, как он покраснел.

- Да, вид у нее свежий.

Миссис Пендайс взглянула на сына, чуть насмешливо приподняв правую бровь.

- Ну, не задерживаю тебя больше, иди, а то опоздаешь.

Мистер Пендайс, охотник старой закваски, все еще державший пойнтеров, хотя и не охотившийся с ними ввиду модных веяний, был

решительным противником охоты с двумя ружьями.

- Кто хочет охотиться в Уорстед Скайнесе, - говаривал он, - пусть довольствуется одним ружьем, как было при моем покойном отце. Зато это будет настоящий спорт. Дичь у меня поменьше страуса (мистер Пендайс не подкармливал фазанов, чтобы проворней взлетали), и устраивать бойню в моем поместье, - на это не рассчитывайте.

Мистер Пендайс был страстный любитель птиц, и у него под стеклом хранилось множество чучел тех представителей пернатых, которым грозило исчезновение; он верил, как и подобает Пендайсу, что, занимаясь коллекционированием птиц, оказывает им добрую услугу, сохраняя для потомства тех из них, которых в скором времени только и найдешь, что в его собрании. Еще он мечтал, что его коллекция станет ценной частью родового имения и перейдет к его старшему сыну и к сыну его сына.

- Возьмите хотя бы пеночку, - говорил он, - прелестная пташка, но все реже и реже ее слышишь. Каких трудов мне стоило ее раздобыть. Вы не поверите, сколько я за нее отдал!

Одних птиц он подстрелил сам: в молодые годы мистер Пендайс предпринял несколько путешествий за границу, только с этой целью; но большая часть коллекции была куплена. В его библиотеке не одна полка была аккуратно заставлена томиками, посвященными этому увлекательному предмету; его коллекция яичек исчезающих пород птиц была одной из богатейших "во всех трех королевствах". С особой гордостью он показывал яичко, снесенное последней представительницей данного семейства. "Его достал, - рассказывал он, - мой старый, верный егерь Ангус. Вынул прямо из гнезда. Там было всего одно, последнее. Этот вид, - прибавлял он, бережно держа в смуглой, покрытой темным пушком руке хрупкое, славно фарфоровое, яичко, - вымер". Он любил пернатых и обрушивался на бездельников-простолюдинов, которые убивали зимородков и других редких птиц из баловства или по глупости, а не для составления коллекций. "Их следует сечь!" - говорил он, ибо считал, что убить редкую птицу можно, лишь имея на то веские основания (не считая, конечно, совсем уж исключительных случаев, как с пеночкой) и только в чужих странах или в отдаленнейших частях Британских островов. И если в его усадьбу вдруг залетала прекрасная пернатая

незнакомка, начинался переполох, принимались всевозможные меры, чтобы удержать ее у себя в надежде на потомство и присоединение к коллекции нового экземпляра; но если с достоверностью становилось известно, что птица принадлежит мистеру Фуллеру или лорду Куорримену, чьи поместья граничили с Уорстед Скайнесом, и появлялась серьезная и неотвратимая опасность, что редкий гость вернется в свои пределы, его подстреливали и превращали в чучело, чтобы сохранить для будущих поколений. Это было вполне в духе мистера Пендайса. Повстречав знакомого помещика, обуреваемого той же страстью (коих было несколько в тех местах), мистер Пендайс приходил в уныние, терял покой на неделю и немедленно удваивал старания, пока не находил новую жемчужину.

Церемония охоты была тщательно продумана во всех деталях. В шляпу поместили записочки с фамилиями, которые мистер Пендайс собственноручно вынимал одну за другой, определяя номер охотника, затем был произведен осмотр загонщиков, проходивших мимо мистера Пендайса с бесстрастными лицами и палками в руках. Пять минут наставлений старшему егерю, и охотники двинулись в путь, каждый захватив ружье и запас дроби на первый гон, как полагалось по обычаю доброго, старого времени.

Тяжелые капли росы испарялись на солнце, и над травой повисло туманное сияние, дрозды вприпрыжку убегали в кусты, галдели грачи в ветвях старых вязов.

Откуда-то сбоку выехала охотничья тележка, построенная по рисунку самого мистера Пендайса, запряженная ломовой лошадью, которой правил немолодых лет возница, и медленно покатила в сторону леса, где должен был начаться гон.

Джордж шел последним, глубоко засунув руки в карманы, наслаждаясь тихой прелестью дня, нежным щебетанием птиц, этой чистой и приветной песней природы. Пахнуло лесом, и он радостно подумал: "Какой денек для охоты!"

Сквайр, в охотничьем костюме, в котором он сливался с деревьями и кустами, чтобы не отпугивать птиц, в кожаных крагах, суконном шлеме собственного покроя, со множеством дырок, чтобы голова не потела, подошел к сыну; за ним бежал спаньель Джон, чья страсть к птицам не уступала хозяйской.

- У тебя последний номер, Джордж, будешь бить высоко влет!

Джордж нашел ногой упор, сдул пылинку с одного из стволов, и запах ружейного масла вызвал у него дрожь. Он забыл все, даже Элин Белью.

Но вот тишину нарушил отдаленный шум; из золотисто-зеленых зарослей вынырнул фазан, летя низко-низко; блеснув на солнце атласным оперением, он свернул вправо и исчез в траве. Высоко в небе пролетели голуби. Забухали палки по деревьям, и вдруг прямо на Джорджа с шумом стремительно метнулся еще один фазан. Джордж вскинул ружье и дернул спуск. Птица на секунду повисла в воздухе, судорожно трепыхнулась и с глухим стуком упала на зеленый мох. Мертвая птица лежала, залитая солнечным светом, и губы Джорджа расплзлись в блаженной улыбке. Он упивался радостью бытия.

Во время охоты сквайр, по обыкновению, заносил в книгу памяти свои впечатления. Он брал на заметку тех, кто часто мазал, попадал в хвост или начинял птицу свинцом, снижая ее рыночную стоимость, или же ранил зайца, отчего тот кричал, как ребенок, а это некоторые не любят; запоминал того, кто в погоне за славой приписывал себе убитую другими дичь, или недопустимо часто бил по фазану, облюбованному соседом, или попадал по ногам загонщиков. Но все эти промахи искупались отчасти в его глазах более существенными качествами, такими, как титул отца Джеффри Уинлоу; богатые дичью угоды сэра Джеймса Молдена, в которых ему вскоре предстояло охотиться; положение Томаса Брзндуайта в финансовом мире, родство генерала Пендайса с ним, Хорэсом Пендайсом, значение англиканской церкви. Только один Фоксли был безгрешен. С непревзойденным искусством он убивал все, что попадало под выстрел. Это имело свой смысл, ибо у Фоксли не было ни титулов, ни угодий, ни финансового положения, ни духовного сана. И еще замечал мистер Пендайс одно: ту радость, которую доставлял всем своей охотой, ибо он был добрый человек.

Солнце уже садилось за лесом, когда охотники заняли свои места в ожидании последнего гона.

Из трубы домика лесничего в лощине, где последние алые нити заходящего солнца цеплялись за побуревшие побеги дикого винограда, потянулся дымок, уносимый ветром, запахло топившейся печью. Было совсем тихо, лишь слышались вдалеке извечные шумы деревенского вечера: голоса людей, крики птицы, мычание скота. Высоко над лесом

еще кружили испуганные голуби, а кругом покой; только луч солнца скользнет между ветвей, играя на гляцевитой поверхности листьев, и кажется тогда, что лес наполнен волшебным трепетом.

Из этого сказочного леса выполз подраненный кролик. Он лежал, умирая, на травяной кочке. Его задние лапки вытянулись, передние были подняты, как руки молящегося ребенка. Он лежал недвижимо, будто дыхание уже отлетело от крохотного тельца, - жили только черные влажные глаза. Покорно, не жалуясь, не понимая, что случилось, поводя страдающими, влажными глазами, он возвращался в лоно своей матери-земли. Так и Фоксли однажды соберется в последний путь и станет недоуменно спрашивать природу, за что она убила его.

ГЛАВА III

БЛАЖЕННЫЙ ЧАС

Час между чаем и ужином; вся усадьба, наполненная сознанием своих добродетелей, отдыхает, погрузившись, в полудрему.

Приняв ванну и переодевшись, Джордж Пендайс, захватив с собой книжку, где записаны ставки, спустился в курительную. Пройдя в уголок, отведенный для любителей чтения и защищенный от сквозняков и постороннего взгляда высокой кожаной ширмой, Джордж удобно расположился в кресле и задремал. Он сидел, склонив голову на руку, скрестив вытянутые ноги, от него исходил нежный запах дорогого мыла, как будто его душа, вкусив наконец покоя, заблагоухала своим естественным благоуханием...

Его сознание, находившееся на грани сна и бодрствования, волновалось возвышенными и благородными чувствами, как бывает после целого дня на свежем воздухе, когда все мрачное, чреватое опасностью отступает на задний план. Он очнулся, услышав голоса:

- А Джордж недурной стрелок!

- Только во время последнего гона непростительно мазал. С ним была тогда миссис Белью. Птицы тучей летели на него, а он хоть бы в одну попал. Это говорил Уинлоу. После минутного молчания раздался голос Томаса Брэндуайта:

- Женщинам нечего делать на охоте. Вот бы никогда не брал их с собой! Что вы думаете на этот счет, сэр Джеймс?

- Плохое обыкновение, плохое!

Томас Брэндуайт смеется, по смеху чувствуется, что этот человек всегда неуверен в себе.

- Этот Белью совсем сумасшедший. Тут он прослыл "отчаянным". Пьет, как лошадь, а на лошади - сам дьявол. Миссис Белью по части верховой езды не уступит супругу. Я заметил, что в местах, где любят охоту, всегда найдется подобная пара. Худой, плечи подняты, лицо бледное, рыжие усы, глазки маленькие, черные.

- Она молода?

- Года тридцать два.

- Как же это они не поладили?

Чиркнула спичка.

- Два медведя в одной берлоге.

- Сейчас видно, что миссис Белью любит вздыхателей. А погоня за поклонением играет порой скверную шутку с женщинами!

Снова ленивый голос Уинлоу:

- Помнится, был ребенок, но умер. Потом какая-то история; что произошло, так никто и не знает. Но Белью пришлось оставить полк. Говорят, у миссис Белью бывают минуты, когда она жить не может без острых ощущений. Выбирает ледок потоньше и манит к себе мужчину. Горе тому, кто бросится вслед за ней и окажется слишком тяжел: ко дну пойдет, только его и видели!

- Вся в отца, старого Шеритона. Я встречал его в своем клубе - сквайр старой закалки; женился второй раз в шестьдесят, в восемьдесят похоронил бедняжку. "Старый Кларет-Пикет" называли его; имел на стороне детей, как никто другой в Девоншире. Я видел, как он за неделю до смерти играл в пикет по полкроны за очко. Такая кровь. А интересно знать, не слишком ли тяжел Джордж? Ха-ха!..

- Тут, Брэндуайт, смешного мало! До обеда еще есть время. Не сыграть ли нам партию в бильярд, Уинлоу?

Задвигали стульями, зашаркали ноги, хлопнула дверь. Джордж остался один; на щеках пылали красные пятна. Ощущение приподнятости и счастья исчезло вместе с сознанием заслуженного отдыха. Он вышел из своего укромного уголка и стал прохаживаться взад и вперед по тигровой шкуре у камина. Закурил папиросу, бросил, закурил другую.

Катание по тонкому льду! Этим его не остановишь! Вся их вздорная болтовня, насмешки не удержат его. Только раззадоривают!

Бросил и эту папиросу. Было непривычно идти в этот час в гостиную, но он все-таки пошел.

Тихонько отворил дверь: длинная, уютная комната, освещенная керосиновыми лампами. У рояля миссис Белью, поет. Чай уже не пьют, но со стола еще не убрано. В оконной нише играют в шахматы генерал Пендайс и Би. В центре комнаты, у одной из ламп, леди Молден, миссис Уинлоу и миссис Брэндуайт, лица обращены к роялю, и каждая как будто говорит: "Мы славно беседовали, как бестактно было мешать нам!" У камина, расставив длинные ноги, стоит Джералд Пендайс; немного поодаль, устремив темные глаза на Элин Белью, миссис Пендайс с работой в руках; у самых ее ног, на краешке юбки, дремлет дряхлый скайтерьер Рой.

Когда бы я, целуя, знал,
Что не сулит любовь добра,
Я б сердце скрыл в ларце златом,
Замкнул ключом из серебра.
Увы, увы, любовь мила
Лишь миг, куда молода.
Но минет год, она пройдет
Росой исчезнет навсегда {*},
{* Перевод И. Гуровой.}

Вот что слышал Джордж. Звуки песни трепетали и сливались с аккордами прекрасного, но немного разбитого рояля; сердце Джорджа дрогнуло и заныло. Он смотрел на миссис Белью, и, хотя не был любителем музыки, в глазах его появилось выражение, которое он поспешил скрыть.

В центре комнаты что-то сказали. Стоявший у камина Джералд воскликнул:

- Благодарю, чудесно!

У окна раздался громкий голос генерала Пендайса: - Шах!

Миссис Пендайс, уронив слезу на вышивание, взялась за иглу и ласково проговорила:

- Спасибо, дорогая, вы поете восхитительно! Миссис Белью встала из-за рояля и села подле нее.

Джордж подошел к сестре. Он, вообще говоря, не терпел шахмат, но отсюда, не привлекая внимания, мог смотреть на миссис Белью.

В гостиной царил сонный покой, в камине, распространяя приятный смолистый запах, потрескивало только что подброшенное кедровое полено.

Голоса его матери и миссис Белью (Джордж не слышал, о чем они говорят), шушуканье леди Молден, миссис Брэндуайт и Джералда, перемывающих косточки соседям, бесстрастный голос миссис Уинлоу, то соглашающейся, то возражающей, - все это слилось в один монотонный, усыпляющий гул, время от времени нарушаемый возгласами генерала Пендайса "Шах!" и восклицаниями Би "Ах, дядюшка!".

В душе Джорджа закипал гнев. Почему все они так счастливы, довольны, когда его пожирает неугасимый огонь? И он устремил свой тоскующий взор на ту, в чьих силках он безнадежно запутался.

Неловко двинувшись вперед, он задел столик с шахматами. Генерал за его спиной пробурчал:

- Осторожнее, Джордж... А если пойти вот так...

Джордж подошел к матери.

- Покажи, что ты вышиваешь, мама?

Миссис Пендайс откинулась на стуле, протянула ему свою работу и улыбнулась удивленно и радостно:

- Дорогой, ты в этом ничего не поймешь. Это вставка к моему новому платью.

Джордж взял вышивание. Он и в самом деле ничего не понимал, но вертел его в руках так и этак, вдыхая теплый аромат женщины, которая сидела рядом с его матерью и которую он любил.

Нагнувшись над вышиванием, он коснулся плеча миссис Белью; она не отодвинулась и чуть прижалась к его руке, отвечая на его прикосновение. Голос матери вернул Джорджа из небытия.

- Осторожней, дорогой, здесь иголка! Так мило с твоей стороны, но, право...

Джордж отдал работу. Глаза миссис Пендайс светились благодарностью. Первый раз сына заинтересовало ее занятие.

Миссис Белью веером из пальмовых листьев прикрыла лицо, как будто от огня камина. И тихо произнесла:

- Если мы завтра выиграем, Джордж, я вам вышию что-нибудь.

- А если проиграем?

Миссис Белью подняла голову, и Джордж невольно встал так, чтобы заслонить от матери ее глаза: такая колдовская сила струилась из них.

- Если мы проиграем, - повторила она, - тогда все будет кончено, Джордж. Мы должны выиграть.

Он невесело усмехнулся и быстро перевел глаза на мать. Миссис Пендайс делала стежок за стежком, но лицо у нее было печальное и чуть испуганное.

- Грустная была песенка, дорогая, - проговорила она.

Миссис Белью ответила:

- Но в ней правда, не так ли?

Джордж чувствовал на себе ее взгляд, хотел было ответить взглядом и не мог: ее глаза, смеющиеся, угрожающие, мяли его, вертели во все стороны, как он сам только что вертел вышивание своей матери. И снова по лицу миссис Пендайс скользнул испуг.

Громкий голос генерала всколыхнул тишину:

- Пат? Чепуха, Би... Ах, черт возьми, ты, кажется, права!

Усилившееся гудение в середине комнаты заглушило слова генерала; Джералд, подойдя к камину, подбросил в огонь еще одно полено. Клубом вырвался дым.

Миссис Пендайс, откинувшись на спинку стула, улыбалась, морща тонкий, изящный нос.

- Как хорошо, - сказала она, но глаза ее не отрывались от лица сына, и в их глубине притаилась тревога.

ГЛАВА IV

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Из всех мест, где с помощью разумной смеси хлыста и шпор, овса и виски лошадей заставляют перебирать ногами с быстротой, практически бесполезной, затем только, чтобы люди могли обменяться кружочками металла, минуя более сложные способы обмена, Ньюмаркет - самое лучшее, веселое и оживленное место.

Этот паноптикум, наглядно убеждающий, что все в мире течет, ибо тайная причина всех скачек - продемонстрировать вечное движение (ни один истинный любитель скачек не относился еще к своему проигрышу или выигрышу как к чему-то окончательному), этот паноптикум изменчивости обладает непревзойденными

климатическими условиями для формирования английского характера.

Здесь, на этом пятачке, имеется и наиболее значительный фактор в создании характера: свирепый восточный ветер, и палящее солнце, и жесточайшие метели, и обильнейшие дожди, как нигде в другом месте во всех трех королевствах. Ньюмаркет обогнал даже Лондон, выпестовывая породу индивидуалистов, чье излюбленное состояние духа, выражаемое словами: "Подите к черту, я все знаю сам!" - желанная цель всякого англичанина, а тем более деревенского помещика. И Ньюмаркет, колыбель той самоуверенной замкнутости, которая составляет существеннейшую черту английского христианства в нашей стране, стал поистине землей обетованной для класса землевладельцев.

Возле конюшен ипподрома за полчаса до начала Ратлендширского гандикапа по двое, по трое собирались завсегда, и, расписывая на все лады достоинства лошадей, на которых они не ставили, и недостатки тех, на которых ставили, а также обсуждая последние промахи жокеев и тренеров. В стороне беседовали вполголоса Джордж Пендайс, его тренер Блексмит и Жокей Суелс. Многими с удивлением отмечалось, что людям, имеющим дело со скаковыми лошадьми, свойственна замечательная скрытность. А дело простое. Лошадь - существо чуткое и несколько беззаботное, и если сначала не выказать твердости, она может подвести. В высшей степени важно иметь непроницаемое лицо, иначе она не поймет, чего от нее хотят. Чем больше возлагается надежд на лошадь, тем непроницаемее должны быть лица всех, имеющих к ней отношение, а не то можно потерпеть жестокое фиаско.

Именно поэтому лицо Джорджа было сегодня еще более невозмутимо, чем всегда, а настороженные и решительные лица тренера и жокея казались совершенно непроницаемыми. У маленького Блексмита был в руке короткий с насечкой хлыст, которым он вопреки устоявшемуся представлению не хлопал себя по ногам. Из-под полуопущенных век на гладко выбритой физиономии поблескивали умные глаза, верхняя губа была опущена на нижнюю. Испещренное морщинами лицо жокея с выступающими надбровными дугами и впадинами вместо щек было темноватого оттенка, какой

бывает у старинной мебели, на голове жокейская шапочка "синего павлиньего" цвета.

Эмблер, жеребец Джорджа Пендайса, был куплен на заводе полковника Доркинга, принципиального противника скачек с участием двухлеток, и поэтому до трех лет ни разу не выступал. После многообещающих прикидок он пришел вторым в Фейн Стейксе, но с тех пор как-то исчез из поля зрения любителей.

"Конюшня" с самого начала возлагала надежды на Ратлендширский гандикап, и не успели закончиться скачки в Гудвуде, как букмекерам Барни, известным своим умением расположить публику в нужный момент в пользу намеченной лошади, было дано соответствующее распоряжение. Тут же выяснилось, что публика согласна ставить на Эмблера из расчета один к семи и не ниже. Букмекеры Барни тут же начали весьма тонко ставить деньги "конюшни", после чего оказалось, что Джордж, не ставя ни пенса, мог выиграть чистых четыре тысячи фунтов. Если бы он теперь решил поставить эту сумму против своей лошади, то при сложившихся условиях он мог наверняка обеспечить себе пятьсот фунтов, даже если бы Эмблер не сделал и шагу. Но Джордж, который был бы рад этим деньгам, считал недостойными подобные махинации. Это было против его принципов. Кроме того, он верил в своего жеребца, а в жилах его текло достаточно крови Тоттериджей, чтобы любить скачки ради скачек. Даже в самом поражении он находил радость оттого, что принимал это поражение хладнокровно, и от сознания своего превосходства над теми, в ком было так мало от истинных спортсменов.

- Пойдем посмотрим, как седлают, - сказал он своему брату Джералду.

В одном из денников, выходящем в длинный коридор, Эмблер дожидался, когда его начнут готовить к выходу; это был гнедой жеребец с красивыми плечами, тонкими бабками, небольшой, изящной головой и редким хвостом. Самое замечательное в нем были глаза. Бархатные, выпуклые, они светились из глубины каким-то таинственным огнем, а когда Эмблер скашивал их на стоящего рядом, открывая полумесяц белка, и глядел своим странным проникновенным взглядом, верилось, что его пониманию доступно все происходящее вокруг. Ему было всего три года, и он еще не достиг

возраста, в котором у людей их действиями начинает управлять сознание; но трудно было сомневаться, что со временем он осудит систему, позволяющую людям наживаться за его счет. Глаза, обведенные белым серпом, глянули на Джорджа, Джордж молча посмотрел в ответ, и его странно поразил этот пристальный, ласковый и неукротимый взгляд жеребца. От сердца, которое билось глубоко под этой теплой темной атласной кожей, от этой души, проглядывающей в ласковом неукротимом взгляде, зависело слишком много, и Джордж отвернулся.

- Жокеи! По седлам!

И, разваливая надвое толпу одетых в шляпы и пальто двуногих существ с пустыми, холодными глазами, красуясь своей атласной наготой, гнедой, пегой, рыжей, гордо и спокойно, как на смерть, проплыли четвероногие существа, прекраснее которых нет в мире. И как только исчезла в воротах последняя лошадь, толпа разошлась.

Джордж стоял один у барьера в укромном углу, откуда видел через бинокль пестрое подвижное колесо на расстоянии мили и большую часть дорожки. В эти минуты, от которых зависела его судьба, он не мог оставаться с людьми.

- Пустили!

Джордж отнял бинокль от глаз, поднял плечи, напряг локти; никто не должен знать, что с ним сейчас происходит. Позади него кто-то сказал:

- Фаворит отстает. Кто же это в синем, на дальней дорожке?

Совсем один, на последней дорожке, совсем один несся во весь опор Эмблер, как птица, завидевшая родные места. Сердце Джорджа готово было выскочить из груди, как выскакивает летней ночью рыба из темного озера.

- Им не догнать! Эмблер первый! Выиграл шутя! Эмблер!

Джордж один молчал в этой орущей толпе и повторял про себя: "Моя лошадь! Моя лошадь!" Слезы радости подступили к его глазам. Минуту он стоял, словно окаменев, потом привычным движением поправил шляпу и галстук и неторопливо зашагал к конюшне. Подождав, пока тренер отвел жеребца, он прошел за ним в весовую.

Маленький жокей сидел, держа на коленях седло, с мрачно безучастным видом, ожидая слов: "Все в порядке!"

Но Блексмит сказал тихо:

- Мы выиграли, сэр. Обошли на четыре корпуса. Я уже предупредил Суелса. Больше на моих лошадях он скакать не будет. Выдать такой секрет! Так далеко оторваться! Я готов плакать с досады.

Взглянув на тренера, Джордж увидел, что губы у него дрожат.

В своем деннике, полосатый от струек пота, Эмблер, вытянув задние ноги, нетерпеливо косился на старательного груга; перестав мотать головой, на миг устремил на Джорджа свой пристальный, гордый, ласковый взгляд. Джордж опустил затянутую перчаткой руку на шею жеребца, всю в мыле. Эмблер вскинул голову и отвернулся.

Джордж вышел из конюшни и направился к трибуне. Слова тренера "Выдать такой секрет" были как ложка дегтя в чаше его счастья. Он подошел к Суелсу. На языке вертелись слова: "Зачем было раскрывать карты?" Но он ничего не сказал, ибо где-то в глубине души сознавал, что не приличествует ему спрашивать своего жокея, почему тот не схитрил и не выиграл всего одной длиной. Но жокей понял его и без слов.

- Мистер Блексмит задал мне головоломку. Но, сэр, этот жеребец - умная тварь. Я решил дать ему волю. Попомните мое слово, он понимает, что к чему. Если попадается такая лошадь, лучше ей не перечить.

Сзади кто-то проговорил:

- Поздравляю, Джордж! Хотя сам я повел бы скачки не так. Надо было точнее рассчитать расстояние. Ну и быстр этот жеребец, как ветер! Да, а все-таки теперь скачки не те.

Это подошли его отец и генерал Пендайс. Оба худощавые, подтянутые; такие разные и вместе такие похожие друг на друга; их глаза, казалось, говорили: "Я не буду таким, как ты. Вот возьму и не буду таким, как ты!"

За ними стояла миссис Белью. Ее глаза под полуопущенными ресницами ежесекундно меняли цвет и то меркли, то вспыхивали огнем. Джордж медленно подошел к ней. Вся она дышала торжеством и нежностью, щеки ее пылали, тонкий стан изгибался. Она и Джордж не плядели друг на друга.

Возле изгороди стоял мужчина в костюме для верховой езды, поджарый, с узкими, приподнятыми плечами наездника и худыми, длинными, чуть кривыми ногами. Узкое, с тонкими губами

веснушчатое лицо мертвенно бледно; рыжеусый; соломенного цвета волосы коротко подстрижены. Он проводил Джорджа и его спутницу пронзительным взглядом маленьких темно-карих, жгучих глаз, в которых, казалось, плясали черти. Кто-то хлопнул его по плечу:

- Белью, здорово! Как скачки?

- Плохо, черт бы их побрал! Идем выпьем. По-прежнему не глядя друг на друга, миссис Белью и Джордж шли к выходу.

- Не хочу больше смотреть, - проговорила миссис Белью, - я бы, пожалуй, сейчас уехала.

- Еще только один заезд. В последнем ничего интересного.

В самом конце трибуны, посреди кипящей толпы, он остановился.

- Элин?

Миссис Белью повернула голову и первый раз прямо взглянула в его глаза.

Путь от станции Ройстон до Уорстед Скайнес был дальний, по проселкам. Джорджу Пендайсу, рядом с которым в двуколке сидела Элин Белью, он показался одной минутой - той редкой минутой, когда растворяются небеса и взору предстает дивное видение. Одним эта минута выпадает раз в жизни, другим часто. Она случается и после долгой зимы, когда сады зацветают, и после душного лета, когда начинают желтеть листья; а какими красками расписано это видение: снежная ли в нем белизна и пламя, винный багрянец и нежные тона альпийских цветов, или осенняя зелень глубокого покойного пруда, - это знает лишь тот, кому оно открывается. Одно бесспорно: оно заставляет забыть все образы окружающего, понятие о порядке, законе, все прошлое и настоящее. Это - видение будущего, благоухающее, исполненное дивной мелодией, унизанное перлами. Так является усталому путнику в расщелине скал цветущая яблоневая ветка, дрожащая на ветру, звенящая от пчел.

Джордж Пендайс, глядя вверх серой спины лошади, упивался своим видением, а та, что сидела подле, закутанная в меха, нежно касалась его руки своей. Позади, на запятках, на вершок от дороги, уносящейся прочь, дремал грум и видел иные сны: он выиграл пять фунтов. А серая кобыла видела свою теплую, светлую конюшню, слышала шорох овса, засыпаемого в ясли, и неслась, едва касаясь копытами земли; впереди нее бежали два светлых пятна от фонарей,

вырывая из тьмы живую стену буков, звонко шелестевших листьями на ветру. Она часто фыркала, радуясь, что близок дом; и пена, закипавшая на ее губах, осыпала брызгами сидящих сзади. Они сидели молча, трепеща от каждого прикосновения рук, их щеки пылали от ветра, горящие глаза были устремлены вперед, в темноту.

Неожиданно грум очнулся от дремы: "Будь у меня жеребец, как у мистера Джорджа, да сиди со мной такая красотка, как миссис Белью, я бы не молчал, набрав в рот воды".

ГЛАВА V

БАЛ У МИССИС ПЕНДАЙС

Миссис Пендайс любила собирать местное общество и устраивать танцевальные вечера - нелегкое предприятие в местах, где души, а к стати, и ноги привыкли к менее воздушным занятиям. Больше всего хлопот ей было с мужчинами: ведь, несмотря на общенациональное неодобрительное отношение к танцам, во всей Англии не сыскать девушки, которая не любила бы танцевать.

- Ах, как я любила танцевать! Бедняжка Сесил Тарп! - Она показала на долговязого, краснощекого юношу, танцующего с ее дочерью. - Каждую секунду сбивается с такта и ухватился за Би так, будто вот-вот упадет. Ах господи, какой увалень! Хорошо, что девочка танцует легко и уверенно. И все-таки он мне очень нравится. А вот и Джордж с Элин. Бедненький Джордж, в нем нет такого блеска, как в ней, но он лучше других. Как она прелестна сегодня!

Леди Молден поднесла к глазам лорнет в черепаховой оправе.

- Да, только она из тех женщин, на которых смотришь и замечаешь, что у них есть э... э... тело. Она слишком... как бы это сказать? Она почти... почти француженка!

Миссис Белью прошла так близко, что край ее платья цвета морской воды задел их ноги со свистящим шелестом и обдал ароматом, какой бывает в саду весной. Миссис Пендайс сморщила нос и сказала:

- Нет, она куда приятней. Такая стройность, грация.

Леди Молден, помолчав немного, заметила:

- Опасная женщина. И Джеймс того же мнения. Брови миссис Пендайс поднялись - в этом легком движении сквозила едва заметная насмешка.

- Миссис Белью - моя дальняя родственница, - сказала она. - Отец ее был человек замечательный. Старинная девонширская семья... Я люблю смотреть, как веселится молодежь.

Мягкая улыбка озарила морщинки у ее глаз. Под атласным лиловым лифом, отделанным рядами черной бархатной тесьмы, ее сердце билось сегодня сильнее, чем обычно. Она вспомнила далекий бал в юности, когда друг ее детских игр, молодой лейб-гвардеец Трефэн, танцевал с ней одной весь вечер и как после, встречая у окна своей спальни восход солнца, она тихо плакала, потому что была женою Хорэса Пендайса.

- Мне всегда жалко женщин, так хорошо танцующих. Я думала пригласить кого-нибудь из Лондона, но Хорэс и слышать не захотел. А девочкам скучно. И не в том дело, как местные кавалеры танцуют, - послушайте, о чем они говорят: первый выезд в поле, вчерашняя травля лисицы, завтрашняя охота на фазанов, фокстерьеры (хоть я и сама люблю собак) и, конечно, новое поле для гольфа. Меня порой это очень огорчает.

Миссис Пендайс опять взглянула на танцующих и улыбнулась своей доброй улыбкой. Две тонкие морщинки легли рядом между ровными дугами бровей, все еще темных. - Не умеют они веселиться. Да, впрочем, никто о веселье и не думает. Не дождутся завтрашнего утра: им бы только в лес, на охоту. Даже Би.

Миссис Пендайс не преувеличивала. Среди гостей Уорстед Скайнса в этот вечер после скачек в Ньюмарксте были только соседи, начиная от Гертруды Уинлоу, напоминавшей слегка подкрашенную статую, и кончая молодым Тарном, у которого круглая голова и честное лицо и который танцует с Би, как будто продирается верхом через кусты. В нише у окна лорд Куорримен, хозяин Гаддесдона, беседовал с сэром Джеймсом и преподобным Хасселом Бартером.

- Ваш муж и лорд Куорримен говорят сейчас о браконьерах, - сказала миссис Пендайс, - тотчас видно по движениям рук. И я невольно начинаю сочувствовать бедным браконьерам.

Леди Молден опустила лорнет.

- Джеймс в отношении браконьеров придерживается правильных взглядов, проговорила она. - Это такое подлое преступление. А чем подлее проступок, тем более важно его предупредить. Конечно, неприятно наказывать человека, если он украл булку или немного

репы, и все-таки укравший должен быть наказан. Но к браконьерам у меня нет ни капли жалости. Многие занимаются браконьерством ради забавы!

А миссис Пендайс говорила:

- Теперь с ней танцует капитан Мейдью. Вот он прекрасно вальсирует. Как хорошо они понимают друг друга и как довольны! Я так люблю, когда людям весело. В мире столько скорби, которой могло и не быть, столько страданий. Я думаю, это все оттого, что мы недостаточно терпимы друг к другу.

Леди Молден взглянула на хозяйку, неодобрительно поджав губы; но миссис Пендайс, урожденная Тоттеридж, ласково улыбалась. У нее был природный дар не замечать косых взглядов своих соседей.

- Элин Белью, - продолжала она, - была очаровательной девушкой. Ее дед приходится двоюродным братом моей матери. Так кем же она приходится мне? Во всяком случае, Грегори Виджил, мой кузен, - ее двоюродный дядя по отцу. Хэмширские Виджилы. Вы знаете его?

- Грегори Виджил? - переспросила леди Молден. - У него такая пышная седая шевелюра? Мне приходилось встречаться с ним по делам ОСДЖ.

Но миссис Пендайс видела себя танцующей.

- Прекрасной души человек! А что это за... за...?

Леди Молден строго посмотрела на миссис Пендайс.

- Общество Спасения Детей и Женщин! Разумеется, вы слышали о нем?

Миссис Пендайс все улыбалась,

- Ах да, слыхала, полезное общество! А какая фигура! Так приятно смотреть на нее! Я завидую женщинам с таким сложением, они никогда не старятся. Так вы говорите, Общество возрождения женщин? Грегори просто незаменим в подобных случаях. Но заметили вы, как редко он добивается успеха? Помню, этой весной он исправлял одну женщину. Она, кажется, пила.

- Они все пьют, - изрекла леди Молден. - В этом проклятие нашего времени.

Миссис Пендайс наморщила лоб.

- Многие из Тоттериджей пили, - сказала она. - Это очень вредно для здоровья! Вы знакомы с Джэспером Белью?

- Нет.

- Как жаль, что он пьян. Однажды он обедал у нас; по-моему, он приехал к нам нетрезвый. Я сидела с ним рядом, и его черные небольшие глаза так и буравили меня. На обратном пути домой он угодил со своей двуколкой в канаву. Это очень распространенный порок. Такая жалость. А ведь он интересный человек! Хорэс его терпеть не может.

Музыка вальса умолкла. Леди Молден поднесла лорнет к глазам. Мимо прошли Джордж и миссис Белью. Миссис Белью обмахивалась веером - челка леди Молден и волосы на ее верхней губе зашевелились.

- Почему она рассталась с мужем? - вдруг спросила леди Молден.

Миссис Пендайс подняла брови. "Как можно задавать вопросы, которые воспитанная женщина должна оставить без ответа?", - говорило выражение ее лица, и щеки ее порозовели.

Леди Молден поморщилась, и как будто слова вырвались из ее души помимо воли, проговорила:

- Стоит только взглянуть на нее, чтобы увидеть, как она опасна!

Миссис Пендайс залилась румянцем, как девочка.

- Все мужчины, - сказала она, - влюблены в Элин Белью. В ней столько огня. Мой кузен Грегори без ума от нее вот уже много лет, хотя он и опекун ей, или попечитель, или как это теперь называют... Так романтично. Будь я мужчиной, я непременно влюбилась бы в Элин! - Краска сбежала с ее лица, и оно приняло обычный тон - увядающей розы.

И опять слышался ей голос молодого Трефэна: "Ах, Марджори, я люблю вас!" - и слова, которые она прошептала ему: "Мой бедный мальчик!" Опять видела она прошлое сквозь лес, которым представлялась ей ее жизнь, лес, в котором она так долго блуждала и где каждое дерево было Хорэсом Пендайсом.

- Как жаль, что нельзя быть вечно молодым! - сказала она.

Сквозь широко раскрытые двери, ведущие в оранжерею, глядела огромная луна, наполнявшая воздух бледным! золотистым светом, и черные ветви кедра казались отпечатанными на голубовато-серой бумаге неба; все застыло в колдовском сне; где-то неподалеку ухал филин.

Преподобный Хассел Бартер решил подышать воздухом, но остановился на пороге оранжереи, увидав две фигуры, наполовину скрытые каким-то растением. Прижавшись друг к другу, они любовались луной, и он тотчас узнал в них миссис Белью и Джорджа Пендайса. И не успел он сделать и шага, чтобы ретироваться в комнаты или выйти в сад, как миссис Белью оказалась в объятиях Джорджа. Она закинула голову и приблизила свое лицо к самому лицу Джорджа. Лунный свет озарил лицо, белоснежный изгиб шеи. Священник Уорстед Скайнеса увидел, как ее губы приоткрылись и смежились веки.

ГЛАВА VI

ВЛИЯНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ХАССЕЛА БАРТЕРА

Вдоль стен курительной, над кожаной панелью развешаны гравюры всадников в ночных рубашках и колпаках, всадников в красных мундирах и шляпах, под ними охотничьи стихи и шутки.

Две пары оленьих рогов висят над камином: - память о любимом Стрэжбегэли, о проданном лесе, где водились олени. Там вместе со своим любимым старым егерем Ангусом добыл он головы этих владык ущелий. Между рогами картина, на которой изображен улыбающийся мужчина с ружьем под мышкой, две огромные гончие, бросающиеся на раненого оленя и дама на маленькой лошади.

Сквайр и Джеймс Молден удалились на покой, оставшиеся расселись у камина. Джералд Пендайс стоит у столика, где на подносе графины с вином, минеральная вода и бокалы.

- Кто хочет вина? Всего один поток... Бартер, вам налить? Джордж, что ты скажешь о капле...

Джордж покачал головой. На его губах бродила улыбка, странная своей чужеродностью, словно она принадлежала человеку иного склада и прокралась на лицо Джорджа, светского человека, помимо его воли. Он пытался согнать ее, надеть на лицо привычную маску, но эта улыбка, как будто наделенная таинственной силой, выступала снова.

Он со своими принципами, привычными взглядами был бессилен против нее; светскость с него сошла, и он остался наг, как человек, сбросивший одежды, чтобы окунуться жарким полднем в прохладный источник, и не думающий о том, сумеет ли он выбраться на берег.

Эта улыбка на лице Джорджа занимала внимание присутствующих не потому, что была притягательна сама по себе, а лишь благодаря своей чужеродности так в толпе внимание всех устремляется на иностранца.

Преподобный Хассел Бартер хмуро наблюдал эту улыбку, и необычные мысли приходили ему в голову.

- Дядя Чарлз, выпьете?

Генерал Пендайс погладил бакенбарды.

- Самую малость, самую малость! Я слышал, что наш друг сэръ Персиваль собирается и в этот раз выставлять свою кандидатуру в парламент?

Мистер Бартер поднялся и подошел к камину, подставив спину теплу.

- Невероятно! Надо предупредить его немедленно, что мы не можем его поддерживать.

Джефри Уинлоу отозвался со своего места:

- Если он выставит свою кандидатуру, то пройдет. Он слишком ценный человек!

И, лениво попыхивая сигарой, добавил:

- Должен признаться, господа, я не понимаю, какое отношение имеет это к его общественной деятельности.

Мистер Бартер выпятил нижнюю губу.

- Он запятнан.

- Но зато какая женщина! Кто устоит против таких чар?

- Помню, в Галифаксе, - заметил генерал Пендайс, - она считалась первой красавицей.

Мистер Бартер снова выпятил губу.

- Не стоит говорить об этой... дряни! - И неожиданно повернулся к Джорджу: - А что вы думаете на этот счет, Джордж? Грезите о своих победах, а? - Тон его был странным.

Джордж встал.

- Пойду спать, - сказал он, - спокойной ночи. - И, быстро кивнув, вышел из комнаты.

За дверью на столике мореного дуба стояли серебряные подсвечники, но горела только одна свеча, бросая в бархатную черноту слабый золотистый свет. Джордж зажег от нее свою свечу - впереди него легла золотистая дорожка, и он стал подниматься по ней

наверх. Джордж нес свечу на уровне груди. Огонь озарял белую манишку и красивое бульдожье лицо. Он отражался в серых глазах, налитых кровью, словно от с трудом сдерживаемых чувств. На площадке он остановился. В темноте наверху и внизу было тихо: дневная жизнь, ее легкие шумы, суета приездов и отъездов, самое ее дыхание - все как будто забылось сном. Жизнь дома, казалось, сосредоточилась сейчас в этом светлом пятне, где Джордж стоял, прислушиваясь. Он слышал только стук собственного сердца, этот слабый стук был единственным пульсом огромного спящего пространства. Так он стоял долго, как замороженный, слушая биение своего сердца. Вдруг снизу из темноты донесся смех. Джордж вздрогнул. "Черт бы побрал этого Бартера!" прошептал он и пошел дальше; в его движениях сказывалась решимость. Он поднял свечу повыше, чтобы темнота отступила. Прошел свою комнату и замер у соседней двери. Кровь прилила к голове и тяжелыми ударами билась в висках, губы дрожали. Он коснулся неверными пальцами ручки двери и снова замер, как изваяние, боясь услышать смех. Поднял свечу над головой так, что осветились самые дальние уголки, и с трудом плотнул...

На другой день в купе первого класса трехчасового лондонского поезда в Бернард Скролз (на следующей станции после Уорстед Скайнеса) вошел молодой чело-1 век. На нем было длинное, узкое пальто, щегольские белые перчатки. У молодого человека был прекрасный цвет лица, аккуратно расчесанные темные усики, и его голубые глаза - в одном монокль, - казалось, говорили; "Вот он я, нет на свете более красивого и здорового человека". На его саквояже из самой лучшей кожи и картонке для шляпы стояло: "Е. Мейдью, 8 уланский полк".

В углу купе, закутавшись в меховую накидку, сидела дама; вошедший, посмотрев в ее сторону, встретил холодный, иронический взгляд, уронил монокль и протянул руку.

- Миссис Белью? Счастливи видеть вас так скоро! Вы в Лондон? Что за прекрасный образец старого английского джентльмена этот сквайр. Славный был вчера бал! А миссис Пендайс такая милая женщина.

Миссис Белью пожала протянутую руку и откинулась на спинку сиденья. Она была бледнее, чем обычно, но бледность была ей к лицу,

и капитан Мейдью решил, что более очаровательной женщины он не встречал.

- Я, благодарение богу, получил недельный отпуск. Унылая пора - осень. Охота на лисят кончилась. И теперь надо ждать до первого числа.

Он поглядел в окно. Там, озаренные солнечным светом, красные и желтые полосы живой изгороди убегали от клубов дыма, тянувшегося за поездом. Мейдью, окинув взглядом всю эту красоту, покачал головой.

- В этой пестроте трудно разглядеть зверя. Какая жалость, что вы больше не охотитесь!

Миссис Белью не отвечала, и эта самоуверенность, это холодное превосходство женщины, знающей свет, ее спокойный, почти пренебрежительный взгляд - все это действовало неотразимо на капитана Мейдью. И он ощутил робость.

"Вероятно, ты станешь моим рабом, - казалось, говорили ее глаза. - Но, право, я ничем не могу помочь тебе!"

- Вы ставили на Эмблера? Удачные были для меня скачки. Мы с Джорджем школьные приятели. Славный малый этот Джордж!

В самой глубине зеленоватых глаз миссис Белью что-то шевельнулось, но Мейдью был занят в тот миг своей перчаткой. Он обнаружил на ней след, оставленный ручкой двери, и это огорчило его.

- Вы хорошо знаете Джорджа?

- О да!

- Другие ни за что не открыли бы своих шансов перед скачками. Вы любите скачки?

- Страстно.

- И я. - А глаза говорили: "Счастье любить то, что любите вы"; ибо эти глаза были сейчас околдованы. Капитан Мейдью не мог оторвать взгляда от полных губ, ясных, чуть насмешливых глаз, от лица молочной белизны, опушенного белым мехом воротника.

На вокзале миссис Белью отказалась от его услуг, - он долго смотрел ей вслед, приподняв шляпу, и чувствовал себя несчастным. Но в кэбе очень скоро к нему вернулось его обычное расположение духа, и глаза приняли свойственное им выражение: "Вот он я. На свете нет более здорового и красивого человека".

ГЛАВА VII

ДЕНЬ СУББОТНИЙ В УОРСТЕД СКАЙНЕСЕ

В белом будуаре сидела у окна миссис Пендайс, держа на коленях распечатанное письмо. Она любила проводить здесь час перед тем, как идти в церковь. Для нее было особенным удовольствием ничего не делать, а только сидеть у окна, открытого в хорошую погоду, глядеть на лужайку перед домом и на короткий шпиль деревенской церкви за рощей вязов. Неизвестно, о чем она думала все эти воскресные утра, сидя, положив руки на колени, ожидая, чтобы без четверти одиннадцать вошел сквайр со словами: "Пора, дорогая, не опаздывай!" Волосы ее за эти годы подернулись сединой. Они побелеют совсем, а она будет все так же сидеть по утрам в воскресенья, положив на колени руки. Настанет день, когда место ее опустеет, и может статься, что мистер Пендайс, все еще прекрасно сохранившийся, войдет, забывшись, в ее комнату и скажет, как всегда: "Пора, дорогая, не опаздывай!"

Этого не минуешь, всему свой черед; то же происходит и в сотнях других усадеб во "всех трех королевствах"; женщины так же сидят у окна своей комнаты по воскресным утрам, пока их волосы не оденет иней, те женщины, что когда-то давным-давно в фешенебельной церкви навек простились со своими мечтами, со всеми возможными превратностями и неожиданностями земной жизни.

Возле ее стула лежали "милые собачки" - так они проводили свои воскресные утра, и время от времени скай (бедняжка совсем одряхлел) высовывал длинный язык и лизал узконосый ботинок своей госпожи - миссис Пендайс когда-то славилась красотой, и ножка у "ее была маленькая.

Возле нее на столике стояла фарфоровая ваза, полная сухих розовых лепестков, сбрызнутых эссенцией, пахнувшей цветом шиповника. Рецепт этой эссенции миссис Пендайс узнала от своей матери, живя еще в старом уорикширском поместье Тоттериджей, давно проданном мистеру Абрахэму Брайтмену. У миссис Пендайс, родившейся в 1840 году, была слабость к благовониям, и она не стыдилась ее. Осеннее солнце светило мягко и ясно, и таким же мягким и ясным был взгляд миссис Пендайс, задумчиво устремленный на письмо. Она перевернула его и принялась читать во второй раз. Морщинка набежала на лоб. Не часто случалось, чтобы письмо,

требующее принятия решений и налагающее ответственность, попадало в руки миссис Пендайс, минуя справедливую и беспристрастную цензуру мистера Пендайса. В ведении миссис Пендайс было множество дел, но все они, как правило, не выходили за пределы усадьбы. В письме было вот что:

"ОСДЖ, Ганновер-сквер.

1 ноября 1891 г.

Дорогая Марджори!

Мне надо повидать вас по одному очень важному делу. Я буду в Уорстед Скайнесе в воскресенье днем. В эти часы есть какой-то поезд. Ночевать я могу в любой каморке, если ваш дом, как обычно в эту пору, полон гостей. Пожалуй, я изложу вкратце суть дела. Вам известно, что с тех пор, как умер отец Элин Белью, я ее единственный опекун. И я считаю, что настоящее ее положение невозможно и надобно положить ему конец. Этот Белью не заслуживает того, чтобы думать о нем. Я не могу писать о кем хладнокровно, поэтому вовсе не буду о нем писать. Вот уже два года, как они живут врозь, и только по его вине. Все это время она волею закона была поставлена в ужасное, безвыходное положение; но теперь, благодарение богу, можно будет, кажется, получить развод. Вы хорошо меня знаете и сможете понять, чего стоило мне это решение. Бог свидетель, если была бы иная возможность обеспечить будущее Элин, я не преминул бы ею воспользоваться - что угодно, только не это. Но иной возможности нет. Марджори, вы единственная женщина, которая, я знаю, сочувственно отнесется к Элин; к тому же я должен повидать Белью.

Пусть честный толстяк Бенсон не утруждает своих драгоценных лошадей ради моей персоны; я приду со станции пешком и свою зубную щетку донесу сам.

Ваш любящий кузен Грегори Виджил".

Миссис Пендайс улыбнулась. Ей не было смешно, но она оценила старание Грегори пошутить и потому улыбнулась, и так, улыбаясь и хмуря лоб, миссис Пендайс задумалась над письмом. Недавний скандал - развод леди Розы Бетани с мужем - наделал шуму во всем графстве, и даже сейчас говорить об этом надо было осторожно. Хорэсу, несомненно, будет неприятен новый бракоразводный процесс, да еще так близко от Уорстед Скайнеса. Когда в четверг Элин уехала, он сказал:

- Я рад, что Элин Белью уехала. Ее положение двусмысленно. Это шокирует многих. Молдены были очень, очень...

И миссис Пендайс вспомнила с радостно забившимся сердцем, как остановила мужа на полуслове:

- Эллен Молден слишком буржуазна!

Неодобрительный взгляд мистера Пендайса не уменьшил удовольствия, какое она получила, произнося это слово.

Бедный Хорэс! И дети пошли в него, все, кроме Джорджа; Джордж - точная копия брата Губерта. Дорогой мальчик, он уехал в Лондон в пятницу, на следующий день, как уехали Элин и все остальные. А ей так хотелось, чтобы он остался подольше. Так хотелось. Морщинка на лбу залегла глубже. Лондон плохо действует на него! Воображение перенесло ее в Лондон, она бывала там теперь всего три недели, в июне и июле: вывозили девочек. Как раз когда сад был в самом цветении; и эти три недели пролетали в суете, как один день...

Она помнит другой Лондон: Лондон под весенним небом; в свете фонарей, в долгие зимние вечера, когда каждый прохожий возбуждает любопытство своей неведомой деятельной жизнью, своими неведомыми острыми радостями, своей незащищенностью от всяких превратностей, порой бездомный, порой без куска хлеба; так захватывающе, так непохоже...

- Пора, дорогая, не опаздывай!

Мистер Пендайс в свободной домашней куртке, которую полагалось сменить на черный сюртук, проходил через будуар миссис Пендайс, сопровождаемый своим любимцем Джоном. У двери он обернулся, Джон тоже.

- Надеюсь, что Бартер не будет сегодня слишком многословен. Я должен переговорить со старым Фоксом о новой соломорезке.

Лежавшие возле своей госпожи терьеры подняли головы, древний екай тихонько заворчал. Миссис Пендайс нагнулась и погладила его нос.

- Рой, Рой, как не стыдно, хорошая собака

- Совсем одряхлел, - сказал мистер Пендайс, - скоро последние зубы выпадут. Придется расстаться с ним.

Миссис Пендайс заволновалась, покраснела:

- Нет, нет, Хорэс, как можно!

Сквайр кашлянул.

- Надо думать и о животном!

Миссис Пендайс поднялась, нервно комкая письмо, и вышла вслед за мужем.

К церкви вела неширокая дорога через приусадебный луг, и по ней цепочкой растянулись обитатели Уорстед Скайнеса. Сперва шли нарядные горничные по двое и трое, за ними важный дворецкий, следом лакей с грумом, распространяя запах помады. Затем вышагивал генерал Пендайс в шляпе с квадратной тульей, толстая трость в одной руке, молитвенник - в другой, рядом с ним шли Нора и Би тоже с молитвенниками и в сопровождении терьеров. И, наконец, сквайр в цилиндре, а шагах в шести-семи за ним - миссис Пендайс в маленькой черной шляпке.

Грачи не кружили над церковью, не было слышно их криков, и только низкие холодные удары колокола, возвещавшего начало службы, нарушали тишину воскресного утра. Старая лошадь, которую все еще выводили пастись, стояла неподвижно, повернув голову к дороге. За церковной оградой священник, плотный, квадратный, в надвинутой на лоб шляпе с низкой тульей, беседовал с глуховатым крестьянином.

Увидав семейство Пендайсов, он снял шляпу, кивком приветствовал дам и, не окончив фразы, исчез в ризнице. Миссис Бартер выдвигала регистры органа, готовясь заиграть при появлении мужа, и ее восторженно-беспокойный взгляд был устремлен на дверь ризницы.

Сквайр и миссис Пендайс, идя теперь почти бок о бок, прошли в глубь церкви и заняли свои места рядом с дочерьми и генералом на первой скамье с левой стороны. Скамья была высокая, с мягким сиденьем. Семейство опустилось на колени, на толстые красные подушки. Миссис Пендайс минуту оставалась погруженной в размышления. Мистер Пендайс поднялся с колен раньше, жены, глянул вниз и подвинул ногой подушку, слишком близко лежавшую у скамьи. Водрузив на нос очки, он заглянул в пухлую библию, затем подошел к аналою и стал искать тексты сегодняшней службы. Колокол отзвонил, заворчали раздуваемые меха. Миссис Бартер начала играть. Вышел священник в белом стихаре. Мистер Пендайс, все еще спиной к алтарю, перелистывал библию. Служба началась.

Сквозь простое стекло высокого окна правого придела на скамью Пендайсов падал косой луч. Потихоньку он перебрался на лицо миссис Бартер, осветив ее нежные, в сетке морщинок, лихорадочно горевшие щеки, бороздки на лбу и сияющие глаза, радостно-тревожные, которые она то и дело переводила с нот на мужа. Едва по лицу мистера Бартера пробежала тень или его брови хмурились, мелодия начинала трепетать, как будто вторила состоянию души той, из-под чьих пальцев лилась. Дочери мистера Пендайса пели громко и приятно. Мистер Пендайс тоже пел, и один или два раза удивленно обернулся на брата, негодуя, почему он жалеет голос.

Миссис Пендайс не пела, хотя губы ее шевелились. Она следила глазами, как пляшут в длинном косом луче тысячи крохотных пылинок. Золотистая полоса медленно отодвигалась от нее и вдруг пропала. Миссис Пендайс опустила глаза - что-то исчезло из ее души вместе с лучом солнца, губы ее больше не шевелились.

Сквайр громко пропел две фразы, проговорил три, опять пропел две. Псалом был окончен. Мистер Пендайс покинул свое место, положил руки на аналой, чуть подался вперед и стал питать библию. Он читал об Аврааме и Лоте - о том, как Лот ходил с Авраамом и был у них мелкий и крупный скот, о том, как они не могли жить вместе. Читая, он подпал под гипнотизирующее действие собственного голоса и машинально повторял про себя:

"Это читаю я, Хорэс Пендайс, и читаю хорошо. Я - Хорэс Пендайс. Аминь, Хорэс Пендайс!"

А миссис Пендайс, сидя на первой скамье слева и устремив по привычке взгляд на мужа, думала, что, когда снова придет весна, она поедет в Лондон, остановится в гостинице Грина, где всегда останавливалась с отцом, еще будучи ребенком. Джордж обещал поухаживать за ней, походить с ней в театры. И, позабыв, что мечтала так каждую осень уже десять лет, она тихо улыбалась, качая головой. А мистер Пендайс читал: "И я сделаю потомство твое, как песок земной; если кто может сосчитать песок земной, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в долготу и в ширину ее, ибо я тебе дам ее. И двинул Авраам шатер, и пошел, и поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне; и создал там жертвенник. Господу".

Солнце, подкравшееся ко второму окну, опять бросило косой сноп света через всю церковь, и опять заплясали в нем миллионы пылинок,

а служба все продолжалась.

Затем стало тихо. Снаружи спаньель Джон, припав почти к самой земле, просунул свой узкий черный нос под кладбищенские ворота; фокстерьеры, терпеливо дожидавшиеся в траве, наострили уши. Голос, бубнивший что-то на одной ноте, прервал тишину. Спаньель Джон вздохнул, фоксы опустили уши и улеглись один подле другого. Священник начал проповедь. Он говорил об умножении рода человеческого, и шестеро меньших Бартеров на передней скамье с правого края беспокойно заерзали. Миссис Бартер, сидевшая у органа, выпрямившись, не сводила лучистых глаз с лица мужа; морщинка недоумения прорезала ее лоб. Время от времени она шевелила плечами, как будто у нее уставала спина. Взгляд священника метал молнии на прихожан, дабы никто из них не заснул в храме. Он говорил громким, как труба, голосом.

Бог, говорил он, захотел, чтобы человек размножался. Бог решил, что так будет. Бог повелел, чтобы так было. Бог создал человека и сотворил землю. Бог создал человека, чтобы он наполнял землю. Он создал человека не для того, чтобы тот сомневался, спрашивал, или оспаривал. Он создал человека, чтобы человек плодился и обрабатывал землю. В прекрасном поучении, которое они слушали сегодня, говорится, что бог наложил на человека узы - брачные узы; в этих узах человек должен умножаться, исполнить свой долг - плодиться, как плодился Авраам. В наши дни человека подстерегают многие опасности, западни, ловушки, в наши дни люди, презрев стыд, открыто отстаивают самые позорные воззрения. Пусть же они остерегаются. Его священный долг - изгонять кощунствующих за пределы прихода, вверенного его попечению самим богом. Говоря словами нашего великого поэта: "Эти люди опасны" - опасны для христианства, опасны для Англии, для всей нации. Люди рождаются не за тем, чтобы поддаваться греховным побуждениям, потакать своим слабостям. Бог требует жертв от человека. Любовь к родине требует жертв от человека, требует, чтобы человек умел обуздывать свои желания и прихоти. Любовь к своей стране требует выполнения первого долга христианина и человека: плодиться и размножаться, чтобы, как говорил господь, обрабатывать эту щедрую землю не только для себя и своего блага. Она требует от людей умножаться, чтобы они и их дети могли поразить врагов королевы и страны, не

посрамить дорогое каждому англичанину слово "Англия", если какой-нибудь ее враг решится безрассудно втоптать в грязь ее стяг.

Сквайр открыл глаза и взглянул на часы. Сложив руки на груди, он кашлянул - он думал сейчас о соломорезке. Подле него миссис Пендайс, устремив взгляд на алтарь, улыбалась, как во сне. Она думала: "У Милуорда, на Бонд-стрит, бывает отличное кружево. Может быть, весной я... Или нет - у Гоблина, их венецианские кружева..." А через четыре ряда от них сидела старуха крестьянка, стройная, как молоденькая девушка; ее старчески сморщенное лицо светилось восторгом и умилением. Всю службу она не шелохнулась; взгляд ее не отрывался от движущихся губ священника, она упивалась его словами. Правда, тусклые глаза различали лишь какое-то смутное пятно, а уши не слышали ни слова, но она сидела на той самой скамейке, где сидела всю жизнь, и ни одной мысли не было у нее в голове. Пожалуй, так оно было и лучше, уж недалек был ее конец.

За церковной оградой, на согретой солнцем траве, лежали фокстерьеры, прижавшись друг к другу, словно им было зябко; их маленькие зоркие глазки, не отрываясь, следили за церковными дверями, а резиновый нос спаньеля Джона еще более усердно подкапывался под кладбищенскую калитку.

ГЛАВА VIII

ГРЕГОРИ ВИДЖИЛ ПРЕДПОЛАГАЕТ...

Около трех часов пополудни мужчина высокого роста шагал по аллее Уорстед Скайнеса, в одной руке неся шляпу, в другой маленький коричневый саквояж. Порой он останавливался, дыша полной грудью, и ноздри его прямого носа расширялись. У него была красивой формы голова и длинные, разметавшиеся крыльями волосы. Он носил свободное платье, шаг его был пружинист. Он остановился посреди аллеи и вздохнул глубоко, глядя в небо голубыми блестящими глазами, и любопытная малиновка вспорхнула с куста рододендрона, а когда он двинулся дальше, засвистела. Грегори Виджил обернулся, вытянул дудочкой губы, готовые в любую минуту сложиться в улыбку, и, если отвлечься от его сухощавости, стал очень похож на эту птичку, считающуюся особенно английской.

Высоким тихим голосом, приятным для слуха, он спросил миссис Пендайс, и его тут же проводили в белый будуар.

Миссис Пендайс встретила его ласково: как многие женщины, ежедневно слышащие от своих мужей ироническое: "А, твоя семья!" - она любила своих родственников.

- Знаете, Григ, - сказала она, когда кузен уселся, - ваше письмо смутило меня. Уход Элин от мужа вызвал столько пересудов. Я понимаю, так уж вышло, но Хорэс, вы ведь знаете его... Сквайры, священники и вообще все в графстве думают на этот счет одинаково. Мне-то она очень нравится - она очень хороша собой, но, Грегори, мне и муж ее симпатичен. Он отчаянная натура - это так необычно, и, знаете, мне кажется, что Элин немножко походит на него.

У Грегори Виджила на висках вздулись жилы и, прижав руку ко лбу, он воскликнул:

- Походит? Походит на него? Может ли роза походить на артишок?

Миссис Пендайс продолжала:

- Я так была рада видеть ее в нашем доме. Это первый раз, как она покинула Сосны. Когда же это случилось? Два года назад? Но, видите ли, Григ, Молдены были очень недовольны. Так вы считаете, что развод необходим?

Грегори Виджил ответил:

- Боюсь, что необходим.

Миссис Пендайс невозмутимо выдержала взгляд кузена, разве что брови приподнялись выше, чем обычно: но пальцы ее, выдавая затаенное беспокойство, сплетались и расплетались. Она вдруг представила себе Джорджа и рядом с ним Элин. В ней говорила невнятная материнская тревога, инстинктивное предчувствие опасности. Она уняла пальцы, опустила глаза и сказала:

- Конечно, Григ, я помогу, если понадобится, только Хорэс очень не любит, когда что-нибудь попадает в газеты.

Грегори Виджил задохнулся.

- Газеты! - воскликнул он. - Как это гнусно! Подумать, что в нашем обществе допускают такое плумление над женщиной! Поймите, Марджори, я думаю только об Элин, в этом деле меня заботит только ее судьба и ничто другое.

Миссис Пендайс проговорила:

- Конечно, дорогой Григ, я понимаю.

- Ее положение невыносимо. Как можно, чтобы всякий мог распускать о ней грязную клевету!

- Но, Григ, дорогой, мне кажется, ее это вовсе не волнует, она была весела и довольна.

Грегори провел ладонью по волосам.

- Никто не понимает ее, - сказал он. - Она мужественная женщина.

Миссис Пендайс украдкой взглянула на кузена, и чуть насмешливая улыбка промелькнула на ее губах.

- Всякий, кто знает Элин, знает, какая сильная у нее душа. Но, Григ, быть может, и вы не совсем понимаете ее!

Грегори Виджил прижал руку ко лбу.

- Можно, я на минутку открою окно? - сказал он. Снова пальцы миссис Пендайс стали нервно тереть друг друга, и снова она уняла их.

- На прошлой неделе у нас было много гостей, а теперь один Чарлз. Джордж и тот уехал; он будет жалеть, что не видел вас.

Грегори не повернул головы и не отвечал, на лице миссис Пендайс появилось беспокойство.

- Я так рада, что лошадь Джорджа пришла первой! Боюсь только, что он играет крупно. Хорошо, что Хорэс ничего не знает.

Грегори молчал.

Беспокойство на лице миссис Пендайс сменилось ласковым восхищением.

- Григ, дорогой, как вы ухаживаете за своими волосами? Они такие красивые, длинные и вьются.

Грегори повернулся, порозовев.

- Тысячу лет собираюсь постричься. Вы уверены, Марджори, что ваш муж не в состоянии понять, в какое она поставлена положение?

Миссис Пендайс сидела, устремив взгляд на свои колени.

- Дело в том, Григ, - проговорила она, - что Элин прежде часто бывала у нас, до того как покинуть Сосны, и к тому же она моя родственница, хоть и дальняя. А эти отвратительные бракоразводные дела иной раз приводят бог знает к чему. Хорэс, я уверена, скажет, что она должна вернуться к мужу; или, если это невозможно, он скажет, что она должна помнить свой долг перед обществом. Процесс леди Розы Бетани всех неприятно поразил. И Хорэс нервничает. Не знаю

отчего, но в деревне решительно все настроены против женщин, отстаивающих свое право жить, как им хочется. Вы бы послушали мистера Бартера или сэра Джеймса Молдена и других; но занятнее всего, что и женщины на их стороне. Мне это, разумеется, кажется странным. Потому что ведь в нашем роду многие венчались тайно и вообще вели себя иногда не так, как все. Да, я понимаю и жалею Элин, но я еще должна думать и о... о... Знаете, как в деревне, еще и не сделал ничего, а уже все говорят. Сплетни и охота - вот и все деревенские развлечения.

Грегори Виджил обхватил руками голову.

- Ну, если от рыцарского благородства осталось только это, то хорошо, что я не сквайр.

Глаза миссис Пендайс блеснули.

- Ах, - сказала она, - как часто я думала об этом!

Оба долго молчали. Наконец Грегори сказал:

- Я не могу переделать взгляды общества. Но мне ясен мой долг. У нее в целом мире нет никого, кроме меня.

Вздыхнув, миссис Пендайс поднялась со стула и сказала:

- Ну и прекрасно, Грегори, а теперь идем пить чай.

По воскресеньям чай в Уорстед Скайнесе накрывался в большой гостиной. К чаю обычно приходили мистер Бартер с женой. Молодой Сесил Тарп явился сегодня со своей собакой, и теперь она скулила под дверью.

Генерал Пендайс, заложив ногу на ногу и соединив кончики пальцев, откинулся на спинку стула и смотрел в стену. Сквайр, держа в руке свое последнее приобретение - яичко, показывал его рябинки Бартеру.

В углу, у фисгармонии, на которой никто никогда не играл, Нора болтала о местном хоккейном клубе с миссис Бартер, не сводившей глаз с мужа. Возле камина Би и молодой Тарп, чьи стулья были сдвинуты, пожалуй, слишком близко, вполголоса разговаривали о лошадях, порой бросая один на другого застенчивые взгляды. Свечи горели тускло, дрова в камине потрескивали, то и дело в гостиной воцарялось дремотное молчание, безмолвие тепла и покоя, родственное безмолвию спаньеля Джона, мирно спящего у хозяйских ног.

- Что ж, - сказал Грегори тихо, - я должен повидать этого человека.

- А надо ли вам с ним встречаться? Я имею в виду...

Грегори провел ладонью по волосам.

- Этого требует справедливость. - И, пройдя через гостиную, он неслышно отворил дверь и вышел вон, так, что никто и не заметил.

А спустя полтора часа мистер Пендайс и его дочь Би шли неподалеку от станции по дороге, ведущей из деревни в Уорстед Скайнес: они возвращались домой после воскресного визита к их старому дворецкому Бигсону. Сквайр говорил:

- Стареет, стареет Бигсон, шамкает, не поймешь, что хочет сказать, и забывчив стал. Подумай, Би, не помнит, что я учился в Оксфорде. Но таких слуг в наше время не найти. Теперешний наш ленив. Ленив и нерасторопен! Он... Кто это там? Безобразие - нестись сломя голову! Да кто же это? Не разберу!

Навстречу по середине дороги со страшной быстротой мчалась двуколка. Би схватила отца за руку и оттащила его на обочину: от негодования мистер Пендайс потерял способность двигаться. Двуколка пролетела в двух шагах от них и исчезла за поворотом к станции. Мистер Пендайс круто повернулся, не сходя с места.

- Кто это? Неслыханно! И еще в воскресенье! Должно быть, пьян, он чуть не отдал мне ноги! Ты видела, Би, он чуть не сшиб меня...

Би ответила:

- Это капитан Белью, папа; я узнала его.

- Белью? Этот вечно пьяный негодяй? Я подам! на него в суд. Ты видела, Би, он чуть не переехал меня...

- Он, верно, получил неприятные известия. Скоро отходит поезд. Хоть бы он поспел!

- Неприятные известия! Значит, он должен давить меня? Хоть бы он поспел? Хоть бы он свалился в канаву! Мерзавец! Хоть бы он сломал себе шею!

Мистер Пендайс продолжал в том же духе, пока они не вошли в церковь. В одном из приделов Грегори Виджил стоял, облокотившись на аналой, ладонями закрыв лицо.

Вечером того же дня, около одиннадцати часов, в Челси у дверей миссис Белью стоял мужчина и бешено звонил в колокольчик. Его лицо покрывала смертельная бледность, но его узкие темные глаза

сверкали. Дверь отворилась, на пороге со свечкой в руке, в вечернем платье появилась Элин Белью.

- Кто здесь? Что вам надо?

Человек шагнул вперед, и свет упал ему на лицо.

- Джэспер! Ты? Что тебя привело сюда?

- Я должен поговорить с тобой.

- Поговорить? Да ведь время позднее...

- Время? А что это такое? Ты могла бы и поцеловать меня после двухлетней разлуки. Я пил сегодня, но я не пьян.

Миссис Белью не поцеловала мужа, но и не отстранила своего лица. В ее глазах, серых, как лед, не мелькнуло и тени беспокойства.

- Я впусти тебя, - проговорила она, - если ты обещаешь все рассказать поскорее и уйти.

Коричневые чертики заплясали на лице мистера Белью. Он кивнул. Муж и жена остановились в гостиной возле камина, на их лицах появилась и пропала особенная усмешка.

Трудно совсем серьезно принимать человека, с которым прожил не один год, делил страсть, прошел сквозь все ступени близости и охлаждения, который знает все твои черточки и привычки после многих лет под одной крышей и с которым в конце концов расстаешься не из ненависти, а из-за несходства характеров. Им нечего было прибавить к знанию друг о друге, и они улыбнулись, и эта улыбка была - само знание.

- Зачем ты пришел? - снова спросила Элин. Лицо капитана Белью мгновенно изменилось. Оно стало хитрым, губы дрогнули, между бровей легла глубокая морщинка.

- Как ты поживаешь? - наконец проговорил он хрипло, запинаясь на каждом слове.

- Послушай, Джэспер, что тебе надо? - спокойно сказала миссис Белью.

Коричневые черти опять заплясали на его лице.

- Ты очень хороша сегодня!

Губы Элин презрительно искривились.

- Такая, как всегда.

Вдруг его затрясло. Взгляд его устремился вниз чуть левее ее ног, потом он внезапно поднял глаза. Жизнь в них потухла.

- Я не пьян, - глухо пробормотал он, и снова его глаза засверкали; в этом внезапном переходе было что-то жуткое. Он шагнул к ней.

- Ты моя жена!

Миссис Белью улыбнулась:

- Опомнись, Джэспер. Тебе надо уходить. - Она протянула обнаженную руку, чтобы оттолкнуть его. Но он отступил сам и снова устоял в пол левее ее ног.

- Что там? - прошептал он прерывающимся голосом. - Что это... черное? Наглость, насмешка, восхищение, неловкость - все исчезло с его лица, оно было белое, застывшее, спокойное и несчастное.

- Не прогоняй меня, - проговорил он нетвердо, - не прогоняй.

Миссис Белью внимательно поглядела на мужа, в ее глазах пренебрежение сменилось жалостью. Она решительно подошла к нему и положила руку ему на плечо.

- Успокойся, Джэспер, успокойся! Там ничего нет!

ГЛАВА IX

МИСТЕР ПАРАМОР РАСПОЛАГАЕТ

Миссис Пендайс, все еще спавшая с мужем в одной спальне (он так хотел), поведала ему о планах Грегори утром, когда сквайр был еще в постели. Момент был благоприятный, ибо сквайр еще не вполне проснулся.

- Хорэс, - начала миссис Пендайс, ее взволнованное лицо казалось совсем молодым, - Григ говорит, что Элин не может дольше оставаться в таком положении.

Я объяснила ему, что ты будешь недоволен, но Григ говорит, что так дальше продолжаться не может, что она должна развестись с капитаном Белью. Мистер Пендайс лежал на спине.

- Что, что? - пробормотал он. Миссис Пендайс говорила дальше:

- Я знаю, это расстроит тебя, но в самом деле, - она посмотрела в потолок, - мы в первую очередь должны думать об Элин.

Сквайр сел.

- Ты что-то говорила о Белью?

Миссис Пендайс продолжала бесстрастным голосом и не сводя глаз с потолка:

- Только, дорогой, не выходи из себя; это так неприятно. Раз Григ говорит, что Элин должна разойтись с капитаном Белью, - значит так нужно.

Хорэс Пендайс резко откинулся на подушку и теперь лежал, как и жена, устремив взгляд в потолок.

- Разойтись с Белью? - воскликнул он. - Давно пора! По нем веревка плачет. Я ведь говорил тебе, как он чуть не переехал меня вчера вечером. Забулдыга - какую жизнь он ведет! Хороший пример для всей округи! Если бы не мое присутствие духа, он бы сшиб меня, как кеглю, и Би в придачу.

Миссис Пендайс вздохнула.

- Ты был на волосок от смерти, - сказала она.

- Развестись с ним! - продолжал мистер Пендайс. - Еще бы, давным-давно надо было развестись с ним. И как я жив остался; еще дюйм, и лошадь сбила бы меня!

Миссис Пендайс отвела взгляд от потолка.

- Сперва я подумала, - начала она, - вполне ли это... но я очень, очень рада, что ты так отнесся к решению Грегори!

- Так отнесся! Я должен сказать тебе, Марджори, что вчерашний случай из тех, что заставляет задуматься. Когда Бартер читал вчера свою проповедь, я все думал, что случилось бы с усадьбой, если бы... - И он попядел кругом, нахмурившись. - Сейчас и мне не так-то легко сводить концы с концами. А что касается Джорджа, он не более тебя пригоден вести хозяйство; он будет нести тысячные убытки.

- Боюсь, что Джордж чересчур много времени проводит в Лондоне. Уж не потому ли, я думаю... Боюсь, он часто стал видаться с...

Миссис Пендайс замолчала, больно ущипнув себя под одеялом!. Краска залила ей щеки.

- У Джорджа, - говорил мистер Пендайс, развивая свою мысль, - нет практической сметки. Где ему справиться с такими людьми, как Пикок, - а ты еще его балуешь! Ему пора подыскать себе жену, пора остепениться!

Щеки миссис Пендайс остыли, она сказала:

- Джордж очень похож на бедного Губерта. Хорэс Пендайс вынул из-под подушки часы.

- О! - воскликнул он, но воздержался и не прибавил: "А, твоя семья!": еще не истек и год, как умер Губерт Тоттеридж.

- Без десяти восемь! А ты все занимаешь меня своими разговорами; пора принимать ванну.

В пижаме в широкую голубую полосу, сероглазый, с седеющими усами, тонкий и прямой, он помедлил у двери:

- У девочек нет ни капли воображения. Ты знаешь, что сказала Би? "Хоть бы он поспел на поезд!" Пospел на поезд! Боже мой! Я-то чуть было... чуть было..., - сквайр не кончил; по его мнению, только самые яркие и выразительные слова могли дать понятие об опасности, которой он чудом избежал, а ему с его воспитанием и характером не пристало в таком тоне говорить об этом.

За завтраком он был любезнее, чем обычно, с Грегори, уезжавшим с первым поездом. Как правило, мистер Пендайс относился к нему с опаской: ведь Виджил был кузеном его жены, да к тому же имел чувство юмора.

- Прекрасный человек, - говаривал он, - но только отпетый радикал. Другого названия для странностей Грегори мистер Пендайс не мог придумать.

Грегори уехал, не обмолвившись больше ни словом о деле, приведшем его в Уорстед Скайнес. На станцию его отвез старший грум. Грегори сидел в коляске, сняв шляпу; его голова приходилась в уровень с открытым окном: он, видимо, хотел, чтобы мысли его хорошенько продуло ветром,

И до самого Лондона он все сидел у окна, и лицо его выражало то растерянность, то добродушную усмешку. Перед ним, как медленно разворачивающаяся панорама, проплывали одна за одной затопленные неярким осенним солнцем церкви, усадьбы, обсаженные деревьями дороги, рощи, все в золотом и красном уборе, а далеко на горизонте, по гребню холма медленно двигалась фигура пахаря, четко вырисовываясь на светлом фоне неба.

На вокзале он нанял кэб и поехал в Линкольнс-ИннФилдс к своему поверенному. Его провели в комнату, в которой ничто не говорило о занятии ее хозяина, если не считать нескольких томов "Вестника юстиции"; на столе в стакане с чистой водой стоял букетик ночных фиалок. Эдмунд Парамор, старший партнер фирмы "Парамор и Херринг", гладко выбритый мужчина, лет около шестидесяти, с черными, подернутыми сединой, зачесанными вверх волосами, встретил входившего приветливой улыбкой.

- Здравствуйте, Виджил! Откуда-нибудь из деревни?

- Только что из Уорстед Скайнеса.

- Хорэс Пендайс - мой клиент. Чем могу служить? Какие-нибудь неприятности с вашим Обществом?

Грегори Виджил, усевшись в мягкое кожаное кресло, в котором сиживало так много людей, искавших совета и помощи, с минуту молчал; мистер Парамор, бросив внимательный взгляд на своего клиента, шедший, казалось, из самой глубины его души, сидел, не двигаясь. Было сейчас что-то общее в лицах этих двух столь разных людей: их глаза светились энергией, честностью.

Грегори наконец заговорил:

- Мне тяжело говорить о деле, ради которого я здесь.

Мистер Парамор нарисовал физиономию на промокательной бумаге.

- Я пришел к вам, - говорил Грегори, - чтобы посоветоваться о разводе моей подопечной.

- Миссис Джэспер Белью?

- Да. Ее положение невыносимо.

Мистер Парамор посмотрел на Грегори, соображая что-то.

- Как мне известно, она и ее муж живут врозь.

- Да, вот уже два года.

- Вы действуете с ее согласия?

- Я говорил с ней.

- Вы хорошо знаете закон о разводе?

Грегори отвечал, страдальчески улыбаясь:

- Не очень; я никогда не читаю газетных отчетов о подобных делах. Мне все это отвратительно.

Мистер Парамор опять улыбнулся, но тут же его лицо омрачилось.

- Необходимо иметь некоторые доказательства. У вас они есть?

Грегори провел ладонью по волосам.

- Я не думаю, что будет много затруднений, - сказал он. - Белью согласен, они оба согласны!

Мистер Парамор удивленно поглядел на него.

- Ну и что?

Грегори удивился в свою очередь:

- Как что? Но если обе стороны только этого и хотят, если никто не ставит препятствий, какие могут быть трудности?

- Боже мой! - воскликнул мистер Парамор.

- Да ведь я видел Белью только вчера. Я уверен, что уговорю его признать все, что окажется необходимым.

Мистер Парамор вздохнул.

- Вы слышали когда-нибудь, - спросил он деловито, - что такое тайный стговор, имеющий целью ввести суд в заблуждение?

Грегори вскочил и зашагал по комнате.

- Я вообще в этом не разбираюсь, - сказал он. - И все это в высшей степени гадко. Для меня узы брака священны, и если они вдруг оказываются не таковыми, то вникать во все эти формальности невыносимо. Мы живем в христианской стране, и среди нас нет непогрешимых. На какую грязь вы намекаете, Парамор?

Окончив свою гневную тираду, Грегори опустил кресло и подпер рукой голову. И, как ни странно, мистер Парамор не улыбнулся, а посмотрел на Грегори с состраданием.

- Если оба супруга несчастны в браке, - сказал он, - им не полагается обоим желать его расторжения. Одному из них необходимо делать вид, что он против этого и считает себя пострадавшей стороной. Нужны доказательства измены, а в данном случае - доказательства либо жестокого обращения, либо оставления без средств к существованию. И доказательства эти должны быть объективны. Таков закон.

Грегори проговорил, не поднимая взгляда:

- Но почему?

Мистер Парамор вынул из воды фиалки и понюхал их.

- Как это почему?

- Я хочу сказать, зачем нужен весь этот обходный маневр?

С удивительной быстротой сострадание на лице мистера Парамора сменилось улыбкой, и он проговорил:

- Для того, чтобы не так легко было расшатать моральные устои общества. А как же иначе?

- И вы считаете это высокоморальным? То, что на людей надевают цепи, от которых они могут освободиться только ценой преступления?

Мистер Парамор замазал лицо, нарисованное на промокательной бумаге.

- Куда девалось ваше чувство юмора?

- В этом нет ничего смешного, Парамор.

Мистер Парамор подался вперед.

- Друг мой, - сказал он серьезно, - я вовсе не собираюсь утверждать, что наши законы неповинны в огромном количестве никому не нужных страданий; я не буду говорить, что наша законодательная система не нуждается в преобразовании. Большинство юристов и почти каждый мыслящий человек скажет вам, что очень нуждается. Но это вопрос отвлеченный, и нам сейчас его обсуждение поможет мало. Мы постараемся добиться успеха в вашем деле, если это возможно. Вы не с того конца начали, вот и все. Первое, что мы должны сделать, - это написать миссис Белью и пригласить ее к нам. Затем надо начать слежку за капитаном Белью.

Грегори перебил его:

- Какая гадость! Нельзя ли обойтись без этого?

Мистер Парамор прикусил указательный палец.

- Опасно. Но вы не беспокойтесь, мы все устроим. Грегори поднялся с кресла и подошел к окну. Помолчав с минуту, воскликнул:

- Мне все это противно! Мистер Парамор улыбнулся.

- Всякий честный человек почувствовал бы то же. Но дело в том, что этого требует закон.

Грегори снова разразился тирадой:

- Выходит, никто не может развестись, не став при этом либо сыщиком, либо негодяем.

Мистер Парамор сказал серьезно:

- Очень трудно избежать этого, почти невозможно. Видите ли, в основе закона лежат определенные принципы.

- Принципы?

Мистер Парамор улыбнулся, но улыбка тотчас же сошла с его лица.

- Принципы, основанные на христианской этике. Согласно им, человек, решившийся на развод, *ipso facto* {Тем самым (лат).} ставит себя вне общества. А будет ли он при этом негодяем, не так уж важно.

Грегори отошел от окна, сел и снова закрыл лицо ладонями.

- Не шутите, Парамор, - сказал он, - все это мне очень тяжело.

Мистер Парамор с сожалением смотрел на склоненную голову Грегори.

- Я не шучу, - сказал он. - Боже упаси. Вы любите стихи?

И, выдвинув ящик стола, он вынул томик, переплетенный в красный сафьян.

- Мой любимый поэт.

Жизнь - как пена на воде,

Но одно лишь твердо в ней:

Добрым будь в чужой беде,

Мужественным будь в своей {*}.

{* Отрывок из стихотворения австралийского поэта Эдама Ландсея Гордона (1833-1870) "Усталому путнику".}

Это, по-моему, квинтэссенция всякой философии.

- Парамор, - начал Грегори, - моя подопечная очень дорога мне; она дороже для меня всех женщин на свете. Передо мной сейчас мучительная дилемма: с одной стороны, этот ужасный процесс и неизбежная опаска; с другой - ее положение: красивая женщина, Любящая светские удовольствия, живет одна в этом Лондоне, где так трудно уберечься от посягательств мужчин и от женских языков. Недавно мне пришлось это понять со всей остротой. Господь да простит меня! Я даже советовал ей вернуться к мужу, но это абсолютно невозможно. Что мне теперь делать?

Мистер Парамор встал.

- Я знаю, - сказал он, - я знаю. Друг мой, я знаю! - Минуту он стоял не двигаясь, отвернувшись от Грегори.

- Будет лучше всего, - вдруг заговорил он, - если она расстанется с ним. Я поеду к ней и сам поговорю обо всем. Мы ей поможем. Я сегодня же еду к ней и дам вам знать о результатах моего посещения.

И, словно повинуюсь одному и тому же инстинкту, они протянули руки и пожали их, не глядя друг на друга. Затем Грегори схватил шляпу и вышел.

Он отправился прямо в свое Общество, занимавшее помещение на Ганновер-сквер. Оно располагалось в самом верхнем этаже, выше, чем все другие Общества, населившие этот дом, - так высоко, что из его окон, начинавшихся в пяти футах от пола, было видно только небо.

В углу на машинке работала девушка, краснощекая, темноглазая, с покатыми плечами, а за бюро, на котором в беспорядке были разбросаны конверты с адресами, ожидающие ответа письма и номера газеты, издаваемой Обществом, боком к кусочку неба в окне, сидела женщина с седыми волосами, узким, длинным обветренным лицом и горящими глазами и, нахмурившись, изучала страницу рукописи.

- А, мистер Виджил, - заговорила она, увидев Грегори, - как хорошо, что вы пришли. Нельзя пускать этот абзац в его настоящем виде. Ни в коем случае!

Грегори взял рукопись и прочитал отмеченный абзац:

"История Евы Невилл так потрясает, что мы позволили себе спросить наших уважаемых читательниц, живущих под надежным кровом своих усадеб, в тиши, в довольстве, а быть может, и в роскоши, что бы стали делать они на месте этой несчастной, которая очутилась в большом городе без друзей, без денег, разутая и раздетая, где на каждом шагу ее подстерегали демоны в образе человеческом, промышляющие несчастьем женщины. Пусть каждая из вас спросит себя: устояла бы я там, где Ева Невилл пала?"

- Ни в коем случае нельзя оставить в таком виде, - повторила дама с седыми волосами.

- А что, по-вашему, здесь плохо, миссис Шортмэн?

- Это оскорбляет. Подумайте о леди Молден и других наших подписчицах. Вряд ли им будет приятно даже мысленно поставить себя на место бедной Евы. Я уверена, что им это придется не по вкусу.

Грегори провел ладонью по волосам.

- Неужели это их шокирует?

- Все потому, что вы привели столько ужасных подробностей того, что случилось с бедной Евой.

Грегори поднялся и зашагал по комнате. Миссис Шортмэн продолжала:

- Вы давно не живали в деревне, мистер Виджил, и вы уже все забыли. А я помню. Люди не любят читать неприятное. К тому же им нелегко вообразить себя в подобном положении. Это шокирует их, а мы лишимся подписчиц.

Грегори протянул страничку девушке, сидевшей в углу за машинкой.

- Пожалуйста, прочитайте это, мисс Мэллоу. Девушка читала, не поднимая глаз.

- Ну как, вы согласны с миссис Шортмэн? Мисс Мэллоу, залившись румянцем, вернула листок Грегори.

- Конечно, это прекрасно, только все-таки, по-моему, миссис Шортмэн права. Многим это покажется оскорбительным.

Грегори быстро подошел к окну, распахнул его и стал смотреть в небо. Обе женщины смотрели ему в спину. Миссис Шортмэн проговорила мягко:

- Только немного изменить после слова "роскошь", - ну хотя бы так: разве не простили бы они и не пожалели бы эту несчастную, очутившуюся в большом городе, без друзей, без денег, разутой и раздетой, где на каждом шагу ее подстерегают демоны в образе человеческого, промышляющие на несчастье женщины. На этом и остановиться.

Грегори вернулся к столу.

- Только не "простили", только не "простили", - сказал он.

Миссис Шортмэн взялась за перо.

- Вы не представляете себе, какое действие может оказать эта статья. Ведь среди наших подписчиков много священников, мистер Виджил. А нашим принципом всегда была деликатность. Вы слишком ярко описали этот случай, а ведь никакая порядочная женщина не сумеет вообразить себя в положении Евы, даже если бы и захотела. Ни одна из ста, особенно среди живущих в деревне и не знающих жизни. Я сама дочь сквайра.

- А я - сын деревенского священника, - сказал Грегори, улыбаясь.

Миссис Шортмэн посмотрела на него укоризненно.

- Не шутите, мистер Виджил, речь идет о существовании нашей газеты, мы просто не можем позволить себе написать подобное. Последнее время я получаю десятки писем, где наши читатели жалуются, что мы слишком уж живо описываем подобные трагедии. Вот одно из них:

"Бурнфилд, дом священника,

1 ноября

Сударыня,

Сочувствуя Вашей плодотворной деятельности, я тем не менее боюсь, что не смогу дольше оставаться подписчиком Вашей газеты, пока она выходит в своем теперешнем виде, ибо ее не всегда можно дать почитать моим дочерям. Я считаю неправильным и неразумным, чтобы они знакомились с подобными ужасными сторонами жизни, пусть это и правда.

С глубоким почтением

Уинфред Туденем.

P. S. Кроме того, газета может попасть горничным и оказать на них дурное влияние".

- Это письмо я получила сегодня утром.

Грегори, закрыв лицо руками, сидел с таким видом, будто молился, миссис Шортмэн и мисс Мэллоу не решились нарушить молчания. Но когда он поднял голову, он сказал твердо:

- Только не "простили", только не "простили", миссис Шортмэн.

Миссис Шортмэн зачеркнула это слово.

- Хорошо, хорошо, мистер Виджил, - сказала она, - но это рискованно.

В углу снова затрещала машинка.

- Теперь еще одно. И, мистер Виджил, опять эта Миллисент Портер, боюсь, нет никакой надежды спасти ее.

Грегори спросил:

- Что с ней?

- Снова запила. Это уже пятый раз.

Грегори повернулся к окну и взглянул на небо.

- Я навещу ее. Дайте мне адрес.

Миссис Шортмэн прочитала в зеленой книжечке:

- Миссис Портер, Блумсбери, Билкок Билдингс, 2. Мистер Виджил!

- Что?

- Мистер Виджил, мне иной раз хочется, чтобы вы поменьше нянчились с этими безнадежными субъектами. Толку все равно не будет, а вы только убиваете свое драгоценное время.

- Но разве можно бросить их на произвол судьбы! Так что ничего не поделаешь.

- Почему? Надо поставить себе какой-то предел. Простите меня, но мне кажется иной раз, что вы зря тратите время.

Грегори повернулся к девушке за машинкой:

- Мисс Мэллоу, как, по-вашему, права миссис Шортмэн? Я зря трачу свое время?

- Не знаю, мистер Виджил. Но мы так беспокоимся о вас.

Добродушная и немного недоуменная улыбка появилась на губах Грегори.

- А я верю, что я спасу ее, - сказал он. - Значит, Билкок Билдингс, 2. - И, продолжая глядеть на небо, спросил: - Как ваша невралгия,

миссис Шортмэн?

Миссис Шортмэн улыбнулась.

- Ужасно!

Грегори тотчас обернулся.

- Ведь вам вредно открытое окно. Простите меня!

Миссис Шортмэн покачала головой.

- Мне нет. А вот разве что Молли?

Девушка за машинкой проговорила:

- Нет, нет, мистер Виджил. Пожалуйста, не закрывайте окна только из-за меня.

- Честное слово?

- Честное слово! - ответили женщины в один голос. И все трое секунду смотрели на небо. Потом миссис Шортмэн прибавила:

- Дело в том, что вам не добраться до корня зла - до ее мужа.

Грегори посмотрел на нее:

- А, этот негодяй! Если бы только она могла избавиться от него! Ей надо было бы давно уйти от него, пока он не научил ее пить. Почему она не ушла от него? Почему, миссис Шортмэн, почему?

Миссис Шортмэн подняла глаза, горевшие одухотворением.

- У нее, наверное, не на что было жить, - сказала она. - И она была тогда вполне порядочной женщиной. А какой же порядочной женщине приятен развод... - Взгляд Грегори заставил ее умолкнуть на полуслове.

- Как, миссис Шортмэн, и вы на стороне фарисеев?

Миссис Шортмэн покраснела.

- Бедная женщина, видно, хотела спасти его, - сказала она, - должна была хотеть спасти его.

- Значит, мы с вами... - начал было Грегори, но снова устался в небо.

Миссис Шортмэн закусил губу и тоже устремила блестящий взгляд вверх.

Пальцы мисс Мэллоу летали над клавишами быстрее, чем всегда, лицо у нее было испуганное.

Грегори заговорил первый.

- Прошу вас, простите меня, - сказал он тихо, почти ласково. - Меня это близко касается. Я забылся.

Миссис Шортмэн отвела взгляд от окна.

- О, мистер Виджил, если бы я могла предполагать! Грегори улыбнулся.

- Ну, полно, полно, - говорил он. - Мы совсем напугали бедную мисс Мэллоу.

Мисс Мэллоу обернулась, глянула на Грегори. Грегори глянул на нее, и все принялись рассматривать кусок неба в окошке - что было главным развлечением этого маленького общества.

Грегори занимался делами до трех, затем отправился в кафе и выпил чашку кофе с булочкой. В омнибусе, шедшем в Вест-Энд, он сидел наверху, держа шляпу в руках и улыбаясь. Он думал об Элин Белью. Думать о ней как о самой прекрасной и доброй представительнице ее пола стало его привычкой; и пока он о ней думал, волосы его успели поседеть, так что теперь уже ему с этой привычкой не расстаться. А женщины на улице, глядя на его улыбку и непокрытую голову, говорили себе: "Какой красивый мужчина!"

Джордж Пендайс, увидев Грегори из окна своего клуба, тоже улыбнулся; только улыбка его была иного свойства: вид Грегори был всегда немного неприятен Джорджу.

Природа, создавшая Грегори Виджила мужчиной, давно заметила, что он вовсе отбил от ее рук, живет в безбрачии, бежит общества даже тех несчастных созданий, которых его Общество наставляло на путь истинный. И природа, которая не терпит ослушания, выместила свое недовольство на характере Грегори: нервы его были самые деликатные, а кровь то и дело бросалась в голову: темперамент у него был горячий (что нередко в нашем туманном климате), и как человек не может по своему хотению прибавить к своему росту ни вершка, так и Грегори не мог укротить свой нрав. Встретив горбатого, Грегори стал бы мучиться мыслью, что тот до могилы обречен носить горб. Он был убежден, что если окружить горбуна заботой и вниманием, то в один прекрасный день он станет стройным. Нет на земле двух индивидуумов, имеющих одни и те же убеждения, как нет двух людей с одинаковыми лицами, но Грегори свято верил, что люди, на свою беду имеющие собственную точку зрения, рано или поздно разделят его взгляды, если он не поленится достаточно часто напоминать им, что они заблуждаются. Грегори Виджил был не единственный человек на Британских островах с подобными понятиями.

Источником постоянных огорчений Грегори было то обстоятельство, что его преобразовательный инстинкт то и дело вступал в противоречие с его чувствительными нервами. Его природная деликатность обязательно восставала и сводила на нет все его благородные усилия. Этим, пожалуй, можно объяснить его постоянные неудачи, о которых с прискорбием упомянула миссис Пендайс в разговоре с леди Молден на балу в Уорстед Скайнес.

Он слез с омнибуса неподалеку от дома, где жила миссис Белью, с благоговением прошел мимо него и вернулся обратно. Давным-давно он взял за правило видеться с ней лишь раз в две недели, но под ее окнами он проходил чуть ли не каждый день, какой бы крюк ни приходилось делать. Окончив эту прогулку и не подозревая, что действия его могли бы показаться смешными, он, все еще улыбаясь, ехал назад в Ист-Энд. Шляпа его опять покоилась у него на коленях, и, вероятно, он не был бы счастливее, если бы повидал миссис Белью. Когда они проезжали мимо Клуба стойков, из окна клуба его опять увидел Джордж Пендайс, и опять на губах Джорджа мелькнула насмешливая улыбка.

Спустя полчаса он уже был у себя дома на Букингем-стрит; вскоре явился рассыльный из клуба и вручил ему письмо, обещанное мистером Парамором. Он поспешно вскрыл его.

"Нельсоновский клуб.

Графальгар-сквер.

Дорогой Виджил!

Я только что вернулся от вашей подопечной. Дело приняло неожиданный оборот. Вчера вечером произошло следующее. После вашего визита в Сосны капитан Белью приехал в Лондон и в одиннадцать часов ночи постучал в квартиру своей жены. Он был почти в бреду, и миссис Белью должна была оставить его у себя. "Я собаку не выгнала бы в таком состоянии", - объяснила она мне. Он пробыл у нее до следующего полудня, - ушел перед самым моим приходом. Такова ирония судьбы, значение которой я вам сейчас объясню. Помните, я говорил вам, что закон о разводе исходит из определенных принципов. Один из них подразумевает, что сторона, начавшая дело о разводе, отказывается простить нанесенные ей оскорбления. На языке закона это прощение, или снисходительность, называется "примирением" и представляет собой решительное

препятствие для дальнейшего ведения дела. Суд ревностно следит за соблюдением этого принципа и с большим недоверием относится к таким поступкам обиженной стороны, которые можно истолковать как "примирение". То, что сообщила мне ваша подопечная, ставит ее в такое положение, при котором, боюсь, невозможно затевать дело о разводе, основываясь на проступках ее мужа, совершенных до его злополучного посещения. Слишком рискованно. Иными словами, суд почти наверняка постановит, что действия истицы должны рассматриваться как "примирение". Если же в дальнейшем ответчиком) будет совершен поступок, расценивающийся как оскорбление, то, говоря языком закона, "прошлые деяния возымеют силу", и только тогда, но ни в коем случае не сейчас можно будет надеяться на благоприятный исход дела. Повидав вашу подопечную, я понял, почему вы так озабочены ее теперешним положением, хотя должен сказать, я отнюдь не уверен, что вы делаете правильно, советуя ей развестись с мужем. Если вы не перемените своего намерения продолжать дело, я займусь им лично, и мой вам дружеский совет, поменьше принимайте все к сердцу. Бракоразводное дело не тот предмет, которым может без вреда для себя заниматься частный человек, а тем более человек, который, подобно вам, видит вещи не такими, какие они есть, а такими, какими он бы хотел, чтобы они были.

Искренне преданный вам, дорогой Виджил,
Эдмунд Парамор.

Если захотите повидать меня, я буду вечером у себя в клубе".

Прочитав письмо, Грегори подошел к окну и стал глядеть на огни на реке. Сердце бешено колотилось, на висках выступили красные пятна. Он спустился вниз и поехал в Нельсоновский клуб.

Мистер Парамор собрался отужинать и пригласил своего гостя разделить с ним трапезу,

Грегори покачал головой.

- Нет, мне не хочется есть, - сказал он. - Что же это такое, Парамор? Быть может, какая-то ошибка? Ведь не можете же вы мне сказать, что, поскольку она поступила как добрая христианка, она должна быть наказана таким образом.

Мистер Парамор прикусил палец.

- Не впутывайте сюда еще и христианства. Христианство не имеет никакого отношения к закону.

- Но вы говорили о принципах, - продолжал Грегори, - основанных на христианской этике.

- Да, да, я имел в виду принципы, взятые от старого церковного представления о браке, по которому развод вообще невозможен. Эта концепция законом отброшена, а принцип остался.

- Я не понимаю.

Мистер Парамор произнес медленно:

- Думаю, что этого никто не понимает. Обычная юридическая бестолковщина. Я понимаю только одно, Виджил: в случае, подобном этому, мы должны быть чрезвычайно осторожны. Мы должны "сохранить лицо", как говорят китайцы. Мы должны притвориться, что очень не хотим развода, но что оскорбление столь тяжело, что мы вынуждены обратиться в суд. Если Белью не будет возражать, судья должен будет принять то, что мы ему сообщим. Но, к сожалению, в подобных делах участвует прокурор. Вы что-нибудь знаете о его роли в бракоразводном процессе?

- Нет, - ответил Грегори, - не знаю.

- Если есть что-нибудь такое, что может помешать разводу, то он обязательно узнает. Я веду только те дела, в которых комар носу не подточит.

- Это значит...

- Это значит, что миссис Белью не может просить суд о разводе просто потому, что она несчастна или находится в таком положении, в каком ни одна женщина не может и не должна находиться, но только тогда, когда она оскорблена действиями, предусмотренными законом. И если каким-нибудь поступком она даст суду повод отказать ей в разводе, суд ей откажет. Чтобы получить развод, Виджил, надо быть крепким, как гвоздь, и хитрым, как кошка. Теперь вы понимаете?

Грегори не отвечал.

Мистер Парамор глядел на него внимательно и сочувственно.

- Сейчас не годится начинать дело, - прибавил он. - Вы все настаиваете на разводе? Я написал вам, что не совсем уверен, что вы правы.

- Как вы можете говорить об этом, Парамор? После того, что случилось вчера ночью, я больше, чем когда-либо, уверен в

необходимости развода.

- Тогда, - ответил Парамор, - надо установить слежку за Белью и уповать на счастливый случай.

Грегори протянул ему руку.

- Вы говорили о моральной стороне, - сказал он. - Вы не представляете себе, как невыразимо мерзко для меня все в этом деле. До свидания.

И, круто повернувшись, Грегори вышел вон.

Его мысли путались, сердце разрывалось. Он видел Элин Белью, самую дорогую для него женщину, задыхающейся в кольцах огромной липкой змеи; и сознание, что всякий мужчина и всякая женщина, не нашедшие счастья в браке, по своей ли вине, по вине своего спутника жизни или безо всякой вины с обеих сторон, задыхаются в тех же объятиях, не утоляло его боли. Он долго бродил по улицам, обдуваемый ветром, и вернулся домой поздно.

ГЛАВА X

РЕСТОРАН БЛЭФАРДА

То и дело на поверхность нашей цивилизации всплывают гении, которые, подобно всем гениям, не сумев осознать всего величия и всей пользы дела рук своих, но оставив после себя на земле прочный след, исчезают в небытие.

Так было и с основателем Клуба стойков.

Он всплыл в Лондоне в 187... году, не имея за душой ничего, кроме одного костюма и одной идеи. За какой-то год основал Клуб стойков, нажил десять тысяч фунтов, прожил более того, разорился и исчез.

Клуб стойков не лопнул после его исчезновения, а продолжал существовать силой бессмертной идеи его основателя. В 1891 году это было процветающее заведение, быть может, с менее ограниченным доступом, чем в прежние времена, но все такое же элегантное и в полном смысле аристократическое, как любой другой клуб в Лондоне, не считая одного-двух, особо фешенебельных, доступ в которые запрещается для всех. Идея, которая послужила фундаментом этому прекрасному сооружению, была, подобно всем великим идеям, красива, проста и нетленна, так что казалось удивительным, как это она так долго никому не приходила в голову. Она записана пунктом первым в уставе клуба:

"Член клуба не должен нигде служить".

Отсюда и название клуба, известного всему Лондону своими превосходными винами и кухней.

Клуб находится на Пикадилли, выходит фасадом на Грин-парк, и прохожие сквозь нижние окна имеют удовольствие в течение всего дня наблюдать в курительной комнате стойков, занятых в разнообразных позах чтением газет или пялящих глаза на улицу.

Некоторые из стойков, те, что не были директорами компании, занимались садоводством, увлекались яхтами, писали книги, были занятыми театрами. Большинство проводили свои дни на скачках, держа собственных лошадей, охотились на лисиц, перепелов, фазанов, куропаток. Кое-кто, однако, поигрывал на рояле, а кое-кто был католиком. Многие из года в год уезжали во время сезона на континент, все в одни и те же места. Эти были причислены к территориальным войскам, другие - к коллегии адвокатов; порой кто-нибудь писал картину или начинал заниматься благотворительностью. Словом, в Клубе стойков собрались люди самых разнообразных вкусов и склонностей, но с одной общей чертой: независимым доходом; и судьба была так милостива, что иной раз они, сколько бы ни старались, не могли от него избавиться.

Хотя обязательство нигде не служить стирало все классовые различия, стойки пополняли свои ряды главным образом за счет сельского дворянства; во время избрания нового члена они руководствовались сознанием, что дух клуба будет в большей безопасности, если посвящаемый принадлежит к их касте; старшие сыновья, неперемненные члены этого клуба, спешили представить туда своих младших братьев, сохраняя, таким образом, букет в его первоначальной чистоте и заботясь о поддержании того тонкого аромата старинных сельских усадеб, который нигде не ценится так высоко, как в Лондоне.

Полюбовавшись проезжавшим мимо наверху омнибуса Грегори Виджиллом, Джордж Пендайс прошел в игорную комнату. Там никого еще не было, и он принялся разглядывать развешанные по стенам картины. Это все были изображения тех "стойков", кто удостоился обратить на себя внимание известного карикатуриста, помещавшего свои рисунки в фешенебельной газете. Стоило только "стойку" появиться на ее страницах, как его тут же вырезали, вставляли под

стекло в рамку и в этой комнате вешали рядом с его собратьями. Джордж переходил от одного портрета к другому и остановился, на конец, перед свежей вырезкой. Это был он сам. Художник представил его в безупречном костюме, с чуть округленными руками. На груди бинокль, на голове непомерно большая шляпа с плоскими полями. Художник, видно, долго и тщательно обдумывал лицо. Губам, щекам и подбородку было придано выражение, свойственное человеку, наслаждающемуся жизнью. И вместе с тем их форма и цвет выдавали упрямство и раздражительность. Глаза смотрели тускло, между ними намечалась морщинка, как будто человек на портрете думал:

"Да, нелегко, нелегко! Положение обязывает. Я должен всегда быть на высоте".

Внизу была подпись: "Эмблер".

Джордж долго стоял перед этим изображением, знаменующим собой вершину его славы. Звезда его вознеслась высоко. Мысленно он видел длинную вереницу своих побед на беговой дорожке, длинную вереницу дней, вечеров, ночей, и в них, вокруг них, за ними парил образ Элин Белью; и по странному совпадению глаза его приняли тусклый взгляд, воспроизведенный художником, и между ними пролегла морщинка.

Услыхав голоса, он отошел от карикатуры и опустился в кресло: не хватает только, чтобы его застали за разглядыванием! собственного изображения! По его понятиям это было неприлично.

Было двадцать минут восьмого, когда он, одетый во фрак, покинул клуб и нанял кэб до Букингемских ворот. Здесь он отпустил извозчика и высоко поднял большой меховой воротник. В щели между полями его цилиндра и поднятым воротником были видны только глаза. Он ждал, покусывая губы, оглядывая каждый проезжающий мимо экипаж. В неясном свете быстро приближающегося кэба он увидел в окне поднятую руку. Кэб остановился; Джордж выступил из тени и вскочил внутрь. Кэб тронулся, он почувствовал рядом с собой плечо миссис Белью.

Этот простой способ они придумали, чтобы приезжать в ресторан вместе.

Пройдя в третий, небольших размеров зал, где свет был затенен, они заняли столик в углу, усевшись спиной к посетителям, и ножка миссис Белью неслышно скользнула по полу и коснулась ботинка

Джорджа. В их взглядах, хотя они и старались соблюдать осторожность, тлел огонь, который невозможно было загасить. Завсегдатай ресторана, потягивавший кларет за столиком в другом конце зала, наблюдал за ними в зеркало, и на сердце этого старого человека потеплело, он сочувствовал и завидовал им; понимающая улыбка обозначала морщинки в уголках глаз. Мало-помалу сочувствие исчезло с этой гладко выбритого лица, и осталась лишь легкая усмешка на губах. За аркой в смежной комнате два официанта взглянули друг на друга, и в их лицах и в кивках друг другу было то же неосознанное доброжелательство и сознательная насмешка. Старик, отпивая свой кларет, подумал: "Сколько еще у них это продлится?"

А вслух сказал:

- Кофе и счет.

Он хотел ехать отсюда в театр, но торопиться не стал: залюбовался любезно отраженными в зеркале белыми плечами миссис Белью и ее сияющим взглядом. Он шептал про себя: "Молодые годы... молодые годы!.." И снова сказал громко:

- Один бенедиктин!

Сжалось его старое сердце, когда он услышал ее смех. И он опять подумал: "Больше никто никогда не засмеется так для меня!.."

- В чем дело? Вы поставили мне в счет мороженое.

А когда официант ушел, он еще раз взглянул в зеркало: их бокалы, наполненные пенящимся золотым вином, соприкоснулись, и он пожелал им мысленно: "Будьте счастливы! За блеск твоих зубок я бы отдал..." Вдруг его взгляд упал на букетик искусственных цветов на столике: желтые, красные и зеленые, они мертво топорщились, оскорбляя глаз своими красками. Он увидел все кругом в настоящем свете: себя, недопитое вино в бокале, пятна соуса на скатерти, эти жалкие цветы, скорлупки от орехов. Тяжело вздохнув и закашлявшись, подумал: "Нет, этот ресторан уже не тот. Сегодня я здесь последний раз".

С трудом натягивая пальто, он еще раз глянул в зеркало, и глаза его поймали взгляд тех двоих. В нем он прочел беззаботное сострадание молодости, когда она видит старость. И глаза его ответили: "Погодите! Погодите! У вас пока еще вешние дни! Но я все-

таки желаю вам всего хорошего, мои милые!" и, припадая на одну ногу, - он был хром - поплелся прочь.

А Джордж и его дама все сидели в этой уютной комнате, и с каждым бокалом вина огонь в их глазах разгорался ярче. Кого им было опасаться здесь? Ни одной живой души рядом! Только высокий смуглый официант, чуть косивший, болезненного вида. Только маленький лакей, разносящий вина, с бледным, страдальческим лицом и таким взглядом, будто его вечно что-то пожет.

Весь мир казался им окрашенным тем же цветом, что и вино в их бокалах; но болтали они о ничего не значащих пустяках, только глаза, блестящие, изумленные, говорили то, что было у них в сердце. Смуглый молодой официант стоял поодаль не двигаясь; его чуть косящий взгляд был прикован к ее ослепительным плечам, и в этом взгляде сквозило неосознанное томление, словно в глазах святого с какой-нибудь старой картины. За ширмами, невидимый для окружающих, маленький лакей наливал себе вино из недопитой бутылки. В щели красных штор мелькнули чьи-то широко раскрытые, любопытствующие глаза и тут же исчезли, - их обладатель прошел мимо.

Они встали из-за стола уже в десятом часу. Смуглолицый молодой официант восхищенными руками надел на миссис Белью ее шубу. Она взглянула на него, и в глазах ее он прочел бесконечную милость. "Бог свидетель, - казалось, говорил ее взгляд, - если бы только я могла дать и тебе счастье, я была бы рада. Зачем надо, чтобы человек страдал? Жизнь прекрасна и беспредельна!"

Чуть косые глаза молодого официанта потупились, он склонился в благодарности, ощутив в руке монету. А впереди них уже спешил к двери маленький лакей, чтобы успеть распахнуть ее, его страдальческое личико все сморщилось в улыбке.

- До свидания, до свидания. Благодарю вас.

И он точно так же благодарно склонился над собственной рукой, зажавшей монету, а улыбка за ненадобностью уже исчезла с его лица.

В кэбе рука Джорджа скользнула под шубку миссис Белью, он обнял ее гибкую талию; и они влились в общий поток кэбов; в каждом мчалась куда-то такая же пара, надежно укрытая от посторонних глаз, от постороннего прикосновения; и, устремив друг на друга в полумраке взгляд, они тихонько разговаривали.

* ЧАСТЬ II *

ГЛАВА I

ГРЕГОРИ НАЧИНАЕТ КАМПАНИЮ

В одном из уголков обнесенного стеной сада, который мистер Пендайс создал по образцу сада в Страдзбегали, росли на свободе, в девственной нетронутости груши и вишни. Они зацветали рано, и к концу третьей недели апреля уже распустилось последнее вишневое деревце. В высокой траве под деревьями каждую весну расцветали во множестве нарциссы и жонкилы, подставляя желтые звездочки солнцу, пятнами падавшему на землю.

Сюда каждый день приходила миссис Пендайс в коричневых перчатках, порозовев оттого, что приходилось работать согнувшись, и оставалась здесь подолгу, словно это цветение успокаивало. Только благодаря ей эти старые деревья избежали садовых ножниц мистера Пендайса, чей пылкий ум склонен был ко всевозможным нововведениям. С детских лет она впитала в себя мудрость Тоттериджей, что фруктовые деревья лучше предоставлять самим себе и природе, тогда как ее муж, и в садоводстве не отстававший от времени, ратовал за новые методы. Миссис Пендайс боролась за эти деревья. Это было единственное, за что она боролась всю свою супружескую жизнь, и Хорэс Пендайс до сих пор вспоминал с неприятным чувством, которого время лишило остроты, как много лет назад его жена, прислонившись к двери их спальни, говорила ему: "Если ты обрежешь ветки на этих деревьях, Хорэс, я не останусь здесь ни одной секунды!" Он тут же высказал твердое намерение немедленно заняться садом, да как-то сразу не дошли руки и вот уж тридцать три года не доходят, и стоят эти деревья нетронутыми. А он даже мало-помалу начал гордиться, что они все плодоносят, и говаривал так: "Странная фантазия моей жены; ни разу не подрезаны. И, представьте себе, удивительное дело - прекрасный дают урожай, лучше, чем весь остальной сад".

Этой весной, в самую пору цветения, когда кукушка уже куковала в роще, когда в Новом парке, разбитом в год рождения Джорджа, лимоном пахли молодые лиственницы, миссис Пендайс приходила в свой сад чаще, чем в прежние годы; душа ее волновалась, в груди рождалось смутное томление, как бывало в первые годы жизни в Уорстед Скайнесе. И, сидя здесь на зеленой скамейке под старой

вишней, она думала о Джордже; теперь она думала о нем! гораздо больше, чем обыкновенно, как будто душа ее сына, потрясенная первой истинной страстью, тянулась к ней за утешением.

Он так редко бывал дома этой зимой: два раза охотился пару деньков, однажды провел субботу и воскресенье - ей он показался тогда похudevшим и измученным. Первый раз он не был в усадьбе в рождество. С величайшей осторожностью она спросила его один раз как будто случайно, не видится ли он с Элин Белью, а он ответил ей: "Да, изредка".

Всю зиму тайно от всех она листала номера "Таймса", ища имя лошади Джорджа, и бывала огорчена, не найдя его. Однажды уже в феврале оно попало ей; Эмблер возглавлял почти все столбцы, в которых против имени лошади стояла какая-то цифра. И, радуясь всем сердцем за сына, она села писать ему. Только в одном столбце из пяти Эмблер стоял вторым. Приблизительно через неделю пришел ответ. Джордж писал:

"Дорогая мама.

Это была оценка шансов перед весенними скачками. Положение просто отчаянное. Я сейчас очень занят.

Твой любящий сын
Джордж Пендайс".

С приближением весны мечта о поездке в Лондон одной, без мужа и дочерей, скрашивавшая долгие зимние месяцы, становилась все прозрачнее и, наконец, исполнив свое назначение, растаяла вовсе. Миссис Пендайс перестала и думать о Лондоне, как будто никогда туда не собиралась; Джордж тоже ни разу не напомнил о своем обещании, и, как бывало и раньше, она перестала ждать его приглашения. Мысли ее все чаще занимал предстоящий летний сезон, визиты, суэта вечеров; она думала о них не без некоторого удовольствия. Ибо Уорстед Скайнес и все с ним связанное, словно всадник в тяжелых доспехах, железной рукой направлял ее по узкой лесной тропе, и она мечтала сбросить его на опушке и умчаться на волю, но опушка никогда не открывалась.

Она просыпалась в семь часов и выпивала в постели чашку чая, а с семи до восьми делала заметки в записной книжке, пока мистер Пендайс еще спал, лежа на спине и слегка похрапывая. Вставала в восемь. В девять пила кофе. С половины десятого до десяти отдавала

распоряжения экономке и кормила птиц. С десяти до одиннадцати говорила с садовником и занималась своим туалетом. До двенадцати писала приглашения знакомым, до которых ей не было дела, и отвечала согласием на приглашения знакомых, которым, в свою очередь, не было дела до нее; а кроме того, выписывала и располагала: в строгой последовательности чеки, на которых мистер Пендайс должен был расписаться. В это время обычно приходила с визитом миссис Хассел Бартер. С двенадцати до часу вместе с гостьей и "милыми собачками" она шла в деревню, где нерешительно заходила в дома к фермерам, смущая их своим приходом!. С половины второго до двух - завтрак. До трех отдыхала на софе в белой комнате, пытаюсь читать о дебатах в парламенте и думая о своем. В три шла к своим милым цветам - оттуда ее могли позвать каждую секунду принимать гостей, - или же ехала с визитом к кому-нибудь из соседей и, отсидев в гостях полчаса, возвращалась домой. В половине пятого разливала чай. В пять принималась за вязанье - шарф или носки для сыновей - и прислушивалась с мягкой улыбкой ко всему, что происходило в доме. С шести до семи сквайр делился с женой своими соображениями о действиях парламента и положении дел вообще. Полчаса миссис Пендайс занималась своим туалетом и в половине восьмого выходила к столу в черном платье с глубоким вырезом и старинными кружевами вокруг шеи. В четверть девятого садилась слушать, как Нора играет два вальса Шопена и пьесу "Серенада весны" Баффа, или как Би поет "Микадо" или "Шалунью". С девяти до половины одиннадцатого, когда случались партнеры, играла в игру, называемую пикет, в которую обучил ее играть отец, но это бывало редко, и тогда она раскладывала пасьянс. В половине одиннадцатого шла спать. В одиннадцать тридцать приходил сквайр и будил ее. Окончательно она засыпала в час ночи. По понедельникам она отчетливым почерком Тоттериджей, красивыми, ровными буквами составляла список книг для библиотеки, выписывая подряд все, что рекомендовала газета для женщин, которую раз в неделю получали в Уорстед Скайнесе. Время от времени мистер Пендайс давал ей свой список, составленный им в кабинетной тиши по совету "Таймса" и "Филда"; этот список миссис Пендайс тоже отсылала.

Таким образом, в дом Пендайсов попадала только та литература, что была по вкусу его обитателям, - всякой иной книге доступ был

надежно прегражден, - впрочем, для миссис Пендайс это не имело большого значения, ибо, как она часто говорила с кротким сожалением, у нее для чтения просто времени не хватало.

В этот день было так тепло, что пчелы облепили цветущие ветви; два дрозда, свившие гнездо на тиссе, возвышавшемся над шотландским садиком, были в страшном волнении: один из птенцов выпал из гнезда. Птичка-мать, усевшись на куст, смотрела на своего детеныша молча, взглядом требуя, чтобы и он перестал пищать: а то вдруг услышит человек.

И миссис Пендайс, отдыхавшая под старой вишней, услышала, пошла на писк и подняла птенца, а так как она знала в своем саду каждое гнездо, то и опустила трепещущий комок обратно в его колыбельку под жалобно-истощные крики родителей. Потом вернулась к своей скамейке и села.

В ее душе поселился в последнее время страх, сродни страху, только что перенесенному маленькой птичкой-матерью. Молдены недавно были с визитом в Уорстед Скайнесе перед своим обычным весенним переселением в город, и на щеках миссис Пендайс еще тлел румянец, который леди Молден столь ловко умела вызвать. Утешала одна мысль: "Элин Молден так буржуазна!" Но сегодня и это соображение не помогало.

В сопровождении бледной дочери и двух унылых собак, бежавших всю дорогу до Уорстед Скайнеса, леди Молден приехала с визитом и пробыла в гостиной миссис Пендайс все положенное для визита время. Три четверти этого времени она мучилась от сознания невыполненного долга, а одну четверть страдала бедная миссис Пендайс, после того как гостья исполнила свой долг.

- Дорогая, - начала леди Молден, приказав своей бледной дочери удалиться в оранжерею, - вы знаете, я не из тех, кто разносит сплетни; но я - считаю, что поступлю правильно, если расскажу вам то, о чем говорят люди. Мой мальчик Фред (ему со временем предстояло стать сэром' Фредериком Молденом) - член того же клуба, что и ваш сын, - Клуба стойков. Все молодые люди хорошего происхождения - члены этого клуба. Мне очень грустно, но я должна сказать, что вашего сына видели обедающим у Блэфарда в обществе миссис Белью, и это абсолютно достоверно. Вы, вероятно, не знаете, что такое ресторан Блэфарда? Так вот, в этом ресторане много кабинетов - туда ездят за

тем, чтобы избежать посторонних глаз. Я, конечно, там не бывала, но могу себе представить... И к тому же не один раз, а постоянно. Я решила поговорить с вами: я считаю, что в ее положении так вести себя - скандально.

Между хозяйкой и гостьей стояла азалия в голубой с белым вазе, миссис Пендайс спрятала в цветке глаза и вспыхнувшие щеки, но когда она подняла лицо, брови у нее были высоко подняты, а губы дрожали от гнева:

- Неужели вы не знаете? В этом нет ничего особенного. Это сейчас модно.

На мгновение леди Молден растерялась, потом густо покраснела, но ее природная добродетель и усвоенные принципы помогли ей взять себя в руки.

- Если это модно, - проговорила она с достоинством, - то нам давно уже пора вернуться в город.

Она встала - и таково уж было ее сложение, что миссис Пендайс не могла не сказать себе:

"И чего я боюсь? Она всего-навсего... - и тут же перебила себя: -Бедняжка, ну чем она виновата, что у нее такие коротенькие ноги".

Но когда леди Молден удалилась вместе со своей бледной дочерью и унылыми собаками, пустившимися в обратный путь за каретой, миссис Пендайс схватилась за сердце.

И теперь среди цветов и пчел, где пение дроздов с каждой новой трелью становилось все более сложным, где воздух, напоенный ароматами, дурманил, сердце ее все не успокаивалось: оно билось болезненно, как перед бедой. Она вдруг увидела сына маленьким мальчиком; полотняный костюм в грязи, за спиной соломенная шляпа, лицо красное, с упрямо сжатыми губами - таким он возвращался после своих мальчишеских приключений.

И внезапно под влиянием этого весеннего дня и своих горестей ей стало нестерпимо тяжело от мысли, что ее дорогой мальчик оторван от нее могучей, беспощадной силой. Она вынула крошечный вышитый платочек и заплакала. Со стороны фермы донеслось мычание: стали доить коров, издали прилетел тоненький звук дудки, необъяснимый в этом строго налаженном хозяйстве...

- Мама, ма-а-ма!

Миссис Пендайс осушила платочком глаза и, инстинктивно покоряясь требованиям хорошего тона, согнала с лица всякий след волнения. Она ждала, комкая одетой в перчатку рукой платок.

- Мама! Вот ты где! Грегори Виджил приехал!

Нора шла по дорожке в сопровождении фокстерьеров, за ней показалась живая характерная физиономия Грегори. Он был, как всегда, с непокрытой головой, и его длинные седые волосы относило назад.

- Вы, конечно, хотите поговорить. Ухожу к миссис Бартер. Пока!

Нора удалилась вместе со своими фокстерьерами. Миссис Пендайс протянула руку.

- Здравствуйте, Григ. Так неожиданно! Грегори сел рядом на скамью.

- Я привез письмо, - начал он, - от мистера Парамора. Я не могу ответить, не посоветовавшись с вами,

Миссис Пендайс, смутно понимавшая, что Грегори хочет заставить ее смотреть на дело его глазами, с упавшим сердцем взяла у него из рук письмо.

Грегори Виджилу, эсквайру. Линкольнс-Инн-Филдс

Лично. 21 апреля, 1892 г.

Дорогой Виджил!

В моем распоряжении теперь достаточно фактов, позволяющих начать дело. Я написал миссис Белью и теперь жду ответа. К сожалению, у нас нет доказательств жестокого обращения, и я был обязан поставить миссис Белью в известность, что если ее супруг решит защищаться, то будет нелегко доказать суду, что разрыв произошел по его вине, тем более, что и не защищайся он, это доказать сложно. В бракоразводных процессах часто наибольшее значение имеет то, о чем не говорится, а не то, что фигурирует в материалах дела, поэтому необходимо знать заранее намерения противной стороны. Я не советовал бы спрашивать его об этом напрямик, но если вам что-нибудь станет известно, дайте мне знать. Я не люблю обмана, шпионства, но развод - грязное дело, и пока закон остается прежним и свое грязное белье приходится мыть у всех на виду, невозможно ни правому, ни виноватому, ни даже нашему брату, юристу, связавшись с разводом, не запачкать рук. Все это очень прискорбно для меня так же, как и для вас.

В "Тершиари" появилось новое имя. Некоторые стихи первоклассны. Те, что в последнем номере. Сад в этом году цветет превосходно.

Искренне преданный вам

Эдмунд Парамор.

Миссис Пендайс положила письмо на колени и взглянула на кузена:

- Парамор учился в Хэрроу вместе с Хорэсом. Я очень люблю его. Один из самых приятных людей, кого я знаю.

Было ясно, что миссис Пендайс тянет время.

Грегори поднялся со скамейки и стал шагать взад и вперед.

- Я с глубочайшим уважением отношусь к Парамору. На него можно положиться, как ни на кого другого.

Было ясно, что и Грегори тянет время.

- Мои нарциссы! Осторожнее, Григ.

Грегори опустил на колени, поднял цветок, ело* манный его ногой, и протянул его миссис Пендайс. Это было для нее так непривычно, что показалось смешным.

- Григ, дорогой, у вас сделается ревматизм, и вы испортите свой превосходный костюм; пятна от травы так трудно сходят!

Грегори поднялся и смущенно плянул на свои колени.

- Колени у меня теперь не такие гибкие, как прежде, - сказал он.

Миссис Пендайс улыбнулась. - Поберегите колени для Элин Белью, Григ. Помните, я всегда была старше вас пятью годами. Грегори взъерошил волосы.

- Коленопреклонение вышло из моды, но я подумал, что здесь, в деревне, вы отнесетесь к этому благосклонно!

- Вы отстали от времени, Григ! В деревне оно еще больше устарело. Нет ни одной женщины на расстоянии тридцати миль, которая захотела бы видеть муж* чину перед собой на коленях. Мы отвыкли от этого. Она еще подумает, что над ней смеются. Да, как скоро слетело с нас тщеславие!

- Говорят, - заметил Грегори, - все женщины в Лондоне хотят быть мужчинами, но в деревне, я думал...

- В деревне, дорогой Григ, все женщины тоже хотят быть мужчинами, да только не смеют признаться в этом и всегда идут позади.

И, как будто сказав что-то непристойное, миссис Пендайс покраснела. А Грегори выпалил:

- Я не могу так думать о женщинах!

Миссис Пендайс снова улыбнулась.

- Это потому, что вы не женаты.

- Мне противно верить, что брак меняет убеждения.

- Григ, осторожней с нарциссами! - воскликнула миссис Пендайс. А в голосе ее билась мысль: "Ужасное письмо! Что делать?"

И словно прочитав эту мысль, Грегори сказал:

- Я полагаю, что Белью не станет защищаться. Если в нем есть хоть капля благородства, он будет рад дать ей свободу. Никогда не поверю, что человек способен насильно удерживать женщину. Я не понимаю законов, но считаю, что в подобных обстоятельствах для благородного человека возможен только один образ действия, а Белью все-таки джентльмен. Вот увидите, он будет вести себя как подобает джентльмену.

Миссис Пендайс рассматривала лежащий на ее коленях нарцисс.

- Я встречала его лишь три-четыре раза, но мне кажется, Григ, что он из тех людей, которые сегодня ведут себя так, а завтра иначе. Он не похож на других мужчин в наших краях.

- Когда дело касается самых важных сторон жизни, - сказал Грегори, все люди действуют, в общем, одинаково. Назовите мне хоть одного человека, в котором было бы так мало благородства, что он не дал бы свободы жене в подобных обстоятельствах.

Миссис Пендайс взглянула на Грегори со сложным чувством: в ее глазах были изумление, насмешка, восхищение и даже страх.

- Сколько угодно, - ответила она.

Грегори прижал ладонь ко лбу.

- Марджори, мне неприятен ваш цинизм. Не понимаю, откуда он.

- Простите меня, Григ. Я не хотела быть циничной. Мои слова основаны только на собственных наблюдениях.

- На собственных наблюдениях? Да если бы я, занимаясь делами Общества, основывался на собственных наблюдениях, черпаемых ежедневно, ежечасно из лондонской жизни, я не выдержал бы и недели, я бы повесился.

- Но чем же еще руководствоваться, как не тем, что видишь?

Не отвечая, Грегори прошел в конец садика миссис Пендайс и остановился, разглядывая деревья шотландского сада - его лицо было обращено к небу. Миссис Пендайс поняла, что ее кузен огорчился, не сумев открыть ей глаза на то, что так хорошо видел сам, и тоже огорчилась. Он вернулся и сказал:

- Больше не будем говорить об этом.

Миссис Пендайс отнеслась с недоверием к этим словам, а поскольку выразить свою тревогу и одолевавшие ее сомнения она не могла, то и позвала Грегори пить чай. Но Виджилу хотелось еще побыть на солнце.

В гостиной Би уже поила чаем молодого Тарпа и преподобного Хассела Бартера. Знакомые голоса вернули миссис Пендайс частицу утраченного душевного спокойствия. Мистер Бартер тут же подошел к ней с чашкой чая в руках.

- У жены разболелась голова, - сказал он. - Она собиралась со мной, но я велел ей лечь - это лучше всего помогает при головной боли. Мы, знаете ли, ожидаем в июне. Позвольте, я подам вам чаю.

Миссис Пендайс, давно уже знавшая, чего ожидают в июне и даже в какой именно день, села и посмотрела на мистера Бартера с легким удивлением. Да ведь он прекрасный человек: такой заботливый, уложил жену в постель! Его лицо, широкое, загорелое до красноты, с добродушно выдающейся нижней губой, показалось ей вдруг особенно располагающим к себе. Рой, лежавший у ее ног, обнюхал ноги священника и лениво завил хвостом.

- Рой обожает меня, - сказал Бартер, - собаки тотчас распознают тех, кто их любит, - удивительные создания, право! Я иной раз готов даже думать, что у них есть душа!

Миссис Пендайс ответила:

- Хорэс считает, что он совсем одряхлел.

Рой посмотрел ей в лицо, и губы у нее дрогнули. Священник рассмеялся.

- Ну, об этом рано беспокоиться: пес полон жизни. - И неожиданно прибавил: - Собака - друг человека, и убить ее ужасно! Пусть об этом позаботится природа.

У рояля Би и молодой Тарп листали ноты "Шалуны". Благоухали азалии, а мистер Бартер, сидевший верхом на позолоченном стуле, казался почти добрым, ласково поглядывая на старого терьера.

И миссис Пендайс вдруг испытала острое желание раскрыть душу, выслушать мужской совет.

- Мистер Бартер, - начала она, - мой кузен Грегори Виджил сообщил мне сейчас новость... только это между нами. Элин Белью начинает дело о разводе. И я бы хотела посоветоваться с вами: не могли бы вы... - Но, взглянув на лицо священника, остановилась.

- Развод! Гм... Неужели?

У миссис Пендайс побежали мурашки по коже.

- Вы, конечно, не станете говорить об этом никому, даже Хорэсу. Нас ведь это не касается.

Мистер Бартер наклонил голову: такое лицо у него бывало по воскресным утрам в школе.

- Гм! - процедил он опять.

И миссис Пендайс внезапно показалось, будто этот человек с тяжелой челюстью и карающим взглядом, сидевший так плотно на легком стулике, знает что-то такое, чего не знала она. Как будто он хотел сказать:

"Это не женское дело. Будьте добры предоставить все мне, и не вмешивайтесь".

Если не считать тех нескольких слов леди Молден и особенного выражения лица Джорджа, когда он ответил ей зимой "да, изредка", у миссис Пендайс не было ни одного доказательства, ни одного факта, - ничего, что могло бы подкрепить ее сомнения, и все-таки она почему-то твердо знала, что ее сын любовник миссис Белью. И теперь со страхом и непонятной надеждой смотрела она на Грегори, входящего в комнату. "Быть может, - подумала она, - мистер Бартер образумит Грига". Налив ему чашку чая, она вслед за Би и Сесилом Тарном прошла в оранжерею, оставив священника и Виджила в обществе друг друга.

ГЛАВА II

ЕЩЕ О ВЛИЯНИИ ПРЕПОДОБНОГО ХАССЕЛА БАРТЕРА

Чтобы понять и не осудить действия и мысли священника Уорстед Скайнеса, надо познакомиться с обстоятельствами его жизни от появления его на свет до момента повествования.

89

Второй сын в старинной суффолкской семье, он, по семейной традиции в двадцать четыре года выдержав экзамен в Оксфорд,

получил диплом, давший ему право наставлять на путь истинный лиц обоего пола, тщетно искавших этот путь в течение сорока и даже шестидесяти лет. Его характер, и прежде чуждый нерешительности, приобрел благодаря такому счастливому обороту алмазную чистоту и твердость: ему более не угрожали рефлексия, томление духа, свойственные иным его ближним. Поскольку он был человеком вполне заурядным, ему не приходило в голову задуматься над общественным устройством, существовавшим столетия и давшим ему так много; а тем более вставать в оппозицию к этому устройству. Он верил в благость власти как все заурядные люди, тем более, что и сам был облечен властью в немалой степени. Было бы неразумно ожидать от человека его происхождения, воспитания и образования, чтобы он усомнился в совершенстве механизма, частицей которого был сам.

По смерти своего дяди он, само собой разумеется, получил в двадцать шесть лет фамильный приход в Уорстед Скайнесе. С тех пор он там и жил. Источником его постоянного и вполне понятного огорчения была мысль, что приход после его смерти не достанется ни первому, ни второму его сыну, а перейдет ко второму сыну его старшего брата, сквайра. В двадцать семь лет он женился на мисс Розе Туайнинг, пятой дочери хантингдонширского священника. И за восемнадцать лет супружеской жизни родил десятерых детей. Все его потомство было, подобно отцу, здорово духом и телом, а теперь в семействе ожидался одиннадцатый. Над камином в кабинете мистера Бартера висел семейный портрет, а над ним, в рамке под стеклом, изречение "не судите, да несудимы будете"; эти слова Бартер избрал девизом своей жизни еще в первый год на пастырской стезе и ни разу об этом не пожалел.

На семейном портрете мистер Бартер сидел в центре с собакой у ног; позади него стояла жена, а по обе стороны веером, словно крылья бабочки, расположилось младшее поколение Бартеров. Плата за обучение уже давала о себе знать, и мистер Бартер не раз жаловался, но по-прежнему не отступал от своих правил, миссис же Бартер никогда ни на что не жаловалась.

Кабинет был обставлен с подчеркнутой простотой. Не один мальчишка отведал здесь благодетельной трости мистера Бартера, так что и сам хозяин не мог сказать, отчего поблек ковер в одном из углов: от колен провинившихся или от их слез. В шкафу по одну сторону

камина хранились книги религиозного содержания, многие имели весьма потрепанный вид; в шкафу по другую сторону мистер Бартер держал крикетные биты, которые регулярно протирали маслом>; удочка и ружье в чехле скромно стояли в углу. Между тумбочками письменного стола на полу был постлан тюфячок для бульдога, получившего немало призов; бульдог этот, как правило, лежал на страже хозяйских ног, пока мистер Бартер писал проповеди.

Как и у бульдога, лучшими чертами характера мистера Бартера были старые английские добродетели: упрямство, бесстрашие, нетерпимость и юмор; его дурные стороны благодаря его положению были ему неведомы.

Оставшись наедине с Грегори Виджилом, он немедленно приступил к делу.

- Немало времени прошло с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас, - начал он. - Миссис Пендайс рассказала мне под секретом новость, с которой вы приехали. Я должен признаться, я поражен.

Грегори поморщился: такая неделикатность была ему неприятна.

- В самом деле! - произнес он холодно с дрожью в голосе.

Священник, почуяв сопротивление Грегори, повторил многозначительно:

- Более чем поражен! Должно быть, тут все-таки какое-то недоразумение.

- В самом деле? - повторил Грегори.

Лицо мистера Бартера мгновенно изменилось: до этой минуты оно было серьезным, но теперь помрачнело и стало угрожающим.

- Я должен предупредить вас, - сказал он, - что этот развод нельзя... нельзя допустить.

Грегори густо покраснел.

- Какое вы имеете право? Я не слыхал, чтобы миссис Белью была вашей прихожанкой, мистер Бартер, но и в этом случае...

Священник подвинулся к нему, выставил голову, выпятил нижнюю губу:

- Если бы она не забыла свой долг, она была бы моей прихожанкой. Но я сейчас думаю не о ней, я думаю о ее муже. Он-то принадлежит к моему приходу, и, я повторяю, эта затея с разводом должна быть оставлена.

Грегори больше не сдерживался.

- По какому праву вы вмешиваетесь? - снова повторил он, дрожа всем телом.

- Я бы не хотел вдаваться в подробности, - ответил мистер Бартер, - но если вы настаиваете, я готов объяснить.

- Да, настаиваю, как ни прискорбно, - отвечал Грегори.

- Так вот, не называя имен, миссис Белью не та женщина, чтобы иметь право просить о разводе.

- И вы смеете это говорить? - воскликнул Грегори. - Вы...

Голос у него прервался.

- Вам не переубедить меня, мистер Виджил, - проговорил священник, угрюмо улыбаясь, - я исполняю мой долг.

Грегори с трудом подавил в себе бешенство.

- Сказанные вами слова могут сойти безнаказанно только духовному лицу, - произнес он ледяным тоном. - Объясните, что вы имели в виду.

- Это нетрудно, - отвечал Бартер, - я говорю только о том, что видел собственными глазами.

И он поднял на Грегори эти глаза. Их зрачки сузились до размера булавочной головки, светло-серые ободки блестели, белки налились кровью.

- Если вы настаиваете, пожалуйста: своими глазами я видел, как здесь, в этой самой оранжерее, ее целовал мужчина.

Грегори взмахнул рукой.

- Как вы смеете! - прошептал он.

Снова выпятилась вперед нижняя губа Бартера, говорящая о наличии чувства юмора у ее владельца.

- Я смею гораздо больше, чем вы думаете, мистер Виджил, - проговорил он. - И вы в этом скоро убедитесь. Повторяю, забудьте о разводе, или вмешайтесь я! Грегори отошел к окну. Когда он вернулся, лицо его было спокойно.

- Вы поступили непорядочно, - тихо сказал он. - Что ж, упорствуйте в своем заблуждении, думайте, что хотите, действуйте, как находите нужным. Дело пойдет своим чередом. До свидания, сэр!

И, повернувшись на каблуках, Грегори вышел вон из комнаты.

Мистер Бартер шагнул вперед. Слова "поступили непорядочно" жгли его мозг; сосуды в лице и на шее налились так, что казалось, вот-вот лопнут. С придушенным стоном, как раненый зверь, он бросился

вдогонку за Грегори. Но тот захлопнул дверь перед самым его носом. Приняв духовный сан, мистер Бартер перестал употреблять ругательства, и сейчас его чуть удар не хватил. Но тут он перехватил взгляд миссис Пендайс, устремленный на него из-за дверей оранжереи. Ее лицо было бледно, брови высоко подняты. Ее взгляд вернул ему самообладание.

- Что случилось, мистер Бартер? Священник мрачно усмехнулся.

- Ничего, ничего, - проговорил он. - Прошу простить меня, мне пора. Дела приходские ждут.

Он шел по аллее: головокружение и приступ удушья прошли, но легче не стало. Он пережил сейчас тот момент, когда оголяется истинная природа человека. Он частенько говорил о себе с грубоватым добродушием; "Да, да, я человек горячий, но отходчивый", - и ни разу ему не случалось - благодаря своему положению - убедиться в своей злопамятности. Он так привык за долгие годы сразу давать волю своему неудовольствию, что и не подозревал, как крепка в нем старая английская закваска, не знал, насколько сильно может им овладевать злоба. Он и сейчас, в эту минуту, не осознал всего этого; он испытывал только гневное изумление: как можно было столь чудовищно оскорбить человека его сана, человека, который всего только исполняет свой долг! И чем больше он размышлял, тем возмутительнее казалось ему поведение миссис Белью, потерявшей всякий стыд. Подумать только, она, эта женщина, которую он застал в объятиях Джорджа Пендайса, осмеливается обращаться за помощью к закону. Если бы мистеру Бартеру объяснили, что было что-то жалкое в его возмущении, в том, как его малюсенькая душа ратовала за свои малюсенькие убеждения, как она пыжилась на своем малюсеньком пути, уверенная в своей абсолютной непогрешимости, тогда как над ней простирались бездонные небеса, а вокруг роились миллионы живых организмов, не менее значительных перед лицом природы, чем сам преподобный мистер Бартер, то он бы несказанно удивился. С каждым шагом его возмущение становилось яростней и все более укреплялась решимость не допустить подобного попрапия нравственного принципа и подобного неуважения к нему, Хасселу Бартеру. "Поступили непорядочно!" Это обвинение пустило жало в его сердце, действие яда ничуть не ослабло оттого, что мистер Бартер никак не

мог понять, в чем" заключалась его непорядочность. Да он и не ломал голову над этим. Несообразность обвинения, брошенного ему, служителю церкви и джентльмену, была очевидна. Дело шло о незыблемости моральных устоев. На Джорджа он не сердился. Его праведный гнев возбуждала миссис Белью. До сих пор его слово было для женщин единственной и абсолютной истиной, словно он имел власть над жизнью и смертью. Нет, это вопиющая безнравственность! Он и раньше не одобрял ее разрыва с мужем, он вообще не одобрял миссис Белью! И преподобный Бартер направил свои стопы прямехонько в Сосны.

За изгородью виднелись сонные морды коров, где-то вдали крикнул дятел, в кленах, распутившихся нынешний год раньше срока, деловито гудели пчелы. Этим радостным весенним днем многоголосая жизнь полей беззаботно текла, не замечая черной квадратной фигуры в широкополой шляпе, надвинутой на самые глаза, медленнодвигающейся по проселку.

Джордж Пендайс, увидев священника, откинулся в глубь пролетки, запряженной древней серой кобылой - на станции Уорстед Скайнес был всего один извозчик. Он не забыл тона, каким говорил мистер Бартер в курительной в памятный день бала. Джордж долго не забывал обид. Он сидел, забившись в угол старенькой пролетки, трясущейся и поскрипывающей на неровностях дороги, пропахшей конюшней и крепким табаком, и его тревожный взгляд был устремлен поверх извозчика на кончики ушей кобылы. Он не шелохнулся всю дорогу, пока пролетка не остановилась у самых дверей дома.

Джордж тотчас же прошел в свою комнату, послав сказать матери, что останется ночевать. Миссис Пендайс услышала о приезде сына с радостью и тайным трепетом и принялась поспешно переодеваться к обеду, чтобы поскорее увидеть его. Сквайр вошел к ней в комнату, как раз когда она собралась спуститься вниз. Он весь день провел в суде и был сейчас в том своем настроении страха перед будущим, которое посещало его довольно редко.

- Почему ты не оставила Виджила обедать? - спросил он у жены.
- Я одолжил бы ему фрак. Я хотел поговорить с ним о своем намерении застраховать жизнь. Он в этом разбирается. Налог на наследство непомерно велик. И я не удивлюсь, если радикалы, буде они придут к власти, увеличат его вдвое.

- Я хотела оставить его, но он уехал, не простившись.

- Уж эти его чудачества!

Минуту мистер Пендайс порицал подобное нарушение правил хорошего тона. Сам он был педантом в соблюдении светских приличий.

- Опять у меня недоразумение с этим Пикоком. Такого упрянца свет не видывал... Что такое, Марджори, куда ты торопишься?

- Джордж приехал.

- Джордж? Так ты же увидишься с ним за обедом. Я должен о многом рассказать тебе. Сегодня разбиралось дело о поджоге. Старик Куорримен в отъезде. Вместо него председательствовал я. Опять этот Вудфорд, который был осужден за браконьерство. Только выпустили, а он на тебе, пожалуйста. Защитник пытался было доказать невменяемость. А он это из мести, негодяй. Разумеется, мы признали его виновным. Его приговорят к повешению, вот увидишь. Из всех тягчайших преступлений поджог - самое... самое...

Мистер Пендайс не мог найти слова, чтобы высказать свой взгляд на это злодеяние, и, тяжело вздохнув, прошел к себе в гардеробную. Миссис Пендайс тихонько вышла за дверь и поспешила в комнату сына. Джордж, без фрака, вдевал запонку в манжету.

- Позволь, я помогу тебе, дорогой. Как гадко крахмалят в Лондоне! Так приятно хоть чем-нибудь услужить тебе, мой мальчик.

- Как ты себя чувствуешь, мама?

На лице матери появилась улыбка, немного печальная, немного лукавая и вместе с тем жалкая. "Как? Уже? Не отталкивай меня, мой мальчик!" казалось, говорила она.

- Прекрасно, милый. А как у тебя дела?

Джордж ответил, стараясь не глядеть ей в глаза:

- Так себе. На прошлой неделе я много потерял на "Сити".

- Это скачки? - спросила миссис Пендайс. Таинственным чутьем матери она угадала, что

Джордж поспешил сообщить ей это неприятное известие, чтобы отвлечь ее внимание от главного: Джордж никогда не любил хныкать и жаловаться.

Она опустила на краешек софы и, хотя гонг к обеду должен был вот-вот ударить, заговорила о пустяках, чтобы подольше побыть с сыном.

- Какие еще новости? Ты так давно у нас не был. О наших делах я подробно тебе писала. А у мистера Бартера ожидается прибавление семейства.

- Еще? Я встретил Бартера на пути сюда. Вид у него был хмурый. В глазах миссис Пендайс мелькнуло беспокойство.

- О, я не думаю, чтобы причиной было предстоящее событие. - Она умолкла, но чтобы заглушить поднимающийся страх, снова заговорила: - Если бы я знала, что ты будешь, я не отпустила бы Сесила Тарпа. А каких хорошеньких щенят принесла Вик! Хочешь взять одного? У них вокруг глаз такие милые черные пятна.

Она наблюдала за сыном, как только может мать: любовно, украдкой, не упуская ни одной мелочи, ни одного движения мускулов в лице, стараясь прочесть состояние его души.

"Что-то тревожит его, - думала она. - Как он изменился за то время, что мы не видались! Что с ним? Я чувствую, что он так далек от меня, так далек!"

Но она знала также, что он приехал домой, потому что был одинок и несчастен, и бессознательно потянулся к матери.

И в то же время она понимала, что если станет надоедать ему любопытством, он еще дальше уйдет от нее. А это было бы нестерпимо; вот почему она ничего не спрашивала и только изо всех сил старалась скрыть свою боль.

Она спускалась в столовую, опираясь на руку сына, прижимаясь к нему плотнее, позабыв, как всю зиму мучилась его отчужденностью, замкнутостью и неподступностью.

В гостиной уже собрались мистер Пендайс и девочки.

- А, Джордж, - сухо приветствовал сына сквайр, - рад тебя видеть. Как можно терпеть Лондон в это время года! Но раз уж ты приехал, останься хотя бы на два дня. Я хочу показать тебе имение. Ты ведь ничего в хозяйстве не смыслишь. А я могу каждую минуту умереть. Так что подумай и оставайся!

Джордж мрачно поглядел на отца:

- К сожалению, меня в Лондоне ждут дела. Мистер Пендайс подошел и камину и стал к нему спиной.

- Так всегда: я прошу его сделать простую вещь ради его же блага, а у него дела. А мать ему потакает во всем. Би, поди сыграй мне что-нибудь.

Сквайр терпеть не мог, когда ему играли. Но это было единственным пришедшим ему в голову распоряжением, которое - он знал - будет выполнено беспрекословно.

Отсутствие гостей мало чем изменило церемонию обеда, который в Уорстед Скайнесе считался событием, венчающим день. Было, правда, всего семь перемен блюд и не подавалось шампанское. Сквайрпил рюмку-другую кларету и при этом говаривал: "Мой отец всю жизнь выпивал вечером бутылку портвейна, и хоть бы что. Последуй я его примеру, меня это в год свело бы в могилу".

Би и Нора пили воду. Миссис Пендайс, в душе отдавая предпочтение шампанскому, пила понемножку испанское бургундское, выписываемое для нее мистером Пендайсом за весьма умеренную цену; от обеда к обеду оно хранилось закупоренным особой пробкой. Миссис Пендайс угощала сына:

- Выпей моего бургундского, милый, оно превосходно.

Джордж отказался и потребовал виски с содой, взглянув в упор на дворецкого, ибо напиток был чересчур желт.

Под действием еды к мистеру Пендайсу вернулось его обычное благодущие, хотя будущее еще представлялось ему в печальном свете.

- Вы, молодые люди, - говорил он, снисходительно поглядывая на Джорджа, - все такие индивидуалисты. Развлечение вы превращаете в дело. Во что превратят вас к пятидесяти годам ваши скачки, бильярд, пикет! Воображение ваше спит. Чем прожигать жизнь, подумали бы лучше, каково вам придется в старости. Да-с! - Мистер Пендайс поглядел на дочерей, и обе воскликнули:

- О, папа! Что ты говоришь!

Нора, отличавшаяся большей силой характера, чем сестра, прибавила:

- Мама, правда, папа ужас что говорит?!

А миссис Пендайс, не отрываясь, смотрела на сына. Сколько вечеров она тосковала, глядя на его пустое место за столом!

- Сегодня вечером поиграем в пикет, Джордж?

Джордж взглянул на мать и кивнул, невесело улыбнувшись.

Вокруг стола по толстому, мягкому ковру неслышно двигались дворецкий с лакеем. Огонь восковых свечей мягко поблескивал на серебре, фруктах и цветах, на белых девичьих шеях, на румянном лице Джорджа, на белом глянце его манишки, горел в бриллиантах,

унизывающих тонкие, нежные пальцы его матери, освещал прямую и все еще бодрую фигуру сквайра, в комнате томительно-сладко пахло азалиями и нарциссами. Би с мечтательным взором вспоминала молодого Тарпа (он сказал сегодня, что любит ее) и гадала, даст ли отец согласие. Ее мать думала о Джордже, украдкой поглядывая на его расстроенное лицо. Было тихо, только позвякивали вилки и слышались голоса сквайра и Норы, беседующих о пустяках.

Снаружи за высокими распахнутыми окнами спала мирная земля; луна, оранжевая и круглая, как монета, тяжело висела над самыми верхушками кедров; озаренные ее светом шепчущие полосы безлюдных полей лежали в полузабытьи, а за этим светлым кругом царила бездонная и таинственная тьма - великая тьма, укрывающая от их глаз весь неугомонный мир.

ГЛАВА III

ЗЛОВЕЩИЙ ВЕЧЕР

В день больших скачек в Кемптон-парке, где Эмблер, считавшийся фаворитом, проиграл у самого финиша, Джордж Пендайс стоял перед входом в свою квартиру, которую он снял неподалеку от миссис Белью: в ту минуту, когда он вкладывал ключ в замочную скважину, кто-то, подойдя сзади быстрым шагом, спросил:

- Мистер Джордж Пендайс?

Джордж обернулся.

- Что вам угодно?

Человек протянул Джорджу длинный конверт.

- От фирмы Фрост и Таккет.

Джордж распечатал конверт, вынул листок бумаги и прочитал:

"Судейская коллегия, завещания и разводы.

Ходатайство Джэспера Белью..."

Джордж поднял глаза - в них стояло такое непритворное безразличие, беззлобие, побитость и упрямство, что рассыльный отвел глаза, как будто он ударил лежачего.

- Благодарю вас. До свидания!

Он захлопнул дверь и прочел бумагу от первого слова до последнего. Несколько подробностей, и в конце требование о возмещении ущерба; Джордж улыбнулся.

Если бы он получил эту бумагу три месяца назад, он отнесся бы к ней по-иному. Три месяца назад он почувствовал бы ярость, что

пойман. Первая его мысль была бы: "Я впутался в эту историю, впутался сам. Никогда не думал, что может случиться такое. Черт возьми! Надо кого-то повидать, прекратить все это! Должен быть выход!" У Джорджа было скудное воображение. Мысли его завертелись бы по этому кругу, и он сразу принялся бы действовать. Но то было три месяца назад, а теперь...

Он закурил папиросу и сел на диван. В его сердце была странная надежда, нечто вроде неожиданной радости на похоронах. Он может сейчас же пойти к нему него есть предлог... Не надо будет сидеть дома и ждать... ждать... ждать, вдруг ей вздумается прийти.

Он встал, выпил рюмку виски, снова сел на диван.

"Если она не придет до восьми, - подумал он, - я зайду к ней".

Напротив дивана было большое зеркало, и Джордж отвернулся к стене, чтобы не видеть своего лица. На нем была мрачная решительность, как будто он хотел сказать: "Я покажу им всем, что рано еще считать меня побитым!"

Услыхав звяканье ключа, Джордж соскочил с дивана, и лицо его закрыла привычная маска. Она вошла, как обычно, скинула мантилью и осталась стоять перед ним с обнаженными плечами. Глядя на нее, Джордж попытался понять, знает она или нет.

- Я решила, что лучше всего приехать, - сказала она. - Вижу, и ты получил этот очаровательный сюрприз.

Джордж кивнул. Минуту оба молчали.

- Это довольно забавно, но мне жаль тебя, Джордж.

Джордж тоже улыбнулся, но улыбка вышла кривая.

- Я сделаю все, что могу.

Миссис Белью подошла совсем близко к нему.

- Я читала о кемтонских скачках. Какое невезение! Ты, верно, много проиграл. Бедный мой! Беда никогда не приходит одна.

Джордж опустил глаза.

- Это не страшно. Была бы ты со мной.

Ее руки обвили его шею, но они были холодны, как мрамор; он заглянул ей в глаза и прочел в них насмешку и жалость.

Их кэб, выехав на широкую улицу, влился в поток, мчавшийся к центру, мимо Хайд-парка, где зазеленевшие ветви взметывались на ветру, как юбки балерин, мимо Клуба стойков, мимо других клубов, гремя, звеня, чуть не сталкиваясь, обгоняя омнибусы, такие уютные,

неповоротливые, с двумя рядами пассажиров, чинно сидящих друг против друга в тусклом свете фонаря.

В ресторане Блэфарда высокий смуглый молодой официант почтительно подхватил ее мантилью, маленький лакей улыбнулся своими страдальческими глазами. Тот же красноватый отблеск упал на ее руки и плечи, желтые и зеленые цветы так же вызывающе топорщились в голубых вазах. Те же названия в меню. Тот же взгляд праздного любопытства, мелькнувший в щели между красными шторами. То и дело за ужином Джордж украдкой поглядывал на лицо своей спутницы и диву давался, так было оно беспечно. К тому же последнее время миссис Белью все чаще бывала мрачна и раздражительна, а сегодня в ней чувствовалась какая-то отчаянная веселость.

Посетители за соседними столиками - сезон начался, и зал был полон поглядывали в их сторону: так заразительно она смеялась, - но Джордж начинал испытывать нечто похожее на ненависть. Какой бес сидит в этой женщине, отчего она может смеяться, когда ему так тяжело! Но он не сказал ни слова, не смел даже взглянуть на нее, чтобы не выдать своих чувств.

"Мы должны объясниться, - думал он, - надо смотреть правде в глаза. Надо что-то делать, а она сидит тут и хохочет, и все оглядываются на нас". Делать? Что делать, когда почва уходит из-под ног?

Соседние столики пустели один за другим.

- Джордж, поедем куда-нибудь, где можно будет танцевать.

Джордж удивленно поднял брови.

- Куда, дорогая? Нам некуда ехать!

- Ну хоть в эту вашу "Богему".

- Тебе неприлично показываться в подобном месте.

- Почему? Кому какое дело, куда мы ездим, что делаем!

- Мне до этого дело!

- Ах, мой друг, ты жив только наполовину.

Джордж раздраженно ответил:

- Ты, кажется, принимаешь меня за подлеца!

А в душе ни капли злобы, только страх потерять ее.

- Хорошо, едем тогда в Ист-Энд. Ну, давай сделаем что-нибудь такое, что не принято.

Они взяли извозчика и отправились в Ист-Энд. И он и она еще ни разу не были в этой неведомой земле.

- Запахни мантилью, дорогая, здесь это покажется странным.

Миссис Белью рассмеялась.

- В шестьдесят лет ты будешь вылитый отец.

И еще больше распахнула мантилью. Вокруг шарманки на углу улицы плясали девочки в ярких платьях. Миссис Белью приказала извозчику остановиться.

- Хочу посмотреть на этих детей.

- Не ставь нас в глупое положение.

Миссис Белью приоткрыла дверцу кэба.

- Пожалуй, я пойду плясать с ними!

- Ты сошла с ума! - воскликнул Джордж. - Сиди спокойно!

Он протянул руку и загородил ей путь. Прохожие с интересом смотрели на происходящее. Уже начинала собираться толпа.

- Пошел! - крикнул Джордж.

Кое-кто из зевак засмеялся, извозчик стегнул лошадь, кэб покати.

Пробило двенадцать, когда кэб остановился у старой церкви на набережной Челси; за последний час не было сказано ни слова.

Весь этот час Джордж думал:

"И ради этой женщины я пожертвовал всем. Это женщина, к которой я буду привязан на всю жизнь. Мне с ней не порвать!.. Если бы только я мог расстаться с ней! Но я жить без нее не могу. Мука, когда она со мной, еще большая мука, когда ее нет. Одному богу ведомо, чем все это кончится".

Он нашел в темноте ее руку: безучастная и холодная, как из мрамора. Глянул ей в лицо и ничего не прочел в ее зеленоватых глазах, блестевших в темноте, как глаза кошки.

Кэб отъехал, они стояли, освещенные уличным фонарем, глядя друг на друга. Джордж думал: "Я сейчас расстанусь с ней, а что же дальше?"

Она вынула ключ, вложила его в скважину и обернулась. На этой пустой, тихой улице, где ветер посвистывал и подвывал, огибая углы домов, и раскачивались огни фонарей, ее лицо, ее фигура были неподвижны, непроницаемы, как у сфинкса. Только в глазах, устремленных на него, играла жизнь.

- Спокойной ночи! - наконец прошептал он.

Она поманила его.

- Сегодня я твоя, Джордж! - сказала она

ГЛАВА IV

ГОЛОВА МИСТЕРА ПЕНДАЙСА

Голова мистера Пендайса, если смотреть на нее сзади, когда мистер Пендайс сидит за своим бюро в библиотеке - там обычно он проводит утра с половины десятого до одиннадцати, а то и до двенадцати, - проливала немалый свет на его характер и на характер класса, к которому он принадлежал.

Это был английский тип головы. Почти национальный. С выпуклым затылком, круто спускающимся к шее, суженная в висках и скулах, с выдающимся подбородком - линия, проведенная от наиболее выступающей точки затылка к подбородку, оказалась бы чересчур длинной. Внимательный наблюдатель заключил бы, что излишняя вытянутость этого черепа указывает на характер решительный, склонный к действиям; а его суженность - на своенравие, доходящее порой до тупого упрямства; тонкая жилистая шея, поросшая редкими волосами, и умные уши усиливали это впечатление. Когда вы видели это лицо с сухим румянцем, которому ветры и непогода добавили желтизны, а солнце смуглости, коротко подстриженные волосы, серые недовольные глаза, сомнения не оставалось: перед вами англичанин, землевладелец и, вопреки мнению мистера Пендайса о самом себе, индивидуалист. Его голова более всего напоминала адмиралтейскую башню в Дувре - это страннее, длинное сооружение с закруглением на конце, которое смущает своим видом впервые вступившего на английские берега чужестранца, изумляет его и поражает страхом.

Он сидел за своим бюро недвижно, слегка нагнувшись над бумагами, с видом человека, не отличающегося быстротой соображения; время от времени он откладывал перо, чтобы справиться в календаре, лежащем по левую руку, или заглянуть в один из документов, заполняющих многочисленные отделения бюро. Поодаль лежала раскрытая старая подшивка "Пэнча"; мистер Пендайс, будучи землевладельцем, знал этот журнал, как свои пять пальцев.

В минуты отдыха лучшим развлечением для него были эти иллюстрированные страницы, и, дойдя до изображения Джона Буля, он всякий раз говорил себе:

"Надо же было изобразить англичанина таким толстяком!"

Как будто художник нанес ему смертельную обиду, изобразив представителем английской нации не его тип, а тот, который теперь быстро выходил из моды. Мистер Бартер, слыша подобные рассуждения из уст мистера Пендайса, всякий раз решительно протестовал, ибо сам был крепкого сложения, полноват и продолжал полнеть.

Каждый из них, считая себя типичным англичанином, вместе с тем полагал, что стоит гораздо выше старинного типа англичанина георгианской и ранней викторианской эпохи, любителя ростбифа и портвейна, пива и верховой езды. Они были светскими людьми, шли в ногу с веком, аристократическая школа и Оксфорд научили их хорошим манерам, знанию людей и умению вести дела, привили им образ мысли, не нуждавшийся ни в каком усовершенствовании. Оба они, особенно мистер Пендайс, шесть, семь, а то и все восемь раз в году посещали столицу, чтобы не закоснеть у себя в глуши. Они редко брали с собой жен, ибо почти всегда им предстояло много дел: встречи со старыми друзьями, банкеты с партийными единомышленниками - консерваторами и духовными лицами, - театр комедии, а для мистера Бартера - Лицеум. Оба состояли членами клуба; мистер Бартер - покойного, старомодного, где можно сыграть роббер-другой в вист по маленькой, мистер Пендайс - "Храма незыблемого порядка вещей", как и подобает человеку, подвергнутому анализу все социальные явления и понявшему, что нет ничего более прочного в этом мире, чем традиция.

Всякий раз, уезжая в Лондон, тот и другой недовольно ворчали, что было уместно, поскольку жены оставались дома, и возвращались ворча: расшаливалась печень; но сельская жизнь оказывала свое целительное действие, и к следующей поездке от недуга не оставалось и следа. Таким образом они счищали с себя окалину провинциализма.

Спаньель Джон, чья голова была узка и вытянута, как у хозяина, лежал в тиши кабинета, уткнувшись мордой в лапы, и изнывал от скуки; так что когда мистер Пендайс кашлянул, он радостно завилял хвостом и, не поворачивая головы, скосил глаз, блеснув белым полумесяцем.

В глубине узкого, длинного кабинета тикали часы; солнечный свет падал сквозь узкие, длинные окна на узкие, длинные корешки

книг, рядами теснившихся под стеклом на полках вдоль одной из стен; и вся эта комната, чуть пахнувшая кожей, удивительно подходила для тех узких и длинных идеалов, которые доводились здесь мистером Пендайсом до их логического конца, узкого и длинного.

Впрочем, мистер Пендайс презрительно отмахнулся бы от мысли, что идеалам, коренившимся в наследственном принципе, может наступить конец.

"Пусть я исполню свой долг, пусть сохраню свое имение, как сохранил мой отец, и передам его сыну своему по возможности увеличенным", - вот что иногда он высказывал, о чем постоянно думал и нередко молился. "Большого я не желаю".

Времена были тяжелые, опасные. Очень возможно, что радикалы придут к власти, и тогда страна полетит ко всем чертям. Было естественно, что он молился за незыблемость тех форм жизни, в которые верил, зная только их, которые были завещаны ему предками, и лучшим воплощением которых были слова "Хорэс Пендайс". Он был противником! новых идей. И если какая-то новая идея пыталась вторгнуться в пределы пендайсовского мозга, все население этой страны поднималось на врага и либо отражало его, либо брало в плен. С течением времени несчастное существо, чьи вопли и стенания проникали сквозь тюремные стены, освобождалось из-под стражи исключительно из человеколюбия и стремления к покою и даже получало некоторые права гражданства, хотя и оставалось в глазах коренных обитателей "несчастливым чужеземцем".

Затем в один прекрасный день чужеземцу по недосмотру позволяли вступить в брак; или же вдруг у него обнаружился целый выводок незаконнорожденных детей. Но уважение к свершившемуся факту, к тому, что уже стало прошлым, не позволяло им расторгнуть этот брак или вернуть детей в состояние небытия, и мало-помалу они примирились с непрошеным потомством. Таковы были процессы, протекавшие в мозгу мистера Пендайса. В сущности, он походил на спаньеля Джона, у которого были консервативные наклонности. Увидев что-нибудь непонятное, мистер Пендайс тоже бросался вперед, загораживая дорогу этому непонятному, скалил зубы и тявкал; порой ему становилось страшно за мир, что настанет день, когда Хорэса

Пендайса не будет больше, чтобы скалить зубы и тявкать. Но грустил он редко. У него было мало воображения.

Все утро мистер Пендайс занимался старым, запутанным вопросом о праве владения Уорстед Скоттоном; эти земли огородил еще его отец, и он с детства привык считать их неотъемлемой частью Уорстед Скайнеса, Дело было почти бесспорное, ибо фермеры, озабоченные в момент огораживания ценами на хлеб, отнеслись к совершившемуся равнодушно и только в последний год, после которого права сквайра получили бы законную силу, отец нынешнего Пикока вдруг разломал забор и выпустил на огороженное пастбище свое стадо; и тем самым все началось сначала. Это случилось в 1865 году, и с тех пор не прекращались недоразумения, грозившие перейти в судебную тяжбу. Мистер Пендайс ни на минуту не забывал, что этот несчастный спор возник по вине Пикоков; ибо свойство его ума было таково, что он не задумывался над побуждениями других людей; он видел только факты и факты; иное дело, конечно, если действовал он сам, тогда он даже с некоторой гордостью говорил: "Я поступил так из принципа". Он никогда не размышлял и не вел бесед на отвлеченные темы; отчасти потому, что его отец не делал этого, отчасти потому, что это не поощрялось в школе, но главным образом, конечно, оттого, что все, не имеющее практической ценности, было ему чуждо.

И он, разумеется, не переставал удивляться неблагодарности своих арендаторов. Он выполнял свой долг по отношению к ним: мистер Бартер, их духовный наставник, мог бы засвидетельствовать это; об этом же красноречиво говорили и хозяйственные книги: средний ежегодный доход был равен тысяче шестистам фунтам, а чистые убытки (минус расходы на содержание усадьбы Уорстед Скайнес) равнялись тремстам фунтам.

Что касается дел менее земных: непосещения церкви, случаев браконьерства, моральной распущенности, - то и тут совесть мистера Пендайса была чиста: он не забывал своего долга и всячески помогал священнику. Не далее как в прошлом месяце произошел случай, подтверждающий это: его младший лесник, прекрасный работник, завел шашни с женой почтальона, и мистер Пендайс уволил его и приказал освободить домик, который тот у него арендовал.

Он встал и подошел к висевшему на стене свернутому в трубочку плану поместья; дернув зеленый шелковый шнур, он принялся

сосредоточенно изучать его, водя по нему пальцем. Спаньель тоже поднялся и неслышно переместился к ногам хозяина. Мистер Пендайс шагнул к столу и наступил на него. Пес взвизгнул.

- Черт бы побрал этого пса! - воскликнул мистер Пендайс и тут же прибавил: - Бедненький ты мой Джон!

Он сел было за стол, но оказалось, что он нашел не то место, и надо было снова идти к плану. Спаньель Джон, думая, что чем-то провинился перед хозяином, описав полукруг и виляя хвостом, опять подвинулся к его ногам. Едва он улегся, отворилась дверь и вошел слуга, неся на серебряном подносе письмо.

Мистер Пендайс взял письмо, прочел, вернулся к бюро и сказал:

- Ответа не будет.

Он сидел в тиши кабинета, уставив взгляд на листок бумаги, и на лице его чередовались гнев, тревога, сомнение, растерянность. Он не умел рассуждать, не высказывая мыслей вслух, и стал тихонько говорить сам с собой. Спаньель Джон, все еще уверенный, что чем-то прогневал хозяина, лег совсем близко у хозяйских ног.

Мистер Пендайс никогда глубоко не задумывался о нравственном принципе своего времени, и тем легче он принимал его.

Ему на протяжении жизни ни разу не представилась возможность совершить что-нибудь безнравственное, и это еще укрепляло его позиции. В сущности, он был добродетелен не вследствие своих убеждений и принципов, а по привычке и традиции.

И вот теперь, вновь и вновь перечитывая полученное письмо, он чувствовал, как к горлу подступила тошнота. В письме говорилось:

"Сосны, 20 мая.

Милостивый государь,

Не знаю, известно ли Вам, что я начал дело о разводе с женой, назвав в качестве соответчика Вашего сына. Ни ради него, ни ради Вас, а только ради миссис Пендайс, единственной женщины в округе, которую я уважаю, я готов прекратить дело, если Ваш сын даст слово не видеться больше с моей женой. Пожалуйста, ответьте скорее.

Остаюсь Ваш покорный слуга

Джэспер Белью".

Приятие традиций (а это было в духе мистера Пендайса) порой оборачивается против честного человека и его душевного спокойствия самым неприятным образом. В среде Пендайсов исстари повелось

смотреть на шалости молодых людей снисходительно. "Молодость должна перебеситься, - любил говорить он. - На то и молодые годы!" Такова была его точка зрения. И неудобство происходило теперь оттого, что надо было с этой точки зрения взглянуть на случившееся, - неудобство, которое не раз испытывали люди в прошлом и будут испытывать в будущем. Но поскольку мистер Пендайс не был философом, то и не видел несообразности между своими принципами и своим теперешним расстройством. Он чувствовал, что мир его пошатнулся, а он не принадлежал к людям, покорно переносящим несчастье, он считал, что и другие должны страдать. Чудовищно, что этот Белью, этот пьяница, отъявленный негодяй, чуть не задавивший насмерть его, мистера Пендайса, получил право нарушить спокойствие Уорстед Скайнеса! Какая беспримерная наглость - бросать подобное обвинение его сыну! Какое бесстыдство! И мистер Пендайс метнулся к колокольчику, наступив на ухо псу.

- Черт бы побрал этого пса! Бедненький ты мой Джон!

Но спаньель теперь уже твердо знал, что провинился перед хозяином, - он убрался в дальний угол, чтобы ничего не видеть, и лег, прижав морду к полу.

- Скажите миссис Пендайс, что я ее жду.

Сквайр стоял возле камина: его лицо еще больше вытянулось, шея пошла красными пятнами, глаза, как у рассерженного лебедя, метали молнии.

Миссис Пендайс нередко призывалась в кабинет мужа, где он говорил ей. "Я хочу с тобой посоветоваться. Такой-то сделал то-то. А я решил вот что".

Не прошло и нескольких минут, как она была в кабинете. Повинуясь словам мужа: "Марджори, прочти это", - прочла письмо и устремила на мужа глаза, полные страдания; в его глазах стоял гнев. Это была катастрофа.

Не каждому дана широта взгляда; не всем открываются далекие прозрачные потоки, сиреневая дымка вереска, озаренные лунным светом озера, где темными островами стоит на закате камыш и слышится далекий крик вальдшнепа, не все могут любоваться с крутых скал темными, как вино, волнами моря в сумерках, или с горных троп нагромождением вершин, дымящихся туманом и ярко-золотых на солнце.

Большинство из окна своей комнаты всю жизнь видит только ряд домов, или задний дворик, или, как мистер и миссис Пендайс, зеленые поля, опрятные рощи или шотландский сад в усадьбе. И на этом фоне бракоразводный процесс, в котором был замешан их сын, представлялся им бурей, несущей уничтожение. Для обитателя Уорстед Скайнеса (а у них воображение не отличалось живостью) это событие означало гибель прекрасного сооружения из идей, предрассудков и надежд. На этот раз нельзя было отделаться фразами: "Ну и что? Пусть люди думают, что хотят!"

Для Уорстед Скайнеса (а всякая английская усадьба, как две капли воды, похожа на Уорстед Скайнес) существовало только одно общество, одна церковь, одна свора гончих. Честь Уорстед Скайнеса должна оставаться незапятнанной. И эти два человека, прожившие вместе тридцать четыре года, теперь смотрели друг на друга с новым выражением: первый раз за все время их грудь волновалась одним чувством. Только мистер Пендайс (у мужчин чувство чести развито больше) думал: "Никогда не поверю! Опозорить нас всех!" А миссис Пендайс думала: "Мой бедный мальчик!"

Миссис Пендайс первая нарушила молчание.

- Ах, Хорэс! - воскликнула она.

Звук ее голоса вернул силы мистеру Пендайсу.

- Что ты, Марджори! Неужели ты веришь тому, что он здесь написал? Он заслуживает хлыста! Он знает, что я о нем думаю. Это его очередная наглая выходка! Тогда он чуть не убил меня, теперь...

Миссис Пендайс прервала мужа:

- Но, Хорэс, я боюсь, что это правда. Эллен Молден...

- Эллен Молден! - вскричал мистер Пендайс. - Какое отношение имеет она... - И он замолчал, вперив взор в план Уорстед Скайнеса, еще висевший развернутым, как символ всего, что готово было рухнуть. - Если Джордж и в самом деле... - крикнул он, - то, значит, он еще больший дура", чем я его считал! Дурак? Нет, хуже! Негодяй!

И он опять замолчал.

Миссис Пендайс вспыхнула и прикусила губу.

- Джордж не может быть негодяем, - сказала она.

Мистер Пендайс ответил, делая ударение на каждом слове:

- Опозорить свое имя!

Миссис Пендайс еще сильнее прикусила губу.

- Что бы ни сделал Джордж, - сказала она, - я уверена, что он вел себя, как подобает джентльмену.

Злая улыбка искривила губы сквайра.

- Как это похоже на женщину!

Но улыбка тут же пропала. И оба лица опять выражали беспомощность и растерянность. Как люди, прожившие вместе век и не любящие друг друга истинной любовью, хотя они давно перестали это замечать, они испытали даже нечто вроде удивления, когда их интересы совпали. Пускаться в пререкания не было смысла. Это не спасет их сына.

- Я буду писать Джорджу, - проговорил наконец мистер Пендайс.
- Я ничему не поверю, пока не получу от него ответа. Я полагаю, что он расскажет нам всю правду.

Голос его дрожал.

Миссис Пендайс поспешно сказала:

- Только ради бога, Хорэс, будь деликатен. Мальчик и без того страдает!

Ее кроткая душа, рожденная для мирного счастья, сейчас тоже страдала. В глазах стояли слезы. Но мистер Пендайс по дальновзоркости не замечал их. За время супружеской жизни этот дефект зрения все прогрессировал.

- Я напишу ему, что сочту нужным, - сказал он. - Понадобится срок, чтобы все обдумать, и пусть этот мерзавец не тешит себя мыслью, что я буду спешить.

Миссис Пендайс вытерла губы кружевным платочком.

- Ты дашь мне прочитать свое письмо? - спросила она.

Сквайр взглянул на жену: она вся дрожала, ее лицо было блее полотно. Это еще больше раздосадовало его, но он ответил почти мягко:

- Это не женское дело, дорогая.

Миссис Пендайс шагнула к мужу, ее кроткое лицо выражало не свойственную ей решимость.

- Он мой сын, Хорэс, так же, как и твой.

Мистер Пендайс, поморщившись, отвернулся.

- Тебе незачем так расстраиваться, Марджори, я изберу самый правильный путь. Вы, женщины, легко теряете головы. Этот мерзавец лжет! Если же он не...

При этих словах спаньель Джон вышел из своего угла и замер на середине комнаты. Он стоял выгнувшись и печально поглядывал на хозяина.

- Это... это, - сказал мистер Пендайс, - это черт знает что!

И, как будто высказывая сочувствие от имени всех, чья судьба была связана с Уорстед Скайнесом, Джон завилал тем, что оставили ему от хвоста.

Миссис Пендайс подошла еще ближе.

- А если Джордж не согласится обещать то, что от него требуют в письме, как тогда, Хорэс?

Мистер Пендайс возрился на жену.

- Не согласится обещать? Что обещать?

Миссис Пендайс протянула письмо.

- Обещать не видетсяя с ней.

Мистер Пендайс отвел ее руку с письмом в сторону.

- Я, во всяком случае, не стану плясать под дудку этого Белью! - Затем, передумав, он добавил: - Но и нельзя давать ему повода. Джордж должен обещать мне это.

Миссис Пендайс сжала губы.

- Ты думаешь, он согласится?

- Кто, я думаю, согласится? На что согласится? Почему ты не можешь выразаться яснее, Марджори? Если Джордж и в самом деле впутал нас в эту историю, он должен и вызволить нас.

Миссис Пендайс покраснела.

- Он не покинет ее в беде.

Сквайр рассердился:

- Покинет! Беда! Кто об этом говорит? Это все из-за нее одной. Как ее можно жалеть, если она такое позволила себе! Не хочешь ли ты сказать, что он не согласится порвать с ней? Не такой уж он осел!

Миссис Пендайс сделала легкий жест, означавший для нее мольбу.

- О, Хорэс! Ты не понимаешь. Он любит ее!

Нижняя губа мистера Пендайса задрожала, что являлось признаком сильного душевного волнения.

Вся консервативная косность его характера, вся огромная, упорная вера в установленный порядок вещей, вся упрямая ненависть к новому и страх перед ним, беспредельная способность не понимать,

которая с незапамятных времен сделала Хорэса Пендайса вершителем судеб своей страны, - все это разом поднялось на дыбы в измученной душе мистера Пендайса.

- При чем тут это? - гневно кричал он. - Вы женщины! В вас нет ни капли здравого смысла! Романтичность, глупость, безнравственность я бог знает что еще! Ради всего святого перестань ты вбивать ему в голову свои дурацкие идеи!

Во время этой вспышки лицо миссис Пендайс оставалось неподвижным, только по дрожи ресниц можно было догадаться, как напряжен в ней каждый нерв. Вдруг миссис Пендайс зажала уши руками.

- О Хорэс! - воскликнула она - Осторожно!.. Бедный Джон!

Сквайр сгоряча всей тяжестью тела наступил на лапу спаньеля. Пес отчаянно завизжал. Мистер Пендайс присел на колени, взял отдавленную лапу.

- Черт бы побрал этого пса! Бедненький ты мой Джон! - пробормотал он.

И две узкие, длинные головы на секунду приблизились одна к другой.

ГЛАВА V

СВЯЩЕННИК И СКВАЙР

Усилия цивилизованного человека, с незапамятных времен направляемые на достижение устойчивого равновесия, завершились созданием усадьбы Уорстед Скайнес.

Если отвлечься от соображений чисто коммерческих, поскольку поместье не давало больше дохода, и не думать о его дальнейшем расширении, ибо это было невозможно, то Уорстед Скайнес с его верностью традициям и национальному духу был настоящим сокровищем. В его недрах пестовались те наследственные институты, которыми Англия гордилась больше всего; и мистер Пендайс лелеял мечту, что наступит день, когда он благодаря заслугам перед своей партией назовет себя лордом Уорстедом, а в образе своего сына даже и после смерти будет присутствовать на заседаниях палаты лордов. Но в сердце сквайра обитало и еще одно чувство: воздух, леса, поля - все это вошло в кровь мистера Пендайса любовью к деревенской природе, своему дому и к дому своих отцов.

И вот теперь, после письма Джэспера Белью, все в этом доме расстроилось. Никому не было сказано ни слова, но каждый понимал, что что-то произошло; и все, включая собак, старались на собственный лад выразить сочувствие хозяину и хозяйке.

Девочки день-деньской катали мяч на новом поле для гольфа: что еще оставалось делать? Заскучал даже Сесил Тарп, получивший согласие Би, правда, не окончательное, что было естественно при данных обстоятельствах. В конюшне, где он лечил правую переднюю ногу кобылы по новому способу, он сказал Би, что ему показалось, будто ее батюшка "нервничает" и что лучше его пока не беспокоить. Би, глядя шею лошади, взглянула на юношу застенчиво и несколько уныло.

- Все из-за Джорджа! - сказала она. - Я знаю, это все из-за Джорджа. Ах, Сесил, лучше бы я родилась мужчиной!

Молодой Тарп выпалил простодушно:

- Да, по-моему, просто ужасно быть женщиной!

Би слегка покраснела. Ее немного обидело, что Сесил согласился с ней. Но Сесил в эту минуту ощупывал голень кобылы и ничего не заметил.

- Папа очень не в духе, - сказала она. - Я бы хотела, чтобы Джордж поскорее женился.

Сесил Тарп поднял свою большую круглую голову; его открытое, честное лицо налилось кровью от неудобной позы.

- Гладкая, как стакан, - сказал он, - нога в порядке, Би. По-моему, Джорджу слишком весело живется,

Би отвернулась и прошептала:

- Я ни за что не согласилась бы жить в Лондоне. - И тоже нагнулась, чтобы потрогать ногу кобылы.

Часы тянулись теперь для миссис Пендайс с непостижимой медлительностью. Больше тридцати лет она чего-то ждала, хотя и знала, что ждать нечего; в сущности, у нее было все, что можно пожелать, и не было ничего; так что самое ожидание не имело ни горечи, ни остроты. Но ждать так, в темной неизвестности, ждать не вообще, а чего-то вполне определенного было невыносимо. Не проходило минуты, чтобы ее воображению не рисовался образ Джорджа, одинокого, терзаемого противоречивыми чувствами. Ибо миссис Пендайс, загипнотизированной Уорстед Скайнсом и

находившейся в неведении о событиях в Лондоне, борьба а душе ее сына представлялась титанической: инстинктом матери она чувствовала глубину страсти, поразившей ее сына. Со странным, противоречивым настроением ожидала она известия от Джорджа: то она думала: "Это - безумие, он должен дать обещание, ужасно, если он не согласится!", то говорила себе: "Нет, он не может этого сделать, он так ее любит! Да, это невозможно, и ведь она тоже... Ах! Как все ужасно!"

Может быть, как заметил мистер Пендайс, у нее была романтическая душа, а может, ее просто мучила сейчас мысль о том, как плохо приходится ее мальчику. Слишком велик зуб, думала она. И как в далекие годы, когда, привозя сына в Корнмаркет, чтобы ему вырвали больной зуб, она садилась с ним рядом, держа его руку в своей, пока кругленький дантист тянул, и чувствовала, будто зуб рвут у нее, так и сейчас ей хотелось разделить с ним его боль, такую страшную, такую мучительную.

К миссис Белью она испытывала только легкую ревность; это казалось странным даже ей самой, но, может быть, и впрямь у нее был романтический характер.

Вот когда она оценила преимущество размеренной жизни! Ее дни были так тесно заполнены, что в дневные часы тревога оказывалась глубоко под спудом. Зато ночи были страшные: она не только страдала сама, но и должна была, как и полагается жене, разделять терзания мистера Пендайса. Час перед сном был единственным временем, когда сквайр мог дать отдых своим исстрадавшимся нервам, он даже стал по этой причине раньше ложиться спать. Снова и снова переживая на словах весь ужас случившегося, высказывая десятки предположений и догадок, он в конце концов обретал какое-то подобие душевного спокойствия. Почему Джордж не пишет? Что собирается предпринять этот негодяй Белью? И все в том же духе, пока бесконечные повторения одного и того же не нагоняли на него самого сон. Его жена не смыкала глаз всю ночь. Только когда первое сонное щебетание птиц сменялось веселым утренним гомоном, бедная женщина осторожно, чтобы не разбудить мужа, поворачивалась на другой бок и засыпала. Ибо Джордж все не отвечал.

Во время своих утренних прогулок в деревню миссис Пендайс обнаружила, что теперь, когда ее постигло горе, ей первый раз за все время удалось преодолеть ту недоверчивую отчужденность, которая стояла между ней и ее соседями победнее. Она изумлялась собственной смелости, когда, побуждаемая тайным желанием отвлечься, расспрашивала их обо всем, входила во все их заботы, ее удивляло и то, как охотно они отвечали ей, им даже как будто нравилось посвящать ее в свои дела, точно они знали, что помогают ей.

А однажды к ней даже обратились с просьбой в доме, где она еще раньше заметила бледную черноглазую девушку, сторонящуюся всех и вызывавшую у нее смешанное чувство любопытства и участия. Девушка отвела миссис Пендайс на задний двор и там, подальше от миссис Бартер, поверила ей под страшным секретом свою тайну:

- Сударыня! Помогите мне уехать отсюда! Я попала в беду, и скоро все откроется. Что мне делать?

Миссис Пендайс содрогнулась; и всю дорогу домой повторяя про себя: "Бедняжка, бедняжка!", - она ломала голову над тем, кому бы довериться, у кого искать помощи; и страх, который испытывала бледная черноглазая девушка, поселился и в ее душе, ибо обратиться было не к кому - даже и к миссис Бартер, чье сердце, хотя и отзывчивое, было собственностью ее мужа, преподобного Хассела Бартера. Вдруг ее словно осенило: она вспомнила о Григори.

"Но как я напишу ему об этом, - колебалась она, когда мой сын..."

И все-таки она написала, ибо инстинкт Тоттериджей говорил ей, что никто и никогда не сможет отказать ей в просьбе; к тому же она хотела коснуться в письме, как бы между прочим, и того, что не давало ей покоя. На листке бумаги с гербом и девизом Пендайсов "Strenuus aureaque penna" {Сильные золотые крылья (лат).} она написала:

"Дорогой Григ!

Не могли бы Вы помочь одной бедной девушке, которая "попала в беду", Вы понимаете, что я хочу сказать. В наших краях это - такое страшное преступление, а она так жалка и несчастна, бедняжка. Ей всего двадцать лет. Хорошо бы где-нибудь укрыть ее на это время и подыскать место, куда бы она могла уехать потом. Она говорит, что все от нее отвернутся, когда узнают... Я уже давно заметила, какая она

бледная, несчастная, с такими огромными черными испуганными глазами. Я не хочу обращаться к мистеру Бартеру, он прекрасный человек во многих отношениях, но слишком уж строгий, а Хорэс, разумеется, тоже ничего не станет делать. Я очень хочу ей помочь: я смогу ей дать денег, но куда ей сейчас деться, не представляю себе - в этом вся трагедия. Ее гложет мысль, что куда бы она ни уехала, все равно все откроется. Ужасно, не правда ли? Очень, очень прошу, помогите ей.

Я немного беспокоюсь о Джордже. Надеюсь, что он здоров. Если будете проезжать мимо его клуба, загляните туда и спросите о нем. Он иной раз ленится писать. Будем! рады видеть Вас в Уорстед Скайнесе, милый Григ. В деревне сейчас прелестно, особенно хороши дубы, и яблони еще цветут, но у Вас, верно, все дела. Как Элин Белью? Она в городе?

Любящая Вас кузина
Марджори Пендайс".

В тот же день, в четыре часа пополудни, грум, едва переводя дыхание, сообщил дворецкому, что на ферме Пикока пожар. Дворецкий тотчас проследовал в библиотеку. Мистер Пендайс, усталый и мрачный, все утро проведенный на лошади, стоял в костюме для верховой езды перед планом Уорстед Скайнеса.

- Что вам, Бестер?

- На ферме Пикока пожар, сэр.

Мистер Пендайс широко раскрыл глаза.

- Что? - вскричал он. - Пожар среди бела дня? Чепуха!

- С переднего крыльца видно пламя, сэр.

Усталость и раздражение мгновенно слетели с лица мистера Пендайса.

- Немедленно ударить в колокол! Всех с ведрами и лестницами на пожар! Пошлите Хидсона верхом в Корнмаркет. Надо дать знать Бартеру и поднять всю деревню! Да что вы стоите здесь, прости меня господа! Идите звонить!

Схватив шляпу и хлыст, сквайр бросился вон, спаньель Джон - за ним.

Перескочив через перелаз, он тяжело побежал по тропке через ячменное поле, а впереди него, не разобрав, в чем дело, весело мчался слегка удивленный спаньель. Сквайр скоро стал задыхаться:

последний раз он бежал четверть мили двадцать лет назад. Однако не сбавил ходу. На некотором расстоянии впереди маячила спина груга, позади бежали работник с лакеем. Забил колокол на конюшне Уорстед Скайнеса. Мистер Пендайс перескочил через второй перелаз и на дороге носом к носу столкнулся с мистером Бартером, лицо которого от быстрого бега сделалось пунцовым, как помидор. Оба затрусили рядом.

- Бегите, не ждите меня, - наконец, едва переводя дух, проговорил мистер Пендайс, - и скажите там, что я сейчас буду!

Священник был этим не очень доволен - он тоже изрядно устал, - однако, отдуваясь, побежал дальше. Сквайр, держа руку на боку, с трудом подвигался вперед; он совсем выбился из сил. Вдруг на повороте в проеме между деревьями он увидел бледные в ярком солнечном свете языки пламени.

- Господи помилуй! - воскликнул он и в ужасе снова пустился бежать. Зловещие красные языки плясали над амбаром, стогами, крышами конюшен, над коровником. Возле суетились фигурки - человек пять-шесть, - передавая друг другу ведра. Тщетность их усилий не дошла до сознания мистера Пендайса. Дрожа всем телом, с сосущей болью в легких, он сбросил сюртук, вырвал из рук здорового батрака ведро, которое тот выпустил из рук с почтительным страхом, и присоединился к цепочке заливавших пожар. Мимо него пробежал Пикок, хозяин фермы; его лицо и рыжая борода были одного цвета с пламенем, которое он силился загасить, слезы то и дело скатывались по его багровым щекам. Его жена, маленькая смуглая женщина с перекосившимися губами, яростно качала воду. Мистер Пендайс крикнул ей прерывающимся голосом:

- Какой ужас, миссис Пикок, какой ужас!

Выделяясь из всех своим черным сюртуком и белыми манжетами, священник рубил топором стену коровника: дверь уже была объята огнем. Перекрывая общий шум, слышался его голос: он объяснял, где лучше рубить, но никто не обращал на него внимания.

- Что в коровнике? - задыхаясь, прокричал мистер Пендайс.

Миссис Пикок голосом, охрипшим от напряжения и горя, ответила:

- Старая лошадь и две коровы!

- Господи, спаси и помилуй! - проговорил сквайр, бросаясь вперед с ведром.

Подбежали несколько крестьян, он что-то крикнул им, - что, ни он сам, ни они не могли разобрать. Ржание и фыркание лошади, мычание коров, ровное гудение пламени - все это поглощало остальные звуки. Из голосов был различим только голос священника в перерывах между ударами топора по дереву.

Мистер Пендайс поскользнулся и упал, ведро покатило в сторону. Он лежал и не мог подняться. В ушах его звучали глухие удары топора и команды священника. Кто-то помог ему встать, и, едва держась на ногах от охватившей его дрожи, он вырвал из рук высокого молодого парня, только что подоспевшего на помощь, топор и, встав рядом со священником, принялся нетвердой рукой рубить стену. Внутри коровника бушевало пламя, из дыры, которая с каждой минутой становилась шире, валил дым. Сквайр и священник не сдавались. Яростным ударом мистер Бартер развалил стену. Сзади раздались возгласы одобрения, но из коровника никто не появился: лошадь и коровы задохнулись в огне.

Сквайр, которому была видна внутренность сарая, выронил топор и закрыл лицо руками. Священник издал возглас вроде глухого проклятия и тоже бросил топор.

Через два часа в изодранной, вымазанной сажей одежде сквайр стоял возле обгорелых остатков амбара. Огонь унялся, но головни еще тлели. Спаньель Джон, взволнованный, запыхавшийся, лизал башмаки хозяина, как будто вымаливая прощение за свою трусость: он все время держался подальше от огня, а глаза его словно говорили:

"Нельзя ли обходиться без такого большого огня, хозяин?"

Черная рука схватила руку сквайра, хриплый голос проговорил:

- Я никогда этого не забуду, мистер Пендайс.

- Ну, полно, Пикок, - ответил сквайр, - пустое! Надеюсь, вы застрахованы?

- Застрахован-то застрахован; да только как вспомню про бедную скотину...

- Ужасно! - с содроганием ответил сквайр. Домой он возвращался в карете вместе с мистером

Бартером. У ног хозяев, свернувшись, лежали собаки, тихонько рыча друг на друга. Отбытие сквайра со священником сопровождалось

приветственными возгласами.

Оба молчали в крайнем изнеможении. Вдруг мистер Пендайс сказал:

- Не идут у меня из головы эти несчастные животные, Бартер!

Священник поднес руку к глазам.

- Господи, не приведи мне еще раз увидеть подобное! Бедные твари, бедные твари!

Священник незаметно нащупал морду своего пса, тот ткнулся ему в ладонь мягким, теплым резиновым носом и потом долго лизал ее.

В своем углу мистер Пендайс незаметно проделал то же самое.

Карета завернула сперва к дому священника, где на пороге его ожидали жена и дети. Соскочивши на землю, мистер Бартер просунул голову в карету:

- До свидания, Пендайс! Боюсь, что вы завтра спины не разогнете. Меня жена разотрет хорошенько бальзамом Эллимана.

Мистер Пендайс кивнул, приподняв шляпу, и карета покатила. Откинувшись на спинку сиденья, он закрыл глаза в приятном изнеможении. Да, завтра ему не разогнуть спины, но он выполнил свой долг. Он показал им всем, что такое кровь, прибавил еще один кирпичик к той системе, олицетворением которой был он сам, Хорэс Пендайс. И к Пикоку он питал теперь новое, доброе чувство. Нет ничего лучше небольшой опасности для сближения людей. Именно в такие минуты низшие классы начинают сознавать, что им нужен вожатый!

Над его коленями появилась голова Джона: зрачки смотрят вверх, и под ними розовое.

"Хозяин, - как будто говорил он. - Я чувствую, что становлюсь стар. Я знаю, что мне недоступно многое, но ты, понимающий все, устрой так, чтобы мы не расставались и после смерти".

У въезда в аллею карета остановилась, и мысли Пендайса потекли в ином направлении. Двадцать лет назад он бы обогнал Бартера. Бартеру сейчас сорок пять. Прибавить ему его пендайсовские четырнадцать, и еще неизвестно, кто бы прибежал первый. Он почувствовал странное раздражение против Бартера. Отлично вел себя на пожаре. Ну да и он сам был молодцом. Но эллимановский бальзам, пожалуй, - слишком сильное средство. Гомосея лучше. Марджори

придется хорошенько растереть его. И вдруг, по ассоциации назвав имя жены, он тут же вспомнил сына, и от душевного покоя не осталось и следа. Спаньель Джон, давно почуяв близость дома, тихонько скулил, беспечно ударяя остатком! своего хвоста по сапогам хозяина.

Нахмутив брови и с трясущейся нижней губой, сквайр с трудом выбрался из кареты и, тяжело ступая, стал медленно подниматься по лестнице в комнату жены.

ГЛАВА VI

ХАЙД-ПАРК

Каждый год в мае выпадает день, когда в Хайд-парке все необычно. Прохладный ветерок шевелит листву, горячее солнце блещет на воде Серпантайна, на каждом кустике, на каждой травинке. Птицы заливаются на разные голоса, оркестр играет самые веселые мелодии, белые облака плывут высоко в синем небе. Чем, почему этот день отличается от вереницы подобных ему, уже бывших и поджидающих еще свой черед, сказать невозможно; но как будто весь парк решил: "Я живу сегодня. Прошлое прошлым, а до будущего мне дела нет!"

И всякий, кто забредет в Хайд-парк в такой денек, не избежит действия его весенних чар. Шаг становится быстрее и легче, юбки колышутся веселее, трости взлетают выше, появляется даже блеск в глазах, в тех самых глазах, в которых всегда скука от вида улиц; и каждый, у кого есть любимая, мечтает о ней; а там" и сям в нарядной толпе видишь его вместе с ней. И весь парк и каждый встречный приветливо улыбаются и кивают им.

В такой-то день у леди Молден в ее квартире на Принс-Гейт собрались обсуждать положение женщин-работниц. Разгорелся спор после того как один из выступавших неопровержимо доказал, что женщины из рабочего класса не имеют равным счетом никакого положения.

Грегори Виджил и миссис Шортмэн вышли от леди Молден вдвоем и, перейдя через Серпантайн, пошли прямо по траве.

- Миссис Шортмэн, - сказал Грегори, - не кажется ли вам, что мы все немного сошли с ума?

Шляпу он нес в руке, и его прекрасные седые волосы, растрепавшиеся в пылу спора у леди Молден, так и остались в

беспорядке.

- Да, мистер Виджил. Только я что-то не...

- Мы все немного сошли с ума! Что, собственно, значат речи леди Молден? Мне она в высшей степени неприятна.

- О мистер Виджил! У леди Молден самые лучшие намерения!

- Лучшие намерения? Она мне отвратительна. И чего ради мы убили столько времени в этой душной гостиной! Взгляните на небо!

Миссис Шортмэн взглянула на небо.

- Но, мистер Виджил, - заговорила она, волнуясь, - мне кажется иногда, что вы видите вещи не такими, какие они есть, а какими они должны быть! Путь, по которому вы идете...

- Млечный Путь, - сказал вдруг Грегори.

Миссис Шортоэн поджала губы: она никак не могла привыкнуть к его манере шутить.

Остаток пути разговор у них не вязался. В редакции мисс Мэллоу, сидя за машинкой, читала роман.

- Для вас несколько писем, мистер Виджил.

- Миссис Шортмэн считает, что я не могу трезво судить о вещах, ответил Грегори, - а вы как думаете, мисс Мэллоу?

Румянец со щек мисс Мэллоу пополз на ее шею и покатые плечи.

- О, нет! Вы судите трезво, мистер Виджил, только... может, мне кажется... Я не знаю, вы хотите иногда добиться невозможного.

- Билкок Билдингс!

Минуту все молчали. Затем миссис Шортмэн, сидя за своим бюро, начала диктовать, и машинка затрещала.

Грегори, прочитав письмо, сидел неподвижно, опустив голову на руки. Миссис Шортмэн перестала диктовать, машинка утихла. Но Грегори не двигался. Обе женщины повернулись, посмотрели на него. Затем взглянули друг на друга и отвели глаза в стороны. Через несколько секунд обе опять устремили взгляды на Грегори. Грегори сидел все в той же позе, не двигаясь. В глазах женщин появилось беспокойство.

- Мистер Виджил, - наконец проговорила миссис Шортмэн, - мистер Виджил, как, по-вашему...

Грегори поднял голову, его лицо было красно до корней волос.

- Прочтите это, миссис Шортмэн.

Отдав ей письмо на голубоватом листке с орлом и девизом "Strenuus aureaque penna", он встал и принялся расхаживать по комнате. И пока он легкими, крупными шагами ходил взад и вперед, миссис Шортмэн, не отрываясь, читала, а девушка за машинкой сидела неподвижно. Лицо ее было красно от ревнивой зависти.

Миссис Шортмэн положила листок на верхнюю полку бюро и сказала, не поднимая глаз:

- Конечно, очень жаль бедную девушку, но, в сущности, мистер Виджил, так должно быть, чтобы сдерживать... сдерживать...

Грегори остановился; поймав его сверкающий взгляд, миссис Шортмэн сбилась с мысли, - этому взгляду, подумалось ей, не дано видеть вещи в их реальном свете. Повысив голос, она продолжала:

- Если бы не страх перед позором, числа не было бы подобным случаям. Я знаю деревню, мистер Виджил, лучше, чем вы.

Грегори зажал уши.

- Мы должны немедленно найти для нее приют.

Окно было раскрыто настежь, так что он не мог распахнуть его еще шире, и он стоял и смотрел в небо, будто отыскивая этот приют.

А небо, на которое он глядел, было голубое, и белые птицы-облака летели в его глубине.

Он вернулся к столу и принялся за следующее письмо...

"Линкольнс-Инн-Филдс

24 мая, 1892.

Дорогой Виджил!

Я вчера видел Вашу подопечную и узнал от нее одно обстоятельство, которое Вам еще не известно и которое, я боюсь, причинит Вам боль. Я спросил ее прямо, можно ли посвятить во все Вас, и она ответила: "Ему лучше узнать, только мне жаль его". Короче говоря, дело вот в чем: то ли Белью почуял, что за ним следят, то ли кто-то подсказал ему эту мысль, только он предвосхитил нас и начал дело против Вашей подопечной, назвав в качестве соответчика Джорджа Пендайса. Джордж был у меня и показал повестку из суда. Он сказал, что в случае необходимости готов показать под присягой, что между ними ничего не было. Словом, он занял обычную позицию "благородного человека".

Я тотчас поехал к миссис Белью. И она сказала мне, что обвинение справедливо. Я спросил, хочет ли она защищать себя в суде

и предъявить встречный иск против мужа. Ответ был таков: "Мне решительно все равно". Больше я ничего от нее не добился, и, как ни странно, я верю, что так оно и есть. Мне показалось, что она настроена весьма беспечно и не питает к мужу недоброжелательства.

Мне нужно повидать Вас, но после того, как Вы обдумаете все хорошенько. Я обязан высказать Вам свои соображения. Дело, если будет разбираться, доставит большие неприятности Джорджу, но еще больше его близким - даже может оказаться губительным для них. В подобных случаях почти всегда больше всех страдают невинные. Если подать встречный иск, то, принимая во внимание положение Пендайсов в обществе, можно с уверенностью сказать, мы будем свидетелями еще одного *cause celebre* {Знаменитый процесс (франц.)}, рассмотрение дела займет дня три, а быть может, и неделю, и об этом будут кричать все газеты; а вы знаете, что это значит. С другой стороны, отказ от встречного иска, при том, что нам известно о капитане Белью, помимо чисто этических соображений, неприятен мне как старому бойцу. Мой совет поэтому: сделайте все возможное, чтобы не допустить дело до рассмотрения в суде.

Я старше Вас на тринадцать лет. Я питаю к Вам искреннее уважение и очень хочу уберечь Вас от ненужных страданий. Во время моих встреч с Вашей подопечной я имел возможность наблюдать ее; и, рискуя обидеть Вас, я все-таки выскажу свое о ней мнение. Миссис Белью замечательная женщина в своем роде. Но два-три замечания о ней, сделанные Вами в моем присутствии, убедили меня, что миссис Белью совсем не то, что Вы себе представляете. Она, на мой взгляд, принадлежит к тем энергическим натурам, для которых наша мораль, наше одобрение или неодобрение ровно ничего не значат. Когда подобная женщина, происходящая к тому же из старинного рода, попадает в свет, она всегда обращает на себя внимание. Если Вы поймете это, то убережете себя от ненужной боли. Другими словами, я прошу Вас, не принимайте ее и ее обстоятельства слишком серьезно. Таких женщин и мужчин, как она и ее муж, сколько угодно. Там, где другой утонет, миссис Белью выплывет просто потому, что иначе она не может. И еще прошу Вас, постарайтесь видеть вещи в их истинном свете.

Простите, Виджил, то, что я пишу Вам все это, и поверьте: моя единственная цель уберечь Вас от страданий.

Приезжайте ко мне, как только все обдумаете.

Искренне Ваш

Эдмунд Парамор".

Грегори пошатнулся, словно внезапно ослеп. Обе женщины вскочили со своих мест.

- Что с вами, мистер Виджил? Чем-нибудь помочь?

- Спасибо, ничего не надо. Я получил неприятное известие. Пойду подышать свежим воздухом. Сегодня я больше не вернусь.

Он взял шляпу и вышел.

Он зашагал к Хайд-парку, бессознательно устремляясь туда, где больше простору, где самый чистый воздух; он шел, заложив руки за спину, опустив голову. А поскольку природа, как известно, - дама иронического склада, то и случилось так, что Грегори отправился за утешением в парк именно в этот день, когда все там ликовало. Уйдя подальше, он лег на траву. Долгое время он лежал, не двигаясь, закрыв глаза руками и, несмотря на совет Парамора не страдать, предавался самому отчаянному страданию.

Он страдал от горького чувства одиночества; в сущности, он был очень одинок, а теперь потерял то единственное, что, как думал, у него было. Невозможно определить, отчего он страдал больше: оттого ли, что, любя ее, он втайне лелеял мечту, что и она его хоть немного любит, или оттого, что ее портрет, который он создал для себя, оказался безжалостно искромсанным. И он лежал так, сперва ничком, потом на спине, не отнимая рук от глаз. Вокруг него лежали на траве люди, и одинокие, и, быть может, голодные, одни спали, другие наслаждались праздностью, третьи просто нежились под горячим солнцем; рядом с некоторыми были их подружки, их вид был нестерпим Грегори, ибо его собственные чувства, его душа были растоптаны. Рядом, на деревьях, ни на секунду не умолкая, ворковали голуби, непрерывно звенела любовная песенка дроздов, солнце лило свой ласковый, горячий свет, не замедляли бега гонимые весенним томлением облака. Это был день, не имеющий прошлого, не заботящийся о будущем, день, когда человеку не благо быть одному. Мужчины не смотрели на Грегори - им не было до него дела, но женщины порой поглядывали с любопытством на его длинную фигуру, облаченную в костюм из твида, на руку, прячущую лицо, и, должно быть, гадали, что скрыто у него в глазах. А если бы они

увидели, то улыбнулись бы (как умеют улыбаться женщины), что он так ошибся в одной из представительниц их пола.

Грегори лежал без движения, и лицо его было устремлено в небо; он был рыцарски предан ей и не винил ее, а его душа, как струна, натянутая до предела, мало-помалу возвращалась к своему обычному состоянию: поскольку ему невыносимо было видеть вещи в их собственном свете, он снова стал видеть их такими, какими хотел их видеть. "Ее против воли вовлекли в это. Во всем виноват Джордж Пендайс. Для меня она все та же".

Он опять лег ничком. Какая-то заблудившаяся собачонка обнюхала его башмак и села рядом, дожидаясь, когда этот человек отведет ее к хозяину; потому что нос подсказал ей, что это именно тот человек, к которому можно обратиться за помощью.

ГЛАВА VII

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО В УОРСТЕД СКАЙНЕСЕ

Когда наконец пришел ответ от Джорджа, в шотландском саду Уорстед Скайнеса уже буйно цвели ирисы. Они были всевозможных оттенков, от густо-лилового до бледно-голубого, и их аромат, нежный и сильный, разносился ветром.

Дожидаясь письма, мистер Пендайс взял за привычку прохаживаться между клумбами, заложив руку за спину, которая все еще с трудом разгибалась. За ним следом трусил спаньель Джон, черный, как жук, недовольно крутя своим резиновым носом.

Оба проводили таким образом время с двенадцати до часу каждый день. И оба не могли бы сказать, что заставляет их бродить здесь, ибо мистер Пендайс ненавидел безделье, а спаньель Джон терпеть не мог запаха ирисов; видимо, оба повиновались той части своего "я", которая не подвластна рассудку. Следуя внушению той же частицы своего "я", миссис Пендайс, томившаяся без своих цветов, не выходила в сад в этот час.

И вот наконец ответ от Джорджа пришел.

"Клуб стойков.

Дорогой папа!

Да, Белью начал дело. Я принимаю свои меры. Что же касается обещания, которого вы ждете от меня, я его дать не могу. А Белью скажите от меня, чтобы он убирался ко всем чертям.

Ваш любящий сын Джордж".

Мистер Пендайс получил письмо за завтраком, и пока он его читал, стояла глубокая тишина: все узнали почерк на конверте.

Мистер Пендайс прочитал его раз, прочитал другой, сперва в очках, потом сняв очки; окончив читать второй раз, он свернул его и положил в жилетный карман. При этом он не произнес ни слова. И только раздраженно посмотрел провалившимися за эти несколько дней глазами на бледное лицо жены. Би и Нора нагнули головы пониже; и даже собаки, словно все понимая, прекратили возню. Мистер Пендайс отодвинул тарелку, встал и вышел из комнаты.

Нора подняла голову:

- Что случилось, дама?

Миссис Пендайс секунду не знала, что сказать. Потом спокойно проговорила:

- Ничего, дорогая. Жарко сегодня с утра, не правда ли? Надо взять нюхательной соли.

И она пошла к двери, дряхлый Рой следовал за ней по пятам. Спаньель Джон, перед самым носом которого хозяин захлопнул дверь, воспользовался случаем и выбежал первый. Нора и Би отодвинули тарелки.

- Я не могу есть, - сказала Би. - Ужасно, когда не знаешь, что происходит.

Нора ответила:

- Просто невыносимо! Ну почему мы не родились мужчинами? Что фокстерьеры, что мы с тобой: хоть умри, никто ничего нам не расскажет!

Миссис Пендайс пошла не к себе в комнату, а в библиотеку. Ее муж сидел за столом, глядя на письмо Джорджа. В руке у него было перо, но он не писал.

- Хорэс, - тихо окликнула его жена, - Джон пришел к тебе!

Мистер Пендайс ничего не ответил, но опустил вниз левую руку. Спаньель Джон ткнулся в нее носом и принялся лизать ее.

- Позволь мне прочесть письмо.

Мистер Пендайс протянул письмо, не сказав ни слова. Миссис Пендайс благодарно положила руку ему на плечо. Его необычное молчание тронуло ее. Он ничего не заметил, уставившись на перо, будто удивляясь, почему оно само не пишет ответа. Затем отшвырнул

его в сторону, а взгляд его говорил: "Ты родила на свет этого молодца, полюбуйся, что получилось!"

Он все эти дни думал и точно определил слабые стороны в характере своего сына. За эту неделю он утвердился в мысли, что, если бы не жена, Джордж был бы весь в него. С его уст были готовы сорваться слова упрека, но замерли. Неуверенность, что жена согласится с ним, сознание того, что она жалеет сына, тайная гордость, которую он испытал, читая слова: "А Белью скажите от меня, чтобы он убирался ко всем чертям", - все это вместе с мыслью, никогда не покидавшей его: "Честь семьи, усадьба", заставило его промолчать. Он повернулся к столу и взялся за перо.

Миссис Пендайс успела три раза перечитать письмо и невольно спрятала его у себя на груди. Оно было адресовано не ей, но Хорэс, несомненно, знал его наизусть, а в гневе мог и порвать. Письмо, которое они так ждали, не сказало ей ничего нового. Рука ее соскользнула с плеча мужа, и она больше не подняла ее. Она стояла, сплетая и расплетая пальцы, а солнечный свет, падая сквозь узкое окно, ласкал всю ее фигуру, искрился в волосах. Солнечный луч зажигал крохотные озерца то в ее глазах, отчего в них яснее виднелись тревога и печаль, то на изящном медальоне из стали, который носили еще ее мать и бабка - но теперь в нем хранился локон Джорджа, а не их сыновей; на бриллиантовых перстнях и браслете из аметистов и жемчуга (миссис Пендайс носила украшения, потому что любила красивые вещи). Ее платье, руки, волосы, согретые солнцем, источали тонкий аромат лаванды. Кто-то скребся за дверью библиотеки - "милые собачки" догадались, что хозяйка не у себя. Лавандовый запах коснулся и обоняния мистера Пендайса, еще усилив его раздраженность. Раздражало его и молчание жены. Однако ему не приходило в голову, что его собственное молчание угнетающе действует на миссис Пендайс. Он отложил перо.

- Я не могу писать, когда ты стоишь у меня над душой, Марджори!

Миссис Пендайс отошла, так что солнечный свет больше не падал на нее.

- Джордж пишет, что он принимает меры. Что это означает, Хорэс, как ты думаешь?

Услышав от жены вопрос, который занимал и его, он наконец не выдержал:

- Я не желаю больше оставаться в неведении! Я сам поеду в Лондон и поговорю с ним!

Он уехал с поездом в 10.20, обещав вернуться с шестичасовым.

В восьмом часу того же вечера двуколка, запряженная пегой кобылой с белой звездой на лбу, подъехала к станции Уорстед Скайнес, и мальчишка-грум осадил лошадь у кассы. Коляска мистера Пендайса, подъехавшая чуть позже, заняла место позади двуколки. За минуту до поезда подкатил шарабан лорда Куорримена, запряженный парой вороных, объехал коляску мистера Пендайса и двуколку и встал впереди. Поодаль от этого ряда нарядных экипажей ждали поезд станционный извозчик и две фермерские повозки. В этой расстановке был свой смысл и целесообразность, как будто само провидение определяло места. Провидение только в одном ошиблось - поместив напротив кассы двуколку капитана Белью, а не шарабан лорда Куорримена, так чтобы соседом мистера Пендайса оказался именно он.

Первым из вагона вышел мистер Пендайс и, раздраженно плюнув на двуколку, проследовал к своему экипажу. Лорд Куорримен появился вторым. Его массивная голова с загорелым, покрытым редкими волосами затылком, незаметно переходящим в шею, была увенчана серым цилиндром. Полы его серого сюртука были квадратные, и такими же квадратными были носки его сапог.

- Здравствуйте, Пендайс! - крикнул он дружески. - Я не видел вас на перроне. Как поживает миссис Пендайс?

Мистер Пендайс обернулся, чтобы ответить, и встретил взгляд маленьких горящих глаз капитана Белью, подошедшего третьим. Они не поздоровались, и Белью, вскочив в свою двуколку, резко дернул вожжи, объехал повозки фермеров и понесся с бешеной быстротой. Его грум бросился со всех ног вдогонку, уцепился и вспрыгнул на запятки. Шарабан лорда Куорримена подвинулся на освободившееся место, и недосмотр провидения был исправлен.

- Этот Белью совсем сумасшедший. Вы видите с ним?

- Нет, и не имею особого желания, - ответил мистер Пендайс. - По мне пусть он лучше уберется куда-нибудь из наших мест.

Лорд Куорримен улыбнулся.

- Там, где есть охота, подобные субъекты не редкость. На всякую свору непременно находится один такой. Где сейчас его жена? Красивая женщина. Много огня, а?

Мистеру Пендайсу показалось, что лорд Куорримен смотрит на него понимающим взглядом, и, пробормотав: "Может быть!", - он полез в коляску.

Лорд Куорримен ласково глядел на своих лошадей. Он не принадлежал к тем людям, что ломают головы над вечными вопросами бытия: как? отчего? зачем? Всеблагой господь создал его лордом Куоррименом, создал его старшего сына лордом Куонтоком; всеблагой господь создал гаддесдонских гончих - помилуйте, чего же еще?

Воротившись домой, мистер Пендайс прошел в свою туалетную. В углу возле ванны лежал спаньель Джон в окружении целого полчища домашних туфель хозяина, - так ему легче было переносить разлуку. Его темно-коричневые глаза глядели на дверь, поблескивая серпом белка. Он подбежал к сквайру, виляя хвостом, с туфлей в зубах, и взгляд его ясно говорил: "О хозяин! Где ты пропадал? Почему тебя так долго не было? Я жду тебя весь день с половины одиннадцатого!"

От сердца мистера Пендайса на секунду отлегло.

- Джон! - ласково позвал он собаку и принялся переодеваться к обеду.

Миссис Пендайс вошла, когда ее муж завязывал свой белый галстук. Она срезала в сврем саду первый розовый бутон; она сделала это потому, что ей было жалко мужа и хотелось сделать ему приятное, но главное потому, что это позволило ей тотчас же пойти к нему в туалетную.

- Вот тебе бутоньерка, Хорэс. Ты видел его?

- Нет.

Этого ответа она боялась больше всего. Она не верила, что их встреча чему-нибудь поможет - весь день ее пробирала дрожь, когда она воображала себе эту встречу; но теперь, когда она узнала, что Хорэс не видел сына, она поняла по тому, как сжалось сердце, что любой исход был бы лучше, чем неизвестность. Она долго ждала, чтобы он заговорил, и, наконец, не выдержав, воскликнула:

- Расскажи мне, Хорэс, что было в Лондоне? Мистер Пендайс желчно взглянул на жену.

- Рассказывать нечего. Я поехал к нему в клуб. Он больше не живет на старой квартире. Прождал его весь день. Наконец оставил записку, чтобы он завтра приехал сюда. Послал за Парамором, пригласил и его в Уорстед Скайнес. Я положу этому конец!

Миссис Пендайс посмотрела в окно: все та же заросшая кустами ограда, те же рощи, шпиль над церковью, кровли фермерских домиков - все, что столько лет составляло ее мир.

- Джордж не приедет, - сказала она.

- Джордж сделает то, что я ему велю.

Миссис Пендайс покачала головой: материнским чутьем она знала, что права.

Мистер Пендайс бросил застегивать жилет.

- Пусть Джордж не забывается. Он в полной зависимости от меня.

И он перестал хмуриться, как будто в этих словах открылась ему вся суть создавшегося положения, весь смысл системы, управляющей жизнью его сына. На миссис Пендайс эти слова оказали странное действие. Они поразили ее ужасом. Точно она увидела хлыст, занесенный над голой спиной ее сына, точно перед ним в холодную ночь захлопнули дверь. Но, кроме ужаса, было еще более мучительное и горькое чувство, как будто пригрозили хлыстом ей самой, осмелились выказать непочтение тому в ее душе, что было для нее дороже жизни, что было в ее крови, что накапливалось столетиями и вошло в самую ее плоть, что никто еще никогда не оскорблял. В ту же секунду в ее голове молнией пронеслась до смешного практическая мысль: "У меня есть собственные триста фунтов в год". Потом это сложное чувство пропало, как пропадают во сне внезапно возникшие кошмарные видения, оставляя после себя глухую боль в душе, причина которой исчезла из памяти.

- Гонг, Хорэс! - сказала миссис Пендайс. - У нас сегодня обедает Сесил Тарп. Я пригласила Бартеров, но бедняжка Роза чувствует себя неважно. Теперь уже совсем скоро. Ожидают 15 июня.

Мистер Пендайс взял у жены свой фрак и сунул руки в рукава на атласной подкладке.

- Если бы я мог заставить своих фермеров обзаводиться такими большими семьями, - сказал он, - у меня бы не было нехватки рабочих рук. Но эти люди очень упрямы, все делают по-своему. Подай мне одеколон, Марджори!

Миссис Пендайс побрызгала из флакончика в плетеном футляре на платок мужа.

- У тебя усталые глаза, дорогой, - сказала она, - голова болит?

ГЛАВА VIII

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В УОРСТЕД СКАЙНЕСЕ

На следующий вечер, когда ожидался приезд сына и мистера Парамора, сквайр, облокотившись на обеденный стол и подавшись вперед, говорил:

- Что вы на это скажете, Бартер? Я сейчас обращаюсь к вам" как к человеку, знающему жизнь.

Священник, нагнувшись к рюмке с портвейном и пригубив, ответил:

- Эту женщину ничто не может оправдать. Я всегда считал, что у нее дурные наклонности.

Мистер Пендайс продолжал:

- Наша семья не знала скандалов. При мысли об этом меня бросает в дрожь, Бартер.

Священник что-то промычал в ответ. Он столько лет был знаком со сквайром, что чувствовал к нему какую-то привязанность.

Мистер Пендайс говорил:

- Наш род - от отца к сыну, от отца к сыну - насчитывает сотни лет. Для меня это такой удар, Бартер!

Священник опять издал звук, похожий на мычание.

- Что будут думать соседи? - продолжал сквайр, - и особенно фермеры. Это беспокоит меня больше всего. Многие еще помнят моего дорогого отца, хотя нельзя сказать, чтобы они его очень любили. Нет, это невыносимо.

Наконец священник заговорил:

- Полно, Пендайс, может быть, до этого не дойдет. - Он казался несколько смущенным, а в глубине его светлых глаз притаилось даже нечто вроде раскаяния. - Как отнеслась к этому миссис Пендайс?

Сквайр первый раз за весь вечер поднял глаза на Бартера.

- От женщин разве добьешься толку? Чем ждать от женщины дельного совета, так уж лучше разом! выпить всю эту бутылку, чтобы разыгралась подагра.

Священник допил свою рюмку.

- Я вызвал сюда Джорджа и своего поверенного, - продолжал сквайр. - Они вот-вот будут.

Мистер Бартер отодвинул стул, заложив ногу на ногу, обхватил руками правое колено, а затем, подавшись вперед, устремил взгляд из-под нависших бровей на мистера Пендайса. В этой позе ему лучше всего думалось.

А мистер Пендайс все говорил:

- Сколько труда я вложил в эту усадьбу с тех пор, как она перешла ко мне! Я, как мог, старался следовать традициям отцов; возможно, я не всегда был таким рачительным хозяином, каким бы хотел, но я всегда помнил слова отца: "Я уже стар, Хорри, теперь усадьба на твоих руках".

Он закашлялся.

Минуту оба молчали, только тикали часы. Спаньель Джон неслышно выполз из-под буфета и привалился к хозяйским ногам, глубоко вздохнув от удовольствия. Мистер Пендайс глянул вниз.

- Отяжелел мой Джон, отяжелел.

Тон его голоса давал понять, что он хотел бы, чтобы его приступ откровенности был предан забвению. И священник всей душой одобрил это желание.

- Превосходный портвейн, - сказал он.

Мистер Пендайс опять наполнил рюмку священника.

- Запомню, знакомы ли вы с Парамором. Он старше вас. В Хэрроу учился со мной.

Священник долго не отрывался от рюмки.

- Я боюсь быть лишним, - наконец проговорил он, - пожалуй, мне лучше пойти домой.

Сквайр протянул руку, протестуя:

- Нет, нет, Бартер, останьтесь. Вы для нас свой человек. Я решил действовать. Я не могу больше выносить эту неопределенность. Сегодня будет и кузен Марджори - Виджил, ее опекун. Я послал ему телеграмму. Вы знаете Виджила? Он был в Хэрроу одновременно с вами.

Священник покраснел, нижняя губа выпятилась. Он почуял врага, и ничто теперь не заставило бы его покинуть Уорстед Скайнес. И убеждение в том, что он поступил правильно, слегка поколебленное исповедью Хорэса, укрепилось мгновенно, как только уха его коснулось это имя.

- Да, я знаю его.

- Мы сегодня все и обсудим, - сказал мистер Пендайс, - здесь, за этим портвейном. А вот уже и подъехал кто-то. Джон, встань!

Спаньель Джон тяжело поднялся, взглянул презрительно на мистера Бартера и снова лег на ногу хозяина.

- Вставай, Джон! - приказал опять мистер Пендайс.

Спаньель Джон вздохнул.

"Если я встану, ты уйдешь, и снова для меня начнется неопределенность", - казалось, говорил он.

Мистер Пендайс освободил ногу, встал и пошел к двери. Не дойдя, оборотился и вернулся к столу.

- Бартер, - проговорил он, - я не о себе думаю, не о себе... Наш род из поколения в поколение живет на этой земле. Это мой долг. - В его лице была чуть заметная перекошенность, как будто она, отражала некоторую непоследовательность его философии; глаза его смотрели печально, и покоя в них не было.

Священник, не спуская глаз с двери - оттуда каждую минуту мог появиться его враг, - тоже подумал:

"И я не думаю о себе! Я уверен, что я поступил правильно. Я пастырь этого прихода. Это мой долг".

Спаньель Джон пролаял три раза - по числу вошедших. Это были миссис Пендайс, мистер Парамор и Грегори Виджил.

- А где Джордж? - спросил сквайр, но никто не ответил.

Священник, вернувшись на свое место, рассматривал золотой крестик, который вынул из жилетного кармана. Мистер Парамор взял вазочку и стал нюхать розу. Грегори подошел к окну.

Когда до сознания мастера Пендайса дошло, что сын его не приехал, он подошел к двери и отворил ее.

- Марджори, будь добра, уведи Джона, - сказал он. - Джон!

Спаньель, увидев распахнутую дверь и поняв, что это означает, лег на спину.

Миссис Пендайс посмотрела на мужа, и в глазах ее были слова, которые она, как истинная леди, не умела произнести.

"Я должна остаться. Позволь мне не уходить. Это мое право. Не отсылай меня прочь". Вот что говорили ее глаза, и то же самое говорили глаза спаньеля, лежавшего на спине (он знал: так его трудно сдвинуть с места).

Мистер Пендайс ногой перевернул его.

- Вставай, Джон! Марджори, будь добра, уведи отсюда Джона.

Миссис Пендайс вспыхнула, но не сделала ни шагу.

- Джон, иди со своей хозяйкой, - сказал мистер Пендайс. Спаньель завилал опущенным хвостом. Мистер Пендайс ногой чуть-чуть придавил его хвост. - Это не женское дело.

Миссис Пендайс наклонилась к спаньелю.

- Идем, Джон, - сказала она.

Спаньель Джон, показывая белки глаз, упирался, так что ошейник налезал ему на морду; наконец его вывели. Мистер Пендайс затворил дверь.

- Хотите портвейну, Виджил? Вино сорок седьмого года. Мой отец заложил его в пятьдесят шестом, за год перед своей смертью. Сам я пить его не могу и я, знаете ли, заложил две бочки в год Юбилея {"Юбилей" королевы Виктории, в 1887 году праздновавшей пятидесятилетие своего царствования.}. Наливайте себе, Парамор. Виджил, садитесь рядом с Парамором. Вы знакомы с мистером Бартером?

Лица Грегори и священника стали очень красными.

- Мы все здесь бывшие воспитанники Хэрроу, - продолжал мистер Пендайс, и, неожиданно повернувшись к мистеру Парамору, добавил:

- Ну, так что же?

Точно так же, как вокруг наследственного принципа стоят Государство, Церковь, Закон, Филантропия, вокруг обеденного стола в Уорстед Скайнесе расположились сейчас сквайр, священник, мистер Парамор и Грегори Виджил, и никто из них не хотел начать разговор первым. Наконец мистер Парамор, вынув из кармана письмо Белью и ответ Джорджа, склотые вместе и мирно терпящие соседство друг друга, вернул их сквайру:

- Дело, как я понимаю, обстоит следующим образом: Джордж отказывается с ней порвать, но он готов защищаться и отрицать все. Он ожидает, что я буду действовать именно в этом духе.

Взяв со стола вазочку, мистер Парамор опять принялся нюхать розу.

Мистер Пендайс нарушил молчание.

- Как джентльмен, - начал он резким от волнения голосом, - он, я полагаю, должен...

Грегори, натянуто улыбаясь, закончил:

- Лгать.

Мистер Пендайс мгновенно возразил:

- Дело не в этом, Виджил. Джордж вел себя возмутительно. Я не защищаю его, но если эта женщина хочет все отрицать, Джордж не может вести себя подло, - во всяком случае, меня воспитали в таких правилах.

Грегори подпер рукой голову.

- Вся система никуда не годится... - начал он.

Мистер Парамор вмешался:

- Давайте придерживаться фактов. Они и без системы достаточно неприятны.

Первый раз открыл рот священник:

- Я не знаю, что вы имеете в виду под системой, но, по-моему, оба они, и этот мужчина и эта женщина, виноваты в том...

Грегори перебил его дрожащим от гнева голосом:

- Будьте так добры не называть миссис Белью "эта женщина"...

Священник вспыхнул:

- Как же прикажете называть ее?..

Мистер Пендайс голосом, которому несчастье придавало некоторое достоинство, проговорил:

- Господа, дело идет о чести моего дома.

Наступило еще более долгое молчание - глаза мистера Парамора переходили с одного лица на другое, и губы, над розой, растянулись в улыбку.

- Я полагаю, Пендайс, - наконец начал он, - вы пригласили меня сюда, чтобы выслушать мое мнение. Так вот, не доводите дела до суда. Если в вашей власти что-нибудь сделать, делайте. Если в вас говорит гордость, заставьте ее замолчать. Если вам мешает честность, забудьте

ее. Между деликатностью и законом о разводе нет ни одной точки соприкосновения; между правдой и нашим законом о разводе нет ничего общего. Я повторяю: не доводите дела до суда. Пострадают все: и безвинный и виноватый; только безвинный пострадает больше, и никто не выиграет. Я пришел к такому выводу по зрелому размышлению. В иных обстоятельствах я, возможно, и посоветовал бы что-нибудь иное. Но в этом случае, я повторяю, никто не выиграет. Надо сделать так, чтобы дело не дошло до суда. Не давайте пищи праздным языкам. Послушайтесь моего совета, напишите еще раз Джорджу, потребуйте с него обещание. Если он опять откажется, что ж, возьмемся тогда за Белью, попытаемся его припугнуть.

Мистер Пендайс слушал, не проронив ни слова: у него с давних пор сложилась привычка не перебивать мистера Парамора. Когда же Парамор кончил, сквайр поднял голову и сказал:

- Это все козни рыжего негодяя! Не понимаю, Виджил, для чего вы затеяли все это. Вы, верно, и навели его как-нибудь на след.

Сквайр желчно поглядел на Грегори. Мистер Бартер тоже взглянул на него, - в его взгляде был вызов и вместе некоторая пристыженность.

Грегори, смотревший перед тем, на свою нетронутую рюмку, поднял голову, - лицо его было красно. Голосом, дрожащим от негодования и гнева, он заговорил, обращаясь к Парамору и стараясь избегать взгляда священника:

- Джордж не имеет права бросить женщину, которая доверилась ему; это будет подло, если хотите. Не мешайте им, пусть они живут вместе честно и открыто, пока не смогут стать мужем и женой. Почему вы все говорите так, будто вы озабочены только положением мужчины? Мы с вами должны защитить женщину!

Священник первый обрел дар речи.

- То, что вы говорите, сушая безнравственность, - произнес он почти добродушно.

Мистер Пендайс встал.

- Стать ее мужем! - воскликнул он. - Да как вы... ведь хуже, страшнее этого... мы только думаем, как избежать этого! Мы на этой земле... отец сын... отец - сын... из поколения в поколение.

- Тем более стыдно, - кричал Грегори, - что вы, потомок этого благородного рода, не можете встать на защиту женщины!

Мистер Парамор досадливо пожал плечами, взывая к его здравому смыслу:

- Во всем нужна золотая середина. Вы уверены, что миссис Белью нуждается в защите? Если нуждается, я с вами согласен. Только так ли это?

- Я даю слово, - ответил Грегори.

Минуту мистер Парамор сидел, подперев рукой голову.

- Мне очень жаль, - наконец сказал он, - но я руководствуюсь своим собственным впечатлением.

Сквайр поднял голову:

- Если дела обернутся наихудшим образом, могу ли я лишиться Джорджа наследства - нашего родового поместья?

- Нет.

- Что? Нет... это... это... никуда не годится.

- Надо быть последовательным.

Сквайр глянул на него недоверчиво, затем быстро проговорил:

- Если я ничего не оставлю ему, кроме поместья, он скоро окажется нищим. Прошу прощения, господа. У вас у всех пустые рюмки! Я вовсе потерял голову.

Священник налил себе вина.

- До сих пор я не сказал ни слова, - начал он. - Я считал, что это не мое дело. Мое убеждение таково: слишком много разводов в наши дни. Пусть эта женщина возвращается к своему мужу, и пусть он объяснит ей, как она перед ним виновата. - Его голос и взгляд посуровели. - И пусть они, как подобает христианам, простят друг друга. Вы говорите, - обратился он к Грегори, - о защите женщины. Вот так в наши дни прокладывает себе дорогу безнравственность. Я решительно поднимаю свой голос против подобной сентиментальности. Поднимал и всегда буду поднимать.

Грегори вскочил на ноги.

- Я как-то сказал вам, что вы поступили непорядочно. Я повторяю это опять.

Мистер Бартер встал, наклонившись над столом, лицо его побагровело. Он в упор посмотрел на Грегори, не имея сил выговорить ни слова.

- Один из нас, - сказал он, заикаясь от волнения, - должен покинуть эту комнату!

Грегори хотел было что-то возразить, но, резко повернувшись, вышел на террасу и исчез.

- До свидания, Пендайс, я тоже ухожу, - сказал священник.

Сквайр пожал протянутую руку, на его лице было недоумение и грусть. Когда мистер Бартер вышел, в комнате воцарилось молчание. Сквайр вздохнул.

- Как бы мне хотелось быть сейчас в Оксенхэме, Парамор! Как я мог покинуть свое старое гнездо! Вот и пришла расплата. И зачем только было посылать Джорджа в Итон?

Мистер Парамор плубже уткнул нос в вазу. В этих словах его старого приятеля заключался его "символ веры": "Верую в отца моего, и в его отца, и в отца его отца, собирателей и хранителей нашего поместья, и верую в себя, сына моего и сына моего сына. И верую, что им создали страну и сохранили ее такую, какая она есть. Верую в закрытые школы и особенно в ту школу, где я учился. Верую в равных мне по общественному положению, в мою усадьбу, верую в порядок, который есть и пребудет во веки веков. Аминь".

Мистер Пендайс продолжал:

- Я не пуританин, Парамор; я понимаю, что Джорджу есть какое-то оправдание; я даже и не против этой женщины; она, пожалуй, слишком хороша для Белью. Да, она, несомненно, слишком хороша для этого мерзавца! Но Джорджу жениться на ней - значит погубить себя. Вспомните леди Розу. Одни только чудаки, считающие звезды, вроде Виджила, не понимают этого. Это конец! Изгнание из общества! Только подумайте, подумайте о моем внуке! Нет, Парамор... нет... нет! Черт побери!

Сквайр закрыл глаза рукой.

Мистер Парамор, хоть у него и не было собственного сына, ответил с искренним сочувствием:

- Успокойтесь, успокойтесь, Пендайс. Увидите, до этого не дойдет.

- Одному богу известно, Парамор, до чего все это может дойти! Нервы мои сдают! Вы же знаете, если их разведут, Джордж будет обязан жениться на ней.

Мистер Парамор на это ничего не ответил и только сжал губы.

- Ваш бедный пес скулит, - сказал он. И, не дождавшись позволения, отворил дверь.

В комнату вошли миссис Пендайс и спаньель, Джон. Сквайр взглянул на них и нахмурился. Спаньель Джон, шумно дыша от радости, терся о его ноги. "Я испытал такие муки, хозяин, - казалось, говорил он, - мне не перенести еще одной разлуки в ближайшее время!"

Миссис Пендайс стояла молча, и мистер Парамор обратился к ней:

- Вы, миссис Пендайс, больше всех нас могли бы повлиять и на Джорджа и на этого Белью... мне кажется, даже на его жену!

Мистер Пендайс не выдержал:

- Не думайте, что я стану унижаться перед этим негодяем Белью!

Мистер Парамор посмотрел на него, как смотрит врач на больного, когда ставит диагноз. Но лицо сквайра в седых бакенбардах и усах, чуть перекошенное влево, с глазами, как у лебедя, решительным подбородком и покатым лбом выражало только то, что и должно было выражать лицо всякого сельского помещика, когда он высказывает подобную мысль.

Миссис Пендайс воскликнула:

- Ах, как бы мне хотелось увидеть сына!

Она так мечтала о встрече с ним, что ни о чем другом сейчас уже не могла и думать.

- Увидеть сына! - воскликнул сквайр. - Ты так и будешь его баловать, пока он не опозорит нас всех!

Миссис Пендайс перевела взгляд с мужа на его поверенного. Волнение окрасило ей щеки непривычным румянцем, губы подергивались, будто она вот-вот что-то скажет.

Но вместо нее сквайру ответил мистер Парамор:

- Нет, Пендайс, если Джордж избалован, так его избаловала система.

- Какая система, - вскричал сквайр, - я никогда не воспитывал его по системе! Я не верю ни в какие системы! Не понимаю, о чем вы говорите! Слава богу, у меня есть еще один сын!

Миссис Пендайс шагнула к мужу.

- Хорэс, - сказала она, - ты же не думаешь...

Мистер Пендайс отвернулся от жены и бросил резко:

- Парамор, вы уверены, что я не могу лишить Джорджа наследства?

- Абсолютно уверен, - ответил мистер Парамор.

ГЛАВА IX

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕНДАЙСИЦИТА

Грегори долго бродил по шотландскому саду, созерцая звезды. Одна, самая яркая, висевшая над лиственницами, глядела на него насмешливо, потому что это была звезда любви. Прохаживаясь между тисами, которые росли на этой земле еще до того, как на ней поселились Пендайсы и будут долго жить после них, он остужал свое сердце в голубоватом свете этой большой звезды. Ирисы стояли безуханные, как будто боясь растреможить его чувства, и только иногда из тьмы пахло хвоей молодых лиственниц и далекими полями. Тот же филин, что кричал вечером, когда Элин поцеловала Джорджа в оранжерее, застонал и теперь, когда Грегори бродил здесь, погруженный в печальное раздумье о последствиях этого поцелуя.

Он думал о мистере Бартере и с несправедливостью человека, все принимающего близко к сердцу, рисовал его красками, куда чернее его черного сюртука.

"Вздорный, бестактный, - думал он. - Как он смел говорить о ней в таком тоне!"

Размышления его прервал голос мистера Парамора:

- Все еще остываете, Виджил? Скажите, зачем вы нам все испортили?

- Я ненавижу ложь, - сказал Грегори. - А это замужество моей подопечной - ложь, и больше ничего. Пусть лучше она честно живет с человеком, которого любит.

- Стало быть, таково ваше мнение? - ответил мистер Парамор. - И вы относите это ко всем без исключения?

- Да, ко всем.

- Так-так, - засмеялся Парамор. - Ну и путаники же вы, идеалисты! А помнится, вы говорили мне, что узы брака для вас священны.

- Священны для меня, Парамор. Таковы мои личные взгляды. Но перед нами уже совершенная несправедливость. Этот брак - ложь, гнусная ложь, ему надо положить конец.

- Все это прекрасно, - ответил мистер Парамор, - но если вы свой принцип станете широко применять на практике, то это приведет бог знает к чему. Ведь это значит изменить самый институт брака, так,

чтобы он в корне отличался от того, что он есть сейчас. Брак на основе влечения сердец, а не на основе собственности. Вы готовы зайти так далеко?

- Да.

- Вы занимаете столь же крайнюю позицию, как и Бартер. Но ваши позиции противоположны. Из-за вас, экстремистов, и происходят все неприятности. Должна быть золотая середина, мой друг. Я согласен, что-то необходимо сделать. Но вы забываете одно: законы должны соответствовать людям, чье поведение они определяют. Вы слишком устремлены к звездам. Больному лекарство прописывают соответствующими дозами. Да где же ваше чувство юмора?.. Вообразите свою теорию брака примененной к мистеру Пендайсу, к его сыну, к его священнику, к его арендаторам или его батракам.

- Нет-нет, - упорствовал Грегори, - я не верю, что...

- Сельские жители, - спокойно объяснил мистер Парамор, - особенно косны в этих вопросах. В них сильны вскормленные на мясе инстинкты, а благодаря всем этим членам парламента от графств, епископам, пэрам, благодаря всей системе наследования титулов, усадеб, приходов они, сельские жители, задают тон в стране. Существует болезнь - назовем ее хотя бы (пусть это и плохая шутка) пендайсицитом, - которой заражены в провинции буквально все. Эти люди удивительно косны. Они что-то делают, только все наперекор здравому смыслу, ценой бездны ненужных страданий и труда! Такова дань наследственному принципу. Я недаром имел с ними дело в течение тридцати пяти лет.

Грегори отвернулся.

- Да, действительно плохая шутка, - сказал он. - Но я не верю, чтобы они все были такими, как вы говорите! Я не могу допустить этого. Если есть такая болезнь, наше дело - найти от нее лекарство.

- Здесь может помочь только оперативное вмешательство, - сказал мистер Парамор. - А к операции надо определенным образом подготовиться, как было открыто Листером {Листер Джозеф (1827-1912) - английский хирург, разработавший метод обеззараживания ран.}.

Грегори ответил, не поворачиваясь:

- Парамор, я ненавижу ваш пессимизм.

Мистер Парамор, глядя в затылок Грегори, сказал:

- Я не пессимист. Отнюдь нет.

Когда фиалка голубая,

И желтый дрок, и львиный зев,

И маргаритка полевая

Цветут, луга ковром одев,

Тогда насмешливо кукушки... {*}

{* Начало песни из комедии Шекспира "Бесплодные усилия любви" (перевод Ю. Корнеева); далее в ней высмеиваются мужья-рогоносцы.}

Грегори повернулся к нему.

- Как можно любить поэзию и придерживаться подобных взглядов! Мы должны построить...

- Вы хотите строить, не заложив фундамента, - сказал Парамор. - Вы позволяете, Виджил, своим чувствам взять верх над рассудком. Закон о браке это всего только симптом. Именно эта болезнь, эта тупая косность делают необходимыми подобные законы. Плохие люди - плохие законы. Что вы хотите?

- Я никогда не поверю, чтобы люди были согласны жить в этом омуте... омуте...

- Провинциализма, - подсказал Парамор. - Вам следует заняться садоводством. Тогда вы поймете то, от чего вы, идеалисты, предпочитаете отмахиваться: что человек, подобно растениям, друг мой, - продукт наследственности и среды. И изменения происходят в нем чрезвычайно медленно. Виноградные гроздья на рябине или финики на чертополохе не вырастут во втором поколении, сколько бы вы ни бились и как бы вам ни хотелось есть.

- По вашей теории, все мы оказываемся чертополохом.

- Социальные законы тем сильнее, чем больше зла они могут причинить, а размеры этого зла зависят, в свою очередь, от идеалов человека, против которого это зло обращается. Если вы отвергнете брачные узы или раздадите свою собственность и пойдете в монастырь, а кругом будет один чертополох, то вас это не будет особенно огорчать, раз вы сами финик, а? Однако заметьте такую странность: чертополох, считающий себя фиником, очень скоро обнаруживает истинную свою природу. Я многое не люблю, Виджил.

И среди прочего - безрассудство и самообман. Но Грегори глядел на небо.

- Мы, кажется, отвлеклись от предмета нашего разговора, - сказал Парамор. - Да, пожалуй, пора и в дом. Уже около одиннадцати.

Во всем длинном фасаде белого невысокого дома было освещено только три окна, три глаза, устремленных на серп луны - волшебную ладью, плывущую в ночном кебе. Аспидно-черные стояли кедры. Старый филин умолк. Мистер Парамор схватил Грегори за руку.

- Соловей! Вы слышали, как он засвистел в этой роще? Восхитительный уголок! Я не удивляюсь, что Пендайс так его любит. Вы не рыболов, Виджил? Вам не доводилось наблюдать стайки рыб у берега? Как послушно они следуют за своим вожатым! Так и мы, люди, ведем себя в своей стихии. Слепое стадо, Виджил! Мы ничего не видим дальше своего носа, мы жалкие провинциалы!

Грегори прижал руку ко лбу.

- Я все пытаюсь представить себе, - сказал он, - последствия этого развода для моей подопечной.

- Мой друг, я буду говорить с вами прямо. Ваша подопечная, ее муж и Джордж Пендайс - как раз те люди, для которых и ради которых создавались наши законы о браке. Все трое - люди смелые, легкомысленные, упрямые, и простите меня - кожа у них толстая. Слушание этого дела в суде, если мы станем защищаться, - это неделя ругани, выброшенные на ветер общественные деньги и время. Знаменитым адвокатам оно даст возможность блеснуть, публику снабдит интересным чтивом. Газеты, конечно, будут захлебываться. Словом, все получают огромное удовольствие. Я повторяю, это как раз те самые люди, для которых писан наш закон о разводе. В пользу опласки можно сказать много, но бесспорно одно, что выигрывает при этом бесчувственность, а люди, ни в чем не повинные, проходят через настоящую пытку. Я уже как-то говорил вам: чтобы добиться развода, даже если вы и заслуживаете его, вы должны обладать стальными нервами. Эти трое великолепно выдержат все, а вот на вас и на наших милых хозяевах живого места не останется - и в результате никто не выиграет. Так будет, если мы примем сражение; а сказать по правде, если колесо завертится, не представляю, как можно будет не защищаться, - это противно моему профессиональному инстинкту. Если же мы будем сидеть сложа руки, то попомните мои слова: не

успеет еще закон разрешить им соединиться, как они надоедят друг другу; и Джордж окажется вынужденным во имя "морали", как говорил его отец, жениться на женщине, которая опостылела ему или которой он опостылел сам. Я сказал, что думаю. Засим иду спать. Какая обильная роса! Не забудьте запереть потом дверь.

Мистер Парамор вошел было в оранжерею, остановился и повернул обратно.

- Пендайс, - сказал он, - отлично понимает все, что я изложил вам сейчас. Он готов отдать что угодно, только бы избежать суда, но увидите, он все будет делать наперекор здравому смыслу; и будет чудо, если все кончится благополучно. А все "пендайсицит"! Мы все в какой-то степени заражены им. Спокойной ночи!

Грегори остался один под открытым небом, один со своей огромной звездой. А поскольку мысли его редко бывали отвлеченного свойства, он думал не о "пендайсиците", а об Элин Белью. И чем дольше он думал о ней, тем больше она представлялась ему такой, какой он хотел ее видеть, ибо такова была его натура. И все насмешливее становилось мерцание звезды над рощей, где пел соловей.

ГЛАВА X

ДЖОРДЖ ИДЕТ ВА-БАНК

В четверг, в день Эпсомских летних скачек, Джордж Пендайс сидел в углу вагона первого класса, складывая так и этак два и два, чтобы получить пять. На листке бумаги с эмблемой Клуба стойков были выписаны до последнего пенса все его дол пи на скачках: тысяча сорок пять фунтов - неотложный долг; семьсот пятьдесят - проигрыш на последних скачках. Ниже остальные долги, округленные до тысячи фунтов. Эта цифра отражала кажущееся положение дел, ибо Джордж учел только имеющиеся на руках счета, а судьба, которая знает все, назвала бы, пожалуй, тысячу пятьсот фунтов. Таким образом, печальный итог составлял три тысячи двести девяносто пять фунтов.

А поскольку и на бирже и на скачках, где царствует вечное движение, принята доходящая до абсурда пунктуальность, когда дело касается уплаты сумм, которые ты неожиданно теряешь, то и надо было непременно где-то достать к следующему понедельнику тысячу семьсот девяносто пять фунтов.

Только из расположения к Джорджу, умевшему и выигрывать и проигрывать, а также из страха потерять выгодного клиента фирма букмекеров сквозь пальцы смотрела на то, что долг Джорджа в тысячу сорок пять фунтов не был уплачен до самых Эпсомских скачек.

Что же он мог противопоставить этой цифре, в которую не входили еще жалованье тренеру и расходы, связанные с предстоящим процессом? О том, каковы они будут, он не имел ни малейшего представления. Во-первых, он может рассчитывать еще на двадцать фунтов кредита в его банке, затем Эмблер и еще две кобылы, за которых, правда, много не дадут; и, в-третьих (наиболее важный источник), сумма х, которую может... нет, обязательно выиграет сегодня Эмблер.

Чем-чем, а мужеством Джордж обладал в полной мере. Это качество вошло в его кровь и плоть; и, очутившись в обстоятельствах, которые кому-нибудь другому, особенно тому, кто не был воспитан в духе наследственных традиций, могли бы показаться отчаянными, он не проявил ни малейшего признака беспокойства или уныния. Размышляя над своими затруднениями, он исходил из некоторых принципов: во-первых, нельзя было не заплатить долга чести; уж лучше пойти к ростовщикам, хотя они и сдерут с тебя три шкуры (занять у них он мог только под наследственное поместье), во-вторых, он не побоится доставить на свою лошадь все до последнего пенса; и, в-третьих, зачем думать о будущем, если и настоящее довольно скверно.

Вагон прыгал и качался, как будто плясал под музыку, а Джордж сидел невозмутимо в своем углу.

Среди пассажиров находился высокородный Джефри Уинлоу, который хотя и не был завсегдаем скачек, но питал благожелательный интерес к английским скакунам и надеялся своими посещениями наиболее значительных состязаний оказать услугу этим благородным животным.

- Ваш жеребец участвует, Джордж?

Джордж кивнул.

- Я поставлю на него пять фунтов на счастье. Вообще-то игра мне не по карману. На той неделе я видел вашу матушку в Фоксхолме. Давно не были у своих?

Джордж кивнул и вдруг почувствовал, как защемило сердце.

- Вы слышали, что на ферме Пикока был пожар? Говорят, сквайр с Бартером творили прямо-таки чудеса. Мистер Пендайс еще молодец, хоть куда!

Джордж снова кивнул и снова ощутил ту же щемящую боль в сердце.

- Они собираются в Лондон в этом сезоне?

- Не знаю, - ответил Джордж. - Хотите сигару?

Уинлоу взял сигару и, обрезав кончик перочинным ножичком, вперил свой ленивый взгляд в квадратное лицо Джорджа. Надо было быть хорошим физиономистом, чтобы что-нибудь прочесть под этой маской непроницаемости. Уинлоу подумал: "Не буду удивлен, если то, что говорят о Джордже, правда..."

- Все пока идет удачно?

- Так себе.

Они расстались на ипподроме. Джордж сперва повидал тренера, потом направился прямо к букмекерам. Держа в голове свое уравнение с x , он нашел двух скромно одетых джентльменов. Один из них делал золотым карандашом какие-то пометки в книжечке. Они приветствовали его почтительно: это им он был должен львиную долю из тех тысячи семисот девяноста пяти фунтов.

- Сколько Вы поставите против Эмблера?

- Один к одному, мистер Пендайс, - ответил джентльмен с золотым карандашом, - пятьсот фунтов.

Джордж записал у себя в книжке сумму пари. Так он никогда не вел дела, но сегодня все казалось иным, - действовало нечто более сильное, чем привычка.

"Иду ва-банк, - подумал он. - Ну и что ж, если ничего не получится, хуже все равно быть не может".

Он подошел еще к одному скромно одетому джентльмену, смахивающему на еврея, с бриллиантовой булавкой в галстук. И пока он переходил от одного скромно одетого джентльмена к другому, некий незримый посланец опережал его, нашептывая на уши букмекерам слова: "Мистер Пендайс решил отыгаться", - так что очередной джентльмен выказывал большую уверенность в Эмблере, чем предыдущий. Скоро Джордж уже обязывался, если Эмблер проиграет, уплатить букмекерам две тысячи фунтов, а почтенные, скромно одетые джентльмены обещали, в случае если Эмблер придет

первым, уплатить его хозяину тысячу пятьсот фунтов. Поскольку ставки делались один к двум, то он уже не мог заключать пари еще и на первые три места, как делал обыкновенно.

"Какого дурака я сваял! - подумал он. - Не надо было самому предлагать пари, пусть бы Барни все осторожно сделал. А, ладно!"

В той сумме, которую надо было достать к понедельнику, еще не хватало трехсот фунтов, и он заключил последнее пари: семьсот фунтов против трехсот пятидесяти. Таким образом, не истратив и пенса, он решил уравнение с х.

Затем он отправился в бар и выпил виски. И только тогда пошел к конюшне.

Прозвучал колокол, начинающий второй забег, дворик был почти пуст, и только в дальнем конце мальчик прогуливал Эмблера. Джордж оглянулся по сторонам: знакомых поблизости никого - и присоединился к мальчику. Эмблер скосил свой черный, полный огня глаз, обведенный белым серпом, вскинул голову и стал смотреть вдаль.

"Если бы он мог понять!" - подумал Джордж.

Когда жеребца повели с дворика к столбу, Джордж вернулся на трибуну. У стойки выпил еще виски и услышал чьи-то слова: - Я поставил шесть к четырем. Надо найти Пендайса. Говорят, он играет сегодня отчаянно...

Джордж поставил рюмку и, вместо того чтобы занять свое обычное место, не торопясь пошел на самый верх.

"Не хватает только их разговоров!" - подумал он.

На самом верху трибуны - этого национального монумента, видимого на расстоянии двадцати миль, - он был в безопасности. Сюда ходила самая разношерстная публика, и он, пробивая себе дорогу в этой разношерстной толпе, добрался до самой верхней площадки и, приладив бинокль на перилах, стал разглядывать цвета. Рядом с его синим, павлиньим виднелись желтый, голубой в белую полоску и красный с белыми звездами.

Говорят, что в сознании утопающего проносятся призраки прошлого. Не то происходило с Джорджем: его душа была словно пригвождена к маленькому синему пятнышку. Губы побледнели - так он их сжал, поминутно облизывая. Четыре маленьких цветных точки выровнялись в линию. Флаг упал.

"Пустили!" Этот вопль, напоминавший рев сказочного чудовища, потряс все кругом. Джордж поправил бинокль на перилах. Впереди - голубой с белыми полосами, Эмблер - последний. Так они прошли первый поворот. Судьба, заботясь о том, чтобы хоть кто-нибудь извлек пользу из этого отрешенного состояния Джорджа, заставила чью-то руку скользнуть под его локоть, вынуть булавку из галстука и убраться восвояси.

После следующего поворота Эмблер уже вел скачку. Так они и вышли на прямую: синий первым и совсем близко от него - желтый. Жокей Джорджа обернулся и поднял хлыст - и в тот же миг, как по волшебству, желтый поравнялся с синим. Жокей стегнул Эмблера, и снова, как по волшебству, желтый обошел синего. Слова его старого жокея молнией пронеслись в голове Джорджа: "Попомните мое слово: он понимает, что к чему. Если попадетсЯ такая лошадь, лучше ей не перечить".

- Оставь его в покое, болван! - прошептал Джордж.

Хлыст снова взвился - желтый оказался впереди уже на два корпуса.

Кто-то за спиной Джорджа проговорил:

- Фаворит сдал! Ах, нет, ей-богу, нет!

Жокей, словно шепот Джорджа долетел до его слуха, опустил хлыст. И Эмблер мгновенно рванулся вперед, Джордж видел, что он нагоняет желтого. Всеми силами души Джордж посылал его. Каждую из последующих пятнадцати секунд он то умирал, то рождался вновь; с каждым скачком все, что было в нем благородного, смелого, все ярче разгоралось, все низменное, мелочное исчезало, потому что это он сам несся сейчас по полю со своим жеребцом. У него на лбу проступил пот. Губы шептали что-то невнятное, но его никто не слышал, потому что все кругом тоже бормотали что-то.

Голова в голову Эмблер и желтый пришли к финишу. Затем наступила мертвая тишина: кто победил? Появились цифры: "Семь - два - пять".

- Фаворит пришел вторым! Проиграл полголовы! - крикнул чей-то голос.

Джордж поник, свет померк в его глазах. Он застегнул бинокль и стал спускаться с толпой вниз. Кто-то говорил сзади:

- Еще бы ярд, и он выиграл бы.

- Не лошадь, а дрянь. Испугался хлыста.

Джордж скрипнул зубами.

- Трущобная крыса, - чуть не простонал он. - Что ты понимаешь в лошадях?

Толпа заколыхалась, и говорившие исчезли из виду.

Долгий спуск с трибуны дал ему время опомниться. Когда Джордж вошел в конюшню, на его лице не осталось и следа волновавших его чувств. Тренер Блексмит стоял возле денника Эмблера.

- Мы проиграли из-за этого идиота Типпинга, - сказал он дрожащими губами. - Если бы дать Эмблеру волю, он бы выиграл шутя. Зачем только он брался за хлыст! За это стоит выгнать его из жокеев. Он...

Вся горечь поражения бросилась в голову Джорджу.

- Не вам бы упрекать его, Блексмит, - сказал он. - Это вы его нанимали. Зачем было ссориться с Суелсом?

У маленького тренера даже рот раскрылся от изумления.

Джордж отвернулся и подошел к жокею, но при виде этой несчастной юной физиономии злые слова замерли у него на губах.

- Ладно, ладно, Типпинг, я не собираюсь ругать вас. - И с вымученной улыбкой на лице прошел в денник к Эмблеру.

Грум только что окончил его туалет, и жеребец стоял, готовый покинуть место своего поражения. Грум отошел в сторонку, Джордж подвинулся к голове Эмблера. Нет такого уголка во всем ипподроме, где бы можно было дать волю сердцу. Джордж всего только коснулся лбом бархатистой щеки и постоял так одну коротенькую секунду. Эмблер дождался конца этой недолгой ласки, затем фыркнул, вскинул голову и плюнул своим неукротимым влажным плазом, будто хотел сказать: "Вы, глупцы! Что знаете вы обо мне?" Джордж отошел.

- Уведите его, - сказал он и долго смотрел вслед удаляющемуся жеребцу.

Как только Джордж покинул дворик, к нему подошел завсегдагай бегов, крючконосый брюнет, с которым он был знаком и которого не любил.

- Я хотел спросить, - сказал он с акцентом, - не хотите ли вы продать вашего жеребца, Пендайс? Я дал бы вам за него пять тысяч

фунтов. Он не должен был проиграть. Хлыст ни капельки не поможет такой лошади!

"Стервятник!" - подумал Джордж.

- Благодарю, но лошадь не продается.

Он вернулся в конюшню, но на каждом лице, куда бы он ни пошел, он видел новое уравнение, которое решалось теперь только с помощью х². Трижды подходил он к стойке. И только на третий раз сказал себе: "Эмблера придется продать. Но такой лошади у меня никогда больше не будет".

На этом зеленом лугу, побуревшем от сотен тысяч подошв, усыпанном обрывками бумаги, окурками, остатками всякой снеди, на этих подступах к бранному полю, по которому катился поток то в сторону битвы, то от нее, все те, кто кормился у этого грандиозного предприятия - сошка помельче и совсем мелкая, - вопили, визжали, наскакивали на бойцов, возвращавшихся после сражения (победители - с пылающими лицами, их несчастливые соперники - с омраченными). По этому огромному зеленому лугу сквозь толпу всех этих безногих калек, игроков в кости, Шулеров, женщин с младенцами, сосущими грудь, оборванных акробатов шел Джордж Пендайс, стиснув зубы и опустив голову.

- Завтра повезет, капитан! Удачи тебе, капитан! Ради господ бога, ваше сиятельство!.. Не бойся, пытай счастье!

Солнце, выплянувшее после долгого отсутствия, припекало шею Джорджа, ветер, зловонный от сотен потных, нечистых человеческих тел, донес до его слуха рев чудовища: "Пустили!"

Кто-то окликнул его.

Джордж обернулся и увидел Уинлоу.

- А! Уинлоу! - вежливо сказал Джордж, улыбаясь ему и посылая в душе ко всем чертям.

Высокородный Джефри пошел рядом, неторопливо разглядывая лицо Джорджа.

- Неудачный для вас день сегодня, старина! Говорят, вы продали своего Эмблера этому Гильдерштейну.

Сердце Джорджа дрогнуло.

"Уже, - подумал он, - уже мерзавец расхвастался! И этому выскочке теперь моя лошадь... моя лошадь". И ответил спокойно:

- Мне нужны были деньги.

Уинлоу, отнюдь не лишенный такта, заговорил о другом.

Вечером того же дня Джордж сидел на своем месте в Клубе стойков, глядя в окно на Пикадилли. Перед его глазами, прикрытыми рукой, как козырьком, катились экипажи в сторону Вест-Энда и обратно, в каждом мелькал светлый диск лица или два светлых диска, один возле другого. Приглушенный шум города доносился сюда вместе с потоками ночной прохлады. В свете фонарей в Грин-парке блестела, как лакированная, листва на фоне густого неподвижного мрака, а над всем - подернутые золотистой дымкой звезды и пепельное небо. По тротуарам сновали бесчисленные фигурки. Некоторые, взглянув на залитые светом окна, замечали мужчину во фраке, с белой накрахмаленной грудью и, вероятно, думали: "Хотел бы я быть на месте этого франта, которому только и дела, что ожидать отцовского наследства"; другие не думали ни о чем. Но, может, какой-нибудь прохожий и пробормотал себе под нос: "Сидит, бедный, один, скучно, должно быть".

Под взглядами проходящих людей губы Джорджа крепко сжались, и только время от времени пробегала по ним горькая усмешка, а лоб его все еще ощущал бархатистое прикосновение морды Эмблера, и его глаза, которых сейчас никто не видел, потемнели от боли.

ГЛАВА XI

МИСТЕР БАРТЕР ВЫХОДИТ НА ПРОГУЛКУ

Событие в доме священника ожидалось с минуты на минуту. Мистер Бартер, в сущности, никогда не знавший страданий, не любил думать о страданиях других, а тем более быть их очевидцем. До сего дня, однако, ему не приходилось о них думать, ибо жена его на все вопросы отвечала только: "Все хорошо, дорогой, все хорошо, не волнуйся". Она всегда улыбалась при этих словах, хотя бы и побелевшими губами. Но в это утро, пытаясь ответить по обыкновению, она не нашла сил улыбнуться, ее глаза потеряли свой обычный блеск, и сквозь стиснутые зубы она прошептала:

- Пошли за доктором Уилсоном, Хассел!

Священник поцеловал жену, зажмурив глаза: ему невыносимо было видеть ее побелевшее лицо с закушенными губами. Через пять минут грум уже мчался верхом на чалой лошади в Корнмаркет за доктором, а священник стоял у себя в кабинете, переводя взгляд с одного домашнего божества на другое, будто призывал их на помощь.

Наконец он взял крикетную битку и принялся протирать ее маслом. Шестнадцать лет назад, когда на свет появился первый сын, тоже Хассел, мистера Бартера застигли доносившиеся из жениной комнаты вопли, которые он помнил и по сей день. И ни за какие блага в мире он не согласился бы услышать нечто подобное еще раз. С тех пор они больше не повторялись, ибо его жена, подобно многим женщинам, была сущей героиней, но с того первого раза - хотя священник имел возможность привыкнуть к подобного рода событиям его неизменно обуревал панический страх. Как будто провидение откладывало на последнюю минуту все волнения и беспокойства, которые он должен был бы испытать на протяжении долгих месяцев ожидания, и тут разом их на него обрушивало. Он положил битку обратно в футляр, закрыл пробкой пузырек с маслом и снова воззрился на домашние божества. Ни одно из них не пришло к нему на помощь. А мысли его были теми же, что и все предыдущие девять раз. "Нельзя уходить. Мне следует дождаться Уилсона. А если что-нибудь не так... Там! акушерка, и я ничем не могу помочь. Бедняжка Роза, моя дорогая бедняжка! Мой долг... Что это? Нет, тут я буду только мешать!"

Неслышно, но не сознавая этого, он отворил дверь; неслышно подошел к вешалке, взял свою черную соломенную шляпу; неслышно вышел и быстро, решительно зашагал прочь от дома.

Через три минуты его фигура снова появилась на дороге, теперь он уже почти бежал к дому. Вошел в переднюю, поднялся по лестнице и вступил в комнату жены:

- Роза, дорогая Роза, чем тебе помочь?

Миссис Бартер протянула руку, злая искорка вспыхнула и погасла в ее глазах. Сквозь сведенные болью губы она едва слышно прошептала:

- Ничем, дорогой. Ступай лучше погулять.

Мистер Бартер прижал к губам ее дрожащие пальцы и попятился к двери. В коридоре он рассек кулаком воздух и, сбежав вниз, снова исчез за поворотом дороги. Он шел все быстрее и быстрее, деревня осталась позади, и среди мирных сельских картин, звуков и запахов нервы его мало-помалу успокаивались. Он снова был в состоянии думать о других предметах: о школьных успехах Сесила - совсем, совсем неудовлетворительно! - о старике Хермоне в деревне, который, как он подозревал, нарочно кашляет, чтобы полечиться винцом; о

матч-реванше с крикетистами Колдингэма и о том, что их знаменитого левшу ничего не стоит "выбить"; о новом издании псалтыря; о жителях дальнего конца деревни, которые редко ходят в церковь: эти пять семей строптивее и хитрее, чем остальные прихожане, что-то в них есть чуждое, неанглийское, недаром все они смуглые. Думая обо всех этих важных делах, он забыл то, что хотел забыть; но, услышав стук колес, сошел с дороги в поле, сделав вид, будто интересуется хлебами, и оставался там, пока коляска не проехала мимо. Это был не доктор Уилсрн, но мог бы быть он; и на следующем же перекрестке он, сам того не сознавая, свернул прочь с корнмаркетской дороги.

Был полдень, когда он подошел к Колдингэму, отстоящему от Уорстед Скайнеса на шесть миль. Ему очень хотелось выпить сейчас кружку пива, но зайти в трактир не приличествовало сану, и он отправился на кладбище. Сел на скамью под кленом напротив усыпальницы семейства Уинлоу - ведь Колдингэм граничил с поместьем лорда Монтроссора, и здесь покоились все Уинлоу. Пчелы трудились над ними в цветущих ветвях, и мистер Бартер подумал: "Красивое место. У нас в Уорстед Скайнесе такого нет..."

Внезапно он почувствовал, что не может больше сидеть здесь и благодумствовать. А что, если его жена умерла? Так иногда бывает: жена Джона Тарпа из Блечингэма умерла, рожая своего десятого. Он вытер испарину со лба и, сердито посмотрев на надгробия Уинлоу, встал со скамьи.

Он свернул на другую дорожку и вышел к крикетному полю. Там шла игра, и вопреки собственной воле священник остановился - играла колдингамская команда, и он так увлекся, следя за игроками (да, так и есть, у этого левши надолго пороку не хватит), что не сразу узнал лорда Джеффри Уинлоу в наколенниках и куртке в синюю и зеленую полоску, сидящего верхом на раскладном стуле.

- Добрый день, Уинлоу, сражаетесь с командой фермеров? Жаль, я не могу остаться посмотреть вас. Заходил по делу неподалеку и должен немедленно вернуться.

Необычная торжественность на его лице подстрекнула любопытство Уинлоу.

- Оставайтесь с нами завтракать.

- Нет, нет, моя жена, знаете ли... Надо быть дома!

Уинлоу сказал:

- Ах, да, конечно... - Его ленивые голубые глаза, всегда с превосходством глядевшие на собеседника, задержались на разгоряченном лице священника. - Между прочим, - сказал он, - боюсь, что дела у Джорджа Пендайса идут скверно. Вынужден был продать свою лошадь. Я видел его на Эпсомских скачках на позапрошлой неделе.

Лицо священника оживилось.

- Я знал, что игра на скачках ни до чего хорошего не доведет, - сказал он. - Мне очень, очень его жаль.

- Говорят, - продолжал Уинлоу, - он проиграл в среду четыре тысячи фунтов. А и без того был в стесненных обстоятельствах. Бедняга Джордж! Чертовски славный малый.

- Да, - повторил мистер Бартер, - мне очень, очень его жаль. Ему и без этого было нелегко.

В ленивых глазах лорда Джеффри опять зажегся огонь любопытства.

- Вы имеете в виду миссис... гм... э? - спросил он. - Что подделаешь, от сплетен не убережешься. Жаль бедного сквайра и миссис Пендайс. Надеюсь, что-то можно будет сделать.

Священник нахмурил брови.

- Я сделал все, что было в моих силах, - сказал он. - Прекрасно бьет этот ваш игрок, сэр, но все-таки удар у него слабоват, слабоват. Однако мне пора, я и так уже замешкался.

И снова на лице мистера Бартера появилась торжественность.

- Так вы будете играть вместе с вашими колдинтэмцами против нас в четверг? До свидания!

Кивнув в ответ на кивок Уинлоу, он зашагал домой.

Не желая возвращаться кладбищем, он пошел через поле. Ему хотелось есть и пить. В одной из его проповедей было такое место: "Мы должны научиться обуздывать свои желания. Только воздерживаясь в повседневных, казалось бы, мелочах, можно достичь той духовной высоты, без которой нельзя приблизиться к богу". В его семье и в деревне знали, что дух мистера Бартера достигает весьма опасной высоты, если ему случится пропустить трапезу. Он был человек отменного здоровья, с прекрасным пищеварением, которое в подобных случаях настоятельно заявляло о себе. Прочитав эту

проповедь, он нередко в течение недели, а то и больше отказывал себе во второй кружке эля за вторым завтраком или в послеобеденной сигаре, выкуривая вместо этого трубку. И он искренне верил, что достигал таким образом духовной высоты; впрочем, возможно, так оно и было. А если и не достигал, никому это не было заметно, ибо большая часть его паствы принимала его святость как нечто само собой разумеющееся, а из остальных лишь очень немногие не считались с тем фактом, что он их духовный отец силой обстоятельств и по воле той системы, что заставила его быть их пастырем, хотел он того или нет. В сущности, они уважали его за то, что его нельзя было лишитъ прихода, - не то что священник в Колдингэме, зависевший от воли и настроения других людей. Ибо, если не считать двух закоренелых негодяев и одного атеиста, весь его приход - и консерваторы и либералы (либералы появились, как только исчезли сомнения в том, что выборы и в самом деле тайные) - все были сторонниками наследственной системы.

Ноги сами понесли мистера Бартера в сторону Блечингэма, где имелся "приют трезвости". В глубине души он испытывал отвращение к лимонаду днем, ибо мысль о нем раздражала его чувство порядка, но он знал, что больше идти некуда. При виде блечингэмского шпиля дух его взыграл.

"Хлеб с сыром, - думал он. - Что может быть лучше хлеба с сыром и чашки кофе?"

В этой чашке кофе было что-то символическое, отвечавшее его состоянию. Кофе был крепкий, мутный, и шел от него тот особый аромат, которым обладает только деревенский кофе. Он выпил совсем немножко и опять отправился в путь. После первого поворота он миновал школу, откуда доносился нестройный гул, который напоминал глухой шум машины, отслужившей свое. Священник остановился, прислушиваясь. Прислонившись к ограде площадки для игр, он вслушивался, пытаясь разобрать слова, произносимые нараспев, подобно молитве. Ему послышалось что-то вроде: "Дважды два - четыре, дважды три шесть, дважды шесть - восемь"; и он пошел дальше, размышляя: "Прекрасно! Но если вовремя не принять мер, это может зайти слишком далеко; мы можем внушить им мысли, не подходящие их месту в жизни". И он нахмурился. Он оставил позади перелаз через изгородь и пошел по тропинке. Воздух звенел от пения

жаворонков, шарики высокого клевера клонились под тяжестью пчел. В конце луга поблескивало озерцо в зарослях ивы. На открытом участке шагах в тридцати от озерца под палящим солнцем стояла привязанная к кольшку старая лошадь. Оскалив желтые зубы, она вытянула морду к воде, которой не могла достать. Мистер Бартер остановился. Он не знал эту лошадь, до его прихода было еще три луга, но он видел, что бедная скотина хочет пить. Он подошел и стал развязывать узел, но только натрудил пальцы. Тогда, нагнувшись, он схватился за кольшек. Пока он, побагровев, тащил его и дергал, старая кляча стояла спокойно, поглядывая на него мутным глазом. Мистер Бартер рванул изо всех сил, кольшек выскочил, и священник отлетел с ним в сторону. Кляча в испуге отпрянула.

- Не бойся, старушка! - сказал Бартер и прибавил сердито: - Это мерзость - оставлять скотину под палящим солнцем. Был бы здесь ее хозяин, я пристыдил бы его!

И он повел кобылу к воде. Старая кляча шла покорно. Но поскольку она мучилась безвинно, то и не испытывала благодарности к своему избавителю. Она вволю напилась и принялась щипать траву. Мистер Бартер почувствовал разочарование; он вбил кольшек в мягкую землю у самых ив, поднялся и посмотрел с неприязнью на лошадь.

Она паслась как ни в чем не бывало. Священник вынул платок, отер пот со лба и насупился. Он не любил неблагодарности ни в людях, ни в животных.

Неожиданно он почувствовал, что очень устал.

- Теперь уж, наверное, все кончилось, - сказал он себе и быстрыми шагами пошел по полю.

Дверь его дома была распахнута. Пройдя в кабинет, он на минутку сел, чтобы собраться с мыслями. Наверху ходили; его слуха коснулся протяжный стон, и он ужаснулся.

Он вскочил и бросился к звонку, но не стал звонить, а побежал наверх. Возле комнаты жены он столкнулся со старой няней его детей. Она стояла на коврике перед дверью, зажав уши, и слезы катились по ее старому лицу.

- О сэр! - прошептала она. - О сэр!

Священник в испуге взглянул на нее.

- Что там? - закричал он. - Что там?

И, зажав уши, бросился опять вниз. В передней он увидел какую-то даму. Это была миссис Пендайс, и он подбежал к ней, как обиженный ребенок бежит к своей матери.

- Моя жена, - говорил он, - моя бедная жена! Один бог знает, что они там делают с ней, миссис Пендайс! - И он закрыл лицо руками.

Она, урожденная Тоттеридж, стояла, не двигаясь; затем, осторожно опустив затянутую перчаткой руку на его мощное плечо, где напряжились мышцы оттого, что были сжаты кулаки, сказала:

- Дорогой мистер Бартер, Уилсоа - такой хороший врач. Пойдемте в гостиную.

Священник, спотыкаясь, как слепой, позволил увести себя. Он опустился на диван, а миссис Пендайс села подле, все еще не сняв руки с его плеча. Ее лицо чуть подергивалось, как будто она с трудом сдерживалась. Ласковым голосом она повторила:

- Все будет хорошо, все будет хорошо. Ну, успокойтесь.

В ее участии и заботе была заметна не то чтобы некоторая холодность, а легкое изумление, что вот она сидит здесь в этой гостиной и утешает мистера Бартера.

Священник отнял руки от лица.

- Если она умрет, я не вынесу этого, - проговорил он не своим голосом.

При этих словах, вырвавшихся у мистера Бартера под действием чего-то большего, чем привычка, рука миссис Пендайс соскользнула с плеча священника и легла на яркий ситец дивана, зеленый с алым. Ее испугала и оттолкнула страстность его тона.

- Подождите здесь, - сказала она, - я поднимусь, взгляну, что там.

Приказывать не было свойственно миссис Пендайс, но мистер Бартер с видом напроказничавшего и раскаивающегося в своих шалостях мальчика повиновался.

Когда миссис Пендайс вышла, он приблизился к Двери, прислушиваясь: хотя бы какой-нибудь звук донесся сюда, хотя бы шелест ее платья! Но все было тихо, нижние юбки миссис Пендайс были батистовые, и священник остался наедине с безмолвием, переносить которое было выше его сил. Он шагал по комнате в своих тяжелых сапогах, сцепив за спиной руки, лбом рассекая воздух, сжав губы - так бык, первый раз запертый в загоне, мечется из угла в угол, зло выкатывая глаза.

Страх, раздражение спутали его мысли, он не мог молиться. Слова, которые он так часто повторял, бежали от его сознания, как будто издеваясь. "Все мы в руках господних! Все мы в руках господних!" Вместо них в голову лезли слова мистера Парамора, сказанные тогда в гостиной Пендайсов: "Во всем нужна золотая середина". Эти слова, полные жестокой иронии, как будто кто напевал ему на ухо. "Во всем нужна золотая середина, во всем нужна золотая середина!" А его жена лежит сейчас там в муках, и это его вина... и...

Какой-то звук. Багрово-красное лицо священника не могло побледнеть, но кулаки его разжались. В дверях стояла миссис Пендайс и улыбалась странной, сострадательной и взволнованной улыбкой.

- Все хорошо: мальчик. Бедняжке было очень тяжело!

Священник глядел на нее, но не говорил ни слова; затем он вдруг рванулся мимо нее, побежал в кабинет и заперся на ключ. Тогда, и только тогда он опустился на колени и долго стоял так, ни о чем не думая.

ГЛАВА XII

СКВАЙР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Вечером того же дня в девять часов, кончая свою пинту портвейна, мистер Бартер почувствовал неодолимое желание развлечься, побыть в обществе себе подобных.

Взяв шляпу и застегнув сюртук на все пуговицы - вечер был теплый, но восточный ветер приносил прохладу, - он зашагал к деревне.

Как воплощение дороги, ведущей к господу, о которой он говорил по воскресеньям! в своих проповедях, убегала вдаль проселочная дорога, обрамленная аккуратными изгородями, прошивая светлой ниткой тень вязов, на которых грачи уже смолкли. Запахло дымком, показались домики деревни кузница и лавки, обращенные фасадом к выгону. Огни в распахнутых дверях и окнах стали ярче; ветерок, едва кольшущий листву каппана, резво играл трепетными листками осины. Дома - деревья, дома - деревья! Приют в прошлом и во все будущие дни!

Священник остановил первого, кто встретился ему.

- Прекрасные дни стоят для сена, Эйкен! Как дела у вашей жены? Значит, дочка! А-ха, мальчишек вам надо! Вы слышали о нашем событии? Могу смиренно...

От прихожанина к прихожанину, от порога к порогу он утолял свою жажду общения с людьми, восстанавливал утраченное было чувство собственного достоинства, необходимое для исцеления раны, нанесенной его чувствительности. А над его головой едва заметно вздыхали каштаны, осины нежно шелестели листвой и, наблюдая мирскую суету, как будто шептали: "О жалкие маленькие человечки!"

Луна на исходе первой четверти выплыла из-за темной кладбищенской роши - та самая луна, что иронически взирала на Уорстед Скайнес, еще когда в приходской церкви возносил молитвы богу первый Бартер, и первый Пендайс хозяйничал в усадьбе; та самая луна, что так же тихо, равнодушно взойдет над этой рошей, когда навек уснут и последний Бартер и последний Пендайс, и на их надгробные камни будет литься сквозь лиловую тьму серебристый свет.

Священник подумал:

"Пожалуй, надо послать Стэдмена в этот угол. Кладбище становится тесновато; а здесь все старые могилы - лет по полтора ста. Не разберешь на плитах ни слова. Вот с них и начнем".

Он пошел через луг по тропинке, ведущей к дому сквайра.

День давно угас, и только лунный свет озарял высокие стебли трав.

В доме стеклянные двери столовой были открыты настежь. Сквайр сидел один, в печальном раздумье доедая фрукты. По обеим сторонам от него на стенах висели портреты всех предыдущих Пендайсов, его молчаливых сотрапезников, а в самом конце над дубовым буфетом, уставленным серебром, глядела на них с портрета его жена, чуть удивленно вскинув брови. Сквайр поднял голову.

- А, Бартер! Что ваша жена?

- Ничего, спасибо.

- Рад это слышать! Прекрасное у нее здоровье, удивительная выносливость. Портвейну или кларет?

- Я выпил бы рюмку портвейну.

- Тяжеленько вам пришлось. Я-то знаю, что это значит. Мы не похожи на своих отцов, - они к этому относились просто. Когда родился Чарлз, отец охотился. А я так совсем измучился, когда появлялся на свет Джордж.

Сквайр на секунду умолк и тут же поспешно прибавил:

- Хотя вы-то уже могли и привыкнуть. Бартер нахмурился.

- Я был сегодня в Колдингэме, - сказал он, - и видел Уинлоу. Он оправлялся о вас.

- А, Уинлоу! Очень милая женщина его жена. У них, кажется, всего один сын.

Священник поморщился.

- Он говорил мне, - произнес он резко, - что Джордж продал своего жеребца!

Лицо сквайра изменилось. Он испытующе посмотрел на мистера Бартера, но священник наклонил голову над рюмкой.

- Продал жеребца? Что бы это значило? Он хоть объяснил вам, в чем дело?

Священник допил свой портвейн.

- Я никогда не ищу здравого смысла в поступках людей, играющих на скачках, - на мой взгляд, у них его меньше, чем у бессловесной скотины.

- Играющие на скачках - дело другое, - возразил мистер Пендайс.
- Но Джордж ведь не играет.

В глубине глаз священника мелькнула усмешка. Он сжал губы.

Сквайр поднялся со своего места.

- На что вы намекаете, Бартер? - сказал он. Священник покраснел. Он ненавидел передавать сплетни, то есть когда они касались мужчины; женщины иное дело. И так же как и в тот раз, в разговоре с Белью, он старался не выдать Джорджа, так и теперь был начеку, чтобы не сказать лишнего.

- Мне ничего не известно, Пендайс!

Сквайр начал ходить по комнате. Что-то задело ноги Бартера: из-под стола в самом конце, там, где лежало пятно лунного света, выбрался спаньель Джон и, олицетворяя собой все, что было рабски преданно в этом поместье сквайру, уставил на своего хозяина полный тревоги взгляд. "Вот опять, - как будто хотел он сказать, - начинается что-то неприятное для меня!"

Сквайр прервал молчание.

- Я полагаюсь на вас, Бартер; я полагаюсь на вас, как на родного брата. Рассказывайте, рассказывайте, что вы слышали о Джордже.

"В конце концов, - подумал священник, - он же его отец!"

- Я знаю только то, что слышал от других, - начал он. - Говорят, что Джордж проиграл очень много. Может быть, все это выдумка, я не очень-то верю слухам. А если он и продал жеребца, тем лучше. Не будет искушения играть.

Хорэс Пендайс ничего не ответил на это. Им овладели гнев и растерянность. Одна мысль билась в его мозгу: "Мой сын - игрок! Уорстед Скайнес в руках игрока!"

Священник встал.

- Это всего-навсего слухи. Не придавайте им большого значения. Мне что-то не верится, чтобы Джордж был так глуп. Ну, мне пора к жене. До свидания.

И смущенно кивнув, мистер Бартер удалился через ту же дверь, через которую он вошел.

Сквайр окаменел.

Игрок!

Для мистера Пендайса, чье существование замкнулось в Уорстед Скайнесе, чьи помыслы были прямо или косвенно связаны только с поместьем, чей сын был всего лишь претендент на место, которое со временем покинет он, чья религия - почитание предков, для мистера Пендайса, которого при мысли о переменах бросало в дрожь, не было страшнее слова, чем слово "игрок"!

Он не понимал, что его система взглядов и была виновницей поведения Джорджа. Он говорил тогда Парамору: "У меня нет системы; я не верю ни в какие системы". Он просто растил сына джентльменом. Было бы лучше, если бы Джордж пошел в гвардию, но он провалился на экзамене; было бы лучше, если бы Джордж занялся поместьем, женился, родил сына, а не прожигал жизнь в Лондоне, - но Джордж оказался неспособным и на это! Он помог ему поступить в территориальный полк и в Клуб стоиков - что еще он мог дать сыну, чтобы уберечь его от беды? И вот он... игрок!..

Игравший один раз будет играть всегда!

И в лицо жене, глядевшей на него со стены, он зло бросил:

- Это в нем от тебя!

Но портрет ответил ему кротким взглядом.

Круто повернувшись, он вышел из комнаты. Спаньель Джон, не поспевший за хозяином, сел подле захлопнувшейся двери, стараясь носом уловить приближение кого-нибудь, кто вызволил бы его отсюда.

Мистер Пендайс прошел в кабинет, отперев ящик бюро, вынул какие-то документы и долго просматривал их. Это были: его завещание, список угодий Уорстед Скайнеса, с указанием размеров и получаемой арендной платы, затем копия документа, определявшего порядок наследования поместья. На этот последний документ, заключавший в себе самую горькую иронию, мистер Пендайс смотрел долее всего. Он не стал перечитывать бумагу, он думал: "И я не имею права уничтожить это! Так сказал мне Парамор! Игрок!"

Тупая косность, свойственная всем людям этого непонятного мира, а сквайру еще в большей степени, чем остальным, - это не качество характера, а скорее проявление инстинктивного страха перед тем, что тебе чуждо, инстинктивного отвращения к чужим взглядам, инстинктивной веры в силу традиции. А у сквайра к этому еще добавлялось самое его глубокое и достойное качество - умение принимать решения. Эти решения могли быть тупы и нелепы, могли доставлять ему и окружающим ненужные страдания, могли не иметь никакого нравственного и разумного оправдания, и тем не менее он умел принимать их и не отступать от них ни на йоту. Благодаря этому качеству он по-прежнему был тем, чем был столетия назад и чем надеялся остаться до скончания века. Это было в его крови. Единственно благодаря этому он мог противостоять разрушительной силе времени, ополчившейся против него, против его сословия, против наследственного принципа. Единственно благодаря этому он мог передать своему сыну все, что ему было самому завещано его предками. И теперь он глядел со злобой и негодованием на документ, который узаконивал эту передачу.

Люди, задумывающие великие дела, не всегда претворяют их в жизнь так легко и тайно, как этого им хотелось бы. Мистер Пендайс пошел в спальню с намерением не посвящать жену в свои планы. Миссис Пендайс спала. Появление сквайра разбудило ее, но она лежала, не шелохнувшись, с закрытыми глазами. Вид этого спокойствия, когда сам он был так расстроен, исторг из его груди слова:

- Ты знала, что Джордж - игрок?

Огонек свечи над серебряным подсвечником в руке Пендайса играл в темных, неожиданно оживших глазах его жены.

- Он ставил бог знает какие деньги! Он продал свою лошадь! Он никогда не расстался бы с ней, не будь его дела плохи. Не удивлюсь, если его имя вывешено на ипподроме в списке несостоятельных должников.

Одеяло зашевелилось, словно миссис Пендайс порывалась вскочить. Но затем раздался ее голос - спокойный и мягкий.

- Все молодые люди играют, Хорэс. Тебе должно быть это известно!

Сквайр, стоявший в ногах кровати, поднял свечу, пламя колыхнулось, и в этом движении было что-то зловещее, как будто он спрашивал:

- Ты защищаешь его? Бросаешь мне вызов?

Вцепившись в спинку кровати, он закричал:

- Я не потерплю в своей семье игрока и мота! Я не могу рисковать помещьем!

Миссис Пендайс села и несколько секунд смотрела на мужа, не отрываясь. Сердце ее бешено колотилось. Вот оно, началось! То, что она ожидала в тревоге все эти дни, началось! Ее побледневшие губы произнесли:

- О чем ты говоришь? Я не понимаю, Хорэс!

Глаза мистера Пендайса перебежали с предмета на предмет, как будто искали чего-то.

- Это последняя капля, - проговорил наконец он. - Полумерами здесь не поможешь. Покуда он не порвет с этой женщиной, покуда он не бросит играть, покуда... покуда не обрушатся небеса, он мне больше не сын!

Марджори Пендайс, у которой душа трепетала сейчас, как до предела натянутая струна, слова "покуда не обрушатся небеса" показались страшнее всего. В устах ее мужа, с которых не слетала ни одна метафора, которые никогда не произнесли того, что не было бы простым и понятным, никогда не преступали многочисленных табу его сословия, эти слова приобретали особенно грозный и чреватый последствиями смысл.

Он продолжал:

- Я воспитывал его так, как воспитывали меня. И я никогда не думал, что он вырастет негодяем!

Сердце у миссис Пендайс перестало трепетать.

- Как можешь ты так говорить, Хорэс! - воскликнула она.

Сквайр, отпустив спинку кровати, начал ходить по комнате. В абсолютной тишине, царившей в доме, его шаги звучали особенно зловеще.

- Я решил, - сказал он. - Поместье...

И тут миссис Пендайс перестала сдерживаться:

- Ты говоришь о том, как воспитывал Джорджа! Ты... ты никогда его не понимал. Ты никогда ни в чем не помог ему! Он просто рос себе и рос, как вы все росли здесь в этом... - Она не могла найти подходящего слова, потому что и сама не понимала, обо что слепо бились крылья ее души. - Ты никогда не любил его, как любила его я. Какое мне дело до твоего поместья? Я была бы рада, если бы его продали. Ты думаешь, мне нравится здесь жить? Ты думаешь, это мне когда-нибудь нравилось? Ты думаешь, я когда-нибудь... - Но она не докончила: "любила тебя"? Мой сын - негодяй? А сколько раз ты, посмеиваясь, качал головой и говорил: "Молодость должна перебеситься!" Ты думаешь, я не знаю, что бы вы все делали, если бы только смели! Ты думаешь, я не знаю, о чем вы, мужчины, говорите между собой! Играть... ты тоже играл бы, если бы не боялся. А теперь, когда Джорджу трудно...

Этот бурный поток слов так же внезапно прекратился, как и начался.

Мистер Пендайс вернулся к кровати и опять вцепился в спинку, и спокойное пламя свечи озарило лица, искаженные гневом до такой степени, что муж и жена не узнавали друг друга. На его худой коричневой шее, между разошедшихся кончиков туго накрахмаленного воротничка билась жилка. Он проговорил, запинаясь:

- Ты... ты совсем сошла с ума. Мой отец поступил бы так же, отец моего отца поступил бы так же! Ты что думаешь, я позволю пустить имение по ветру? Потерплю у себя в доме эту женщину? Ее сына-ублюдка - ведь он будет почти что ублюдок... Ты... ты еще не знаешь меня!

Последние слова он не сказал, а проворчал сквозь зубы, как рассерженный пес. Миссис Пендайс вся подобралась, будто готовилась к прыжку.

- Если ты откажешься от сына, я уйду к нему и никогда не вернусь!

Руки мистера Пендайса разжались. Спокойный, ровный, яркий огонь свечи озарял его лицо, и было видно, как поползла вниз нижняя челюсть. Он злобно стиснул зубы и, отвернувшись, резко сказал:

- Не болтай глупости!

Затем, схватив свечу, ушел к себе в туалетную.

Первое его ощущение было довольно простым: в нем возмутилось чувство благовоспитанности, как бывает при виде грубейшего нарушения приличий.

"Какой бес, - подумал он, - сидит в женщинах! Пожалуй, я лягу здесь, пусть это послужит ей хорошим уроком".

Он посмотрел вокруг себя. Спать было не на чем: не было даже дивана, и, взяв свечу, он пошел к двери. Но чувство неприкаянности и одиночества, взявшееся неизвестно откуда, заставило его в нерешительности остановиться у окна.

Молодой месяц, стоявший уже высоко, бросал бледный свет на его неподвижную, худую фигуру, и было страшно видеть, какой он весь серый серый от головы до ног; серый, печальный и постаревший: итог всех живших до него здесь сквайров, которые из этого же окна обозревали когда-то свои земли, подернутые лунным инеем. На лужайке он заметил своего старого охотничьего жеребца Боба, который стоял, повернув морду к дому. Сквайр тяжело вздохнул.

И, словно в ответ на этот вздох за дверью, как будто что-то упало. Сквайр отворил дверь, чтобы узнать, что там такое. Спаньель Джон, лежа на голубой подушке, головой к стене, сонно посмотрел на хозяина.

"Это я, хозяин, - казалось говорил он. - Уже поздно, и я совсем засыпал. Но все-таки я счастлив еще раз увидеть тебя, хозяин". - И, прикрыв глаза от света длинным черным ухом, он протяжно вздохнул. Мистер Пендайс затворил дверь. Он совсем забыл о своем псе. Но теперь, поглядев на своего преданного друга, он точно вновь обрел веру во все, чем жил, над чем простиралась его власть, что составляло его "я". Он отворил дверь спальни и лег подле жены. Скоро он уже спал.

* ЧАСТЬ III *

ГЛАВА I

ОДИССЕЯ МИССИС ПЕНДАЙС

А миссис Пендайс не спала. Благодатное снотворное - долгий день, полный трудов на фермах и в поле, смежил веки ее мужа; но у нее не было этого спасительного снотворного. Глаза ее были раскрыты, и в них обнажилось все, что было в ее душе святого, заповедного, сокрытого от всех... Если бы кто-нибудь мог заглянуть в ее глаза этой ночью! Но будь ночной мрак светом, в ее взгляде нельзя было бы прочесть ничего, ибо еще более святым и могущественным был в ней инстинкт истинной леди. Этот тонкий, гибкий, сотканный из заботы о других и о себе, этот древний, очень древний инстинкт, подобно невидимой кольчуге, надежно охранял душу миссис Пендайс от чужих глаз. Какой густой должна быть ночная темь, чтобы она решилась сбросить эту кольчугу!

Чуть забрезжило утро, миссис Пендайс снова надела ее и, тихонько встав с постели, долго тайком отмывала холодной водой глаза, которые, казалось ей, всю ночь палило огнем. Затем подошла к открытому окну и выплянула. Только-только занялся рассвет, птицы пели свои утренние песни. В саду на цветах лежала сеть из сизых капель росы; деревья стояли сизые от тумана. Старый конь, призрачный, нереальный, положив морду на изгородь, досыпал последний, утренний сон.

Ласковый утренний ветерок обвевал ее лицо, бился в оборках белого пеньюара на груди, словно птица, принося с собой образы всего, что было дорого и ненавистно ее сердцу.

Птицы угомонились, и в наступившей тишине взошел золотой диск солнца, иронически оглядывая мир, и все вокруг вспыхнуло яркими красками. Слабый огонек затлел в душе миссис Пендайс, долгие часы изнывавшей под бременем! принятого решения, - для ее кроткой души, не привыкшей действовать, съеживающейся от грубого прикосновения, принятое решение было источником боли. Очень горькое, даже мучительное, поскольку обязывало ее действовать, оно, однако, не ослабело в ней, а сияло, подобно путеводной звезде, среди мрака и грозных туч. В жилах Марджори Пендайс (урожденной Тоттеридж) не было "и капли злопамятной и бурной "плебейской крови", ни капли пива или эля, будящих ярость и досаду; в них струился чистейший кларет. В ее душе не было ни злобы, ни гнева, которые укрепили бы ее решимость. Для выполнения задуманного ей

могло помочь лишь легкое, чистое пламя, горевшее так глубоко в ее сердце, что оно почти не грело, хотя и задуть его было невозможно. Она не говорила себе: "Я не хочу, чтобы мной помыкали". Ее чувства можно было бы выразить словами: "Никому не дано помыкать мной, ибо, если это случится, вместе со мной погибнет и то, что есть во мне, что выше и важнее меня". И хотя она даже не подозревала, что это было такое, но это и был самый дух английской цивилизации, суть которого заключается в словах: "Кротость и душевное равновесие". Все грубое было настолько чуждо ей, что она не была способна ни ссориться из-за пустяков, ни делать из мухи слона, ни лгать, ни преувеличивать; и теперь она, сама того не сознавая, решилась действовать не раньше и не позже, чем было необходимо, - и ничто уже не могло заставить ее отступить. Сейчас в ней говорила уже не только материнская любовь, а самое глубокое в нас чувство - уважение к собственному "я", которое требует: "Поступи так-то, или ты предашь собственную душу".

И теперь, тихонько подойдя к постели, она глядела на спящего мужа, которого решила покинуть, без злобы, без укора, долгим, спокойным взглядом, значение которого и сама не могла бы объяснить.

И когда утро окончательно вступило в свои права и все в доме поднялись, она ни словом, ни поступком, ни жестом не выдала, что созрело в ее душе за эту ночь: Принятое решение исполнялось как нечто вполне обычное, как будто она поступала так всякий день. Она не заставляла себя казаться спокойной, не гордилась втайне сознанием своей смелости; ею руководило инстинктивное желание избежать сцен и ненужных страданий, которое было у нее в крови.

Мистер Пендайс вышел из дому в половине одиннадцатого в сопровождении управляющего и спаньеля Джона. Он не мог и предположить, что его жена накануне ночью говорила серьезно. Одеваясь, он повторил ей, что больше знать не желает сына, что вымарает его имя из завещания, что самыми крутыми мерами сломит его упорство, - короче, он дал ей понять, что и не думает отступить от своего решения. С его стороны было бы просто глупо предполагать, что женщина, а тем более его жена, способна так же упорствовать в своих намерениях.

Первую половину утра миссис Пендайс провела в обычных занятиях. Через полчаса после ухода сквайра она приказала подать

карету, снести в нее два чемодана, которые собственноручно уложила, и, держа в руке свою зеленую сумку, неторопливо села. Горничной, дворецкому Батлеру и кучеру Бексону она объяснила, что едет проведать мистера Джорджа. Нора и Би гостили у Тарпов, так что прощаться было не с кем, кроме старого скай-терьера Роя; и чтобы это расставание не было очень горьким, Роя она взяла с собой на станцию.

Мужу миссис Пендайс оставила коротенькое письмо, положив его туда, где, она знала, он тотчас увидит его, а другие не увидят совсем.

"Дорогой Хорэс!

Я уезжаю в Лондон, к Джорджу. Остановлюсь в гостинице Грина на Бонд-стрит. Ты, вероятно, помнишь мои вчерашние слова. Возможно, ты не понял, что я говорила серьезно. Присмотри, пожалуйста, за бедняжкой Роем и не позволяй давать ему слишком много мяса в такую жару... Джекмен лучше Эллиса знает, какого ухода в этом году требуют розы. Сообщи мне о здоровье Розы Бартер. Пожалуйста, не беспокойся обо мне. Джералду я напишу позже сама, но сейчас ни ему, ни девочкам писать не могу.

До свидания, дорогой Хорэс, мне очень жаль, если я огорчила тебя.

Твоя жена Марджори Пендайс."

Как просто и спокойно миссис Пендайс оставила дом, так же просто и спокойно объяснила она себе этот шаг. Для нее это было не бегство из дому, не вызов мужу: она не скрывала адреса, не восклицала мелодраматически: "Я никогда больше не вернусь!" Подобный шантаж с наведенным пистолетом был не в ее духе. Практические детали, вроде того, какими средствами она теперь располагает, остались необдуманно; но и здесь, в еточ* ке зрения, вернее, в отсутствии всякой точки зрения на этот предмет, проявилась независимость ее взгляда. Хорэс не позволит, чтобы она голодала. Этого даже нель* зя себе представить. К тому же у нее было своих триста фунтов в год. Правда, она не имела понятия, много это или мало и куда они помещены. Впрочем, это ее нимало не беспокоило, она говорила себе: "Я буду счастлива и в хижине с моими цветами и Роем", - и, хотя ей никогда не приходилось жить в хижине, возможно, она была права. Все, что другим доставалось за деньги,

Тоттериджам шло само собой, а если и не шло, они великолепно умели обходиться малым это их качество, это умение черпать сокровища в собственной душе впитывалось в их кровь в течение столетий.

Однако из кареты на перрон миссис Пендайс прошла быстрым шагом, опустив голову. Старый скай-терьер, оставленный на сиденье в карете, смотрел из окна на хозяйку и, чувствуя в сердце какое-то щемление, а на носу слезы, капнувшие не из его глаз, понял, что это было не обычное расставание, и жалобно повизгивал за стеклом.

Миссис Пендайс велела извозчику отвезти себя в гостиницу Грина. И только войдя в свой номер, разместив вещи, умывшись и пообедав, она ощутила смущение и тоску по дому. Раньше новизна переживаний какое-то время отвлекала ее от мыслей о том, что делать дальше и как обернутся все ее мечты, надежды и чаяния. Захватив с собой зонтик от солнца, она вышла на Бонд-стрит. Проходивший мимо мужчина снял шляпу.

"Ах, боже мой, - подумала она, - кто бы это мог быть? А, верно, знакомый!"

У нее была плохая память на лица, но, хотя она не могла припомнить имени поздоровавшегося, она сразу почувствовала себя уверенней, не такой одинокой и брошенной на произвол судьбы. Скоро глаза ее оживленно заблестели при виде дамских туалетов, и витрины магазинов все больше и больше захватывали ее внимание. Марджори Пендайс охватила радость, подобная той, что наполняет сердце молоденькой девушки, впервые выехавшей на бал, или сердце моряка, вступившего на неведомую землю. Восхитительно открывать новое, бросать вызов неизвестному и знать, что эта прекрасная жизнь будет длиться всегда, - это радостное чувство несло ее как на крыльях в этот яркий июньский день среди веселой лондонской суеты. Она прошла мимо парфюмерной лавки и подумала: "Какой прелестный аромат!" У следующих дверей она остановилась, любуясь дивными кружевами, и, хотя мысленно твердила себе: "Я не должна ничего покупать. Все мои деньги принадлежат Джорджу", - радость ее не становилась меньше, и у нее было такое чувство, будто все эти прелестные вещи принадлежат ей.

В следующем окне она увидела афишу, театры, концерты, опера - и целую галерею портретов известных актеров и певцов. Она глядела с

восторгом, который мог бы показаться смешным со стороны. Неужели все это каждый день и весь день можно смотреть и слушать за несколько шиллингов! Каждый год непременно - так было заведено - она один раз бывала в опере, два раза в театре и ни разу в концерте: ее муж не любил "классической" музыки. Пока она стояла у афиши, к ней подошла утомленная, измученная жарой нищая с ребенком на руках, сморщенным и совсем крохотным Миссис Пендайс вынула из кошелька полкроны, подала, и вдруг ее охватила чуть ли не ярость.

"Бедный малютка! - думала она. - И, наверное, таких несчастных тысячи, а я-то жила и ничего не знала об их судьбе!"

Она улыбнулась женщине, та улыбнулась ей в ответ. И толстый юноша-еврей, стоявший в дверях магазина, заметив, как женщины улыбнулись друг другу, тоже улыбнулся, точно они ему чем-то понравились. Миссис Пендайс чувствовала себя так, будто весь город старается сделать ей приятное, и это было непривычно и радостно, ибо Уорстед Скайнес все тридцать лет ни разу не был любезен к ней. Она взглянула на витрину магазина шляп и порадовалась собственному отражению: светлый легкий костюм, отделанный узорами из черной бархатной тесьмы и гипюром, хотя и был сшит два года назад, выглядит очень мило, но и то сказать, в прошлом году она надевала его всего раз: она тогда носила траур по бедному Губерту. Оконное стекло польстило и ее щекам, и ласково блестевшим глазам, и ее темным, чуть посеребренным волосам. И она подумала: "Я совсем еще не старая!" Только ее шляпка, отраженная в стекле, вызвала у нее некоторое неудовольствие. Поля ее кругом загибались вниз, и, хотя миссис Пендайс любила этот фасон, теперь он показался ей старомодным. И она долго стояла у окна магазина, мысленно примеряя выставленные шляпки и стараясь убедить себя, что все они пойдут ей и что все они премиленькие, хотя они ей вовсе не нравились. Заглядывалась она и на окна других магазинов. Уже год она не видала лондонских улиц и за тридцать четыре года ни разу не ходила по этим улицам, мимо этих магазинов одна, а не в обществе мистера Пендайса или дочерей, которые не любили делать покупки.

И люди были другие, не такие, какими она видала их, идя с Хорэсом или девочками. Почти все были ей симпатичны, у всех была какая-то особая, интересная жизнь, к которой она, миссис Пендайс, оказалась странным, необъяснимым образом причастна. Как будто с

каждым она могла в ту же секунду познакомиться, как будто эти люди тут же раскрыли бы ей свою душу и даже стали слушать прямо на улице с добрым интересом ее собственное повествование. Марджори Пендайс это было странно, и она приветливо улыбалась, так что все, кто видел эту улыбку, - продавщица из магазина, светская дама, извозчик, полицейский или завсегдатай клуба - ощущали вдруг тепло в сердце. Было приятно видеть, как улыбается эта уже немолодая женщина, у которой посеребренные, поднятые надо лбом волосы и шляпка с опущенными полями.

Миссис Пендайс вышла на Пикадилли и свернула направо, в сторону клуба Джорджа. Она хорошо знала этот дом, потому что всякий раз, проезжая мимо, не упускала случая взглянуть на окна, а в юбилей королевы Виктории провела в нем весь день, чтобы посмотреть процессию.

По мере того как она приближалась к клубу, ее все сильнее бил лихорадка. Хотя она в отличие от Хорэса и не мучила себя предположениями, как все обернется, но тревога все-таки свила себе гнездо в ее сердце.

Джорджа в клубе не оказалось, и швейцар не знал его нового адреса. Миссис Пендайс стояла в растерянности. Она была матерью Джорджа, - как же могла она спросить его адрес? Швейцар почтительно ожидал: он с первого взгляда признал в этой женщине настоящую леди. Наконец миссис Пендайс проговорила спокойно:

- Нет ли у вас комнаты, где бы можно было написать ему письмо или, быть может...

- Конечно, есть, сударыня. Я провожу вас.

И, хотя к сыну пришла всего только его мать, швейцар держался с тем деликатно сочувствующим видом, как если бы он помогал влюбленным; и, возможно, он был прав в своей оценке относительной значимости любви, ибо он хорошо знал жизнь, вращаясь столько лет в самом лучшем обществе.

На листке бумаги, в верхней части которого белыми выпуклыми буквами стояло "Клуб стойков", что было так знакомо по письмам Джорджа, миссис Пендайс написала то, что должна была ему сказать. В маленькой, полутемной комнате было очень тихо, только жужжала бившаяся о стекло большая муха, пригретая солнцем. Стены были темные, мебель старинная. Клуба стойков не коснулось новое

искусство, не было в нем и пышной роскоши, обязательной для буржуазных клубов. Комната, предназначенная для любителей писать, как будто вздыхала: "Мною так редко пользуются, но почувствуйте себя тут, как дома; в любой усадьбе есть такой же тихий уголок".

И все-таки немало стойков сиживало здесь над письмами к своим возлюбленным. Возможно, на этом самом месте, этим самым пером писал Джордж Элин Белью, и сердце миссис Пендайс ревниво сжалось.

"Дорогой Джордж! (писала миссис Пендайс.) Мне надо поговорить с тобой об очень важном деле. Приходи в гостиницу Грина, милый, и поскорее. Мне будет очень тоскливо и грустно, пока мы не увидимся.

Любящая тебя Марджори Пендайс."

Такое письмо она послала бы своему возлюбленному, да оно и вышло таким потому, что у нее никогда не было возлюбленного, кому бы она могла написать так.

Она застенчиво улыбнулась, опустила письмо и полкроны в руку швейцара, отказалась от чашки чая и неторопливо пошла в сторону Хайд-парка.

Было пять часов пополудни; солнце ярко светило. Экипажи и пешеходы нескончаемым, ленивым потоком вливались в Хайд-парк. Миссис Пендайс тоже вошла в парк, немного робея: она не привыкла к такому стремительному движению, - перешла на другую сторону аллеи и села на скамью. Может быть, и Джордж был сейчас в парке, и она вдруг увидит его; может, здесь и Элин Белью, и она увидит сейчас и ее. Сердце миссис Пендайс заколотилось, а глаза под удивленно приподнятыми бровями ласково оглядывали каждую проходящую фигуру: старика, юношу, светскую даму, молоденьких румяных девушек. Как они все прелестны! Как мило одеты! Зависть смешалась с удовольствием, которое рождалось в ней всегда при виде прекрасного. И миссис Пендайс не подозревала, как прелестна была сейчас сама в этой старомодной шляпке с полями вниз.

Но куда она сидела так, ее сердце наливалось тяжестью, и всякий раз, когда мимо нее проходил кто-нибудь из знакомых, ее охватывала нервная дрожь. Ответив на приветствие, она мучительно краснела, опускала голову, а слабая улыбка, казалось, говорила: "Я знаю, я веду себя непозволительно. Я не должна здесь сидеть одна".

Вдруг она почувствовала себя совсем старой; и в этой веселой толпе, в центре бурлящей жизни, в ярком солнечном блеске она испытала такое горькое одиночество, почти отчаяние, такую неприкаянность, как будто весь мир отрекся от нее; и она показалась себе деревцем из ее сада, вытащенным из родной почвы с голыми, жалкими корнями, жадно ищущими земли. Она поняла, что чересчур долго была привязана к месту, которое осталось для нее чужим, и была слишком стара, чтобы вынести пересадку. Привычка - это грузное, бескрылое чудовище, рожденное временем и местом, опутало ее своими щупальцами, сделало ее своей госпожой и не отпускало.

ГЛАВА II

СЫН И МАТЬ

Стать членом Клуба стойков труднее, чем верблюду пролезть сквозь игольное ушко, если человек не принадлежит к одному из древних английских родов; ибо если ему приходится в поте лица добывать хлеб, то он не может быть избранным; а поскольку первый параграф устава говорит, что члену клуба полагается пребывать в безделье, то и значит, что хлеб для него должен быть запасен его предками, и чем длиннее ряд этих предков, тем большая вероятность, что он не получит черных шаров.

А не будучи "стойком", невозможно приобрести привычку внешнего самоконтроля, который прикрывает полнейшее отсутствие контроля внутреннего. Поистине этот клуб - замечательный пример того, как по милости природы лекарство в случае болезни оказывается всегда под рукой. Ибо, зная, что Джордж Пендайс и десятки подобных ему молодых людей никогда не сталкивались с тяготами и невзгодами жизни, и боясь, как бы они, если вдруг жизнь, верная своему легкомысленному и насмешливому нраву, заставит их соприкоснуться со своими сторонами, отдающими дурным тоном, не стали слишком уж докучать окружающие воплями изумления и ужаса. Природа придумала маску и самый лучший образец ее слепила под сводами Клуба стойков. Она надела эту маску на лица тех молодых людей, в чьей душевной выносливости сомневалась, и назвала их джентльменами. И когда она слышала из-под масок их жалобные стоны, всякий раз, как они попадали под ноги неповоротливой и неразборчивой госпожи Жизни, она жалела их, ибо знала, что в этом нет их вины, а дело все в сложившейся без разумного вмешательства

системе, которая и сделала их такими, какие они есть. И жалея их, наделяла большинство самодовольством, упрямством и толстой кожей, так, чтобы они, попав на проторенную дорогу своих отцов и дедов, до самой гробовой доски могли спокойно прозябать в тех самых стенах, где прозябали их отцы до своего смертного часа. Но иногда Природа (не будучи социалисткой) взмахивала крыльями и выпускала вздох, боясь, как бы крайности и несообразности их систем не породили крайностей и несообразностей противоположного толка. Ибо всякие излишества были противны Природе, а то, что мистер Парамор так неизящно назвал "пендайсицитом", вызывало в ней просто ужас.

Может статься, что сходство между отцом и сыном будет долгие годы таиться под спудом, и только когда сила времени начнет угрожать звеньям связывающей их цепи, сходство это обнаружится и - такова уж ирония судьбы станет основным фактором, подрывающим основы наследственного принципа, являясь вместе с тем и самым веским его оправданием, хотя и не облеченным в слова.

Несомненно, ни Джордж, ни его отец не представляли себе, как глубоко пустил корни "пендайсицит" в душе каждого, не подозревали даже в самих себе этого бульдожьего упрямства, этой решимости не сворачивать с раз принятого пути, хотя бы он и был чреват множеством ненужных страданий. И причиняли бы они эти страдания вполне бессознательно. Они просто поступали, как подсказывала им привычка, укоренившаяся вследствие ослабленной деятельности разума, а также оттого, что на протяжении поколений в этом узком кругу, чей девиз: "Я владыка своей навозной кучи!", - браки заключались только в пределах этого круга. И вот Джордж, опровергая убеждения матери, что в жилах его течет кровь Тоттериджей, выступил на этот раз в доспехах отца. Ибо Тоттериджи - Джордж в этом отношении все больше и больше, стал приближаться к отцовской линии - имели более независимый и широкий взгляд на вещи. Что касается Пендайсов, то они исстари были "сельскими помещиками", и оставались такими всегда, без каких-либо романтических отклонений.

Подобно бесчисленному множеству семей, Пендайсы, замкнувшись в круг традиций, стали силой необходимости провинциалами до мозга костей.

Джордж - образец светского человека - поднял бы брови, если бы его назвали провинциалом, но сколько бы он ни поднимал бровей, своей природы ему не удалось бы переделать. Провинциализм проявился в нем, когда он, успев надоесть миссис Белью, стал удерживать ее, тогда как из уважения к ней и из чувства собственного достоинства он должен был бы дать ей свободу. А он более двух месяцев удерживал ее. Но все-таки он заслуживал снисхождения. Муки его сердца были нестерпимы; он был глубоко уязвлен страстью и доводящим до бешенства подозрением, что его, именно его, как старую перчатку, швырнули прочь за ненадобностью. Женщины надоедают мужчинам - это в порядке вещей. Но тут!.. Его природное упрямства сколько могло сопротивлялось истине, и даже теперь, когда сомнений уже быть не могло, он продолжал упорствовать. Он был стопроцентный Пендайс.

В обществе, однако, он вел себя как прежде. Приезжал в клуб к десяти, завтракал, читал спортивные газеты. В полдень извозчик отвозил его на вокзал, с которого шли поезда к месту очередных скачек, или же он ехал играть в крикет или в теннис. В половине седьмого он поднимался по лестнице своего клуба в ту карточную комнату, где все еще висел его портрет, говорящий, казалось: "Нелегко, нелегко, но положение обязывает!" В восемь он обедал, пил шампанское, остуженное льдом; его лицо было красным от целого дня на солнце, волосы и крахмальная манишка глянцево сияли. Не было счастливее человека во всем Лондоне!

Но с наступлением сумерек вращающаяся дверь выпускала его на освещенные улицы, и до следующего утра общество больше его не видело. Вот когда он брал реванш за весь долгий день, приведенный в маску. Он ходил и ходил по улицам, стараясь довести себя до изнеможения, или сворачивал в Хайд-парк и садился на скамью где-нибудь в черной тени деревьев, и сидел так, сложив руки и опустив голову. В другой раз он заходил в какой-нибудь мюзик-холл и там в ярком свете, оглушенный вульгарным хохотом, запахами косметики, он силился на миг забыть образ, смех, аромат той, к которой его так властно влекло. И все время он ревновал глухой безотчетной ревностью к тому, другому, ибо не в его натуре было думать отвлеченно; к тому же он не мог представить себе, чтобы женщина ушла от него просто так, не найдя себе другого. Часто он подходил к

ее дому и кружил, кружил возле, поглядывая украдкой на ее окно. Дважды он подходил к самой двери, но так и не решился позвонить. Как-то вечером, увидев в окне ее гостиной свет, он все-таки позвонил, но ему не открыли. Тогда словно злой дух вселился в него, и он бешено задергал колокольчик. Потом пошел к себе - он жил теперь в студии, которую снял неподалеку, - и сел писать к ней. Он долго мучился над письмом и порвал несколько листков. Джордж не любил высказывать свои чувства на бумаге. Он оттого только взялся за перо, что должен был излить свое сердце. В конце концов вот что у него получилось:

"Я знаю, сегодня вечером ты была дома. Это первый раз, когда я решил зайти к тебе. Почему ты не открыла мне? Ты не имеешь права так обходиться со мной. Ты обратила мою жизнь в ад.

Джордж"

Первый утренний свет подернул серебром мглу над рекой, и огни фонарей стали бледнеть, когда Джордж вышел из дому, чтобы опустить свое послание. Он пошел к реке, лег на пустую скамью под каштаном. Какой-то бродяга, не имеющий угла и ночующий здесь каждую ночь, приблизился неслышно и долго его разглядывал.

Но вот наступило утро и принесло с собой страх показаться смешным спасительное чувство для всех страдальцев. Джордж встал, боясь, как бы кто не увидел "стойка" лежащим здесь во фраке; а когда подошел обычный час, он надел на лицо привычную маску и отправился в клуб. Там ему отдали письмо матери, и он без промедления поехал к ней.

Миссис Пендайс еще не спускалась к завтраку и пригласила сына к себе. Когда он вошел, она стояла посреди комбаты в утреннем капотике с растерянным видом, как будто не зная, как вести себя. И только когда Джордж был уже совсем рядом, она бросилась к нему и обняла его. Джордж не видел ее лица, и его лицо было скрыто от нее, но сквозь легкую ткань он почувствовал, как все ее существо рвется к нему, а руки, оттягивавшие книзу его голову, дрожат, и горе, душившее его, вдруг ослабло. Но только на миг, ибо уже в следующую секунду эти судорожно сцепленные у него на шее руки возбудили в нем какое-то беспокойство. Хотя миссис Пендайс улыбалась, но в ее глазах блестели слезы, и это его оскорбило.

- Не надо, мама!

Миссис Пендайс в ответ только подняла на него глаза. Джордж не выдержал ее взгляда и отвернулся.

- Ну, - сказал он грубовато, - объясни мне, что заставило тебя...

Миссис Пендайс села на диван. Перед его приходом она расчесывала тронутые серебром волосы, - они все еще были густы и шелковисты. Эти волосы, раскинутые по плечам, поразили Джорджа. Ему как-то не приходило в голову, что волосы его матери не навсегда уложены в прическу.

Сидя рядом с ней на диване, он чувствовал, как ее пальцы гладят его руку, прося его не сердиться и не уходить. Чувствовал, что ее глаза ловят его взгляд, видел, как дрожат ее губы, но не мог согнать со своего лица почти злобной усмешки.

- Ну вот, дорогой, я и... - она запнулась, - я и сказала твоему отцу, что не могу примириться с его решением, и приехала к тебе.

Многие сыновья принимают как должное все, что их матери делают для них, считают материнскую преданность само собой разумеющейся и не чувствуют себя обязанными выказывать собственную любовь; и в то же время большинство сыновей глубоко возмущает, если их матери хотя бы на дюйм отступаются от светских правил, хотя бы на волосок отклоняются от норм поведения, подобающего матерям столь важных особ.

Так уж устроено, что родовые муки матери прекращаются только с ее смертью.

И Джордж был шокирован, услышав из уст матери, что она ради него покинула его отца. Это признание уязвило его уважение к себе. Мысль, что его мать станет предметом всеобщих толков, оскорбляла его мужское достоинство и понятие о приличии. Происшедшее казалось невероятным, непостижимым и абсолютно недопустимым. Одновременно в его сознании возникла другая мысль: "Она хочет поставить на своем... чтобы я обещал..."

- Если ты думаешь, мама, - начал он, - что я откажусь от нее...

Пальцы миссис Пендайс судорожно сплелись.

- Нет, дорогой, - проговорила она с трудом, - если она так тебя любит, разве я могу просить об этом. Поэтому я и...

Джордж зло усмехнулся.

- Зачем же ты приехала? Чему ты можешь помочь? Как ты будешь жить здесь совсем одна? Я сам справлюсь со всем. Поезжай лучше

домой.

Миссис Пендайс прервала его:

- О нет, Джордж, я не перенесу, чтобы ты был оторван от нас. Я должна быть с тобой!

Джордж чувствовал, что она вся дрожит. Он встал и подошел к окну. Голос миссис Пендайс говорил за его спиной:

- Я не стану требовать, чтобы ты расстался с ней, Джордж, я обещаю это, дорогой. Разве я могу, если вы так любите друг друга!

Опять Джордж зло усмехнулся. Сознание того, что он обманывает ее и вынужден обманывать дальше, еще больше его ожесточило.

- Возвращайся домой, мама! - сказал он. - Ты только все испортишь. Это не женское дело. Пусть отец поступает, как ему вздумается. Я сумею прожить один. Миссис Пендайс не отвечала, и он вынужден был обернуться. Она сидела без движения, опустив руки на колени, и то чисто мужское раздражение, которое вызывала в нем попавшая в двусмысленное положение женщина, усилилось во сто крат: ведь речь шла о его матери!

- Возвращайся, - повторил он, - пока не стали говорить! Ну чем ты можешь помочь? Ты не можешь покинуть отца - это нелепо! Ты должна вернуться домой!

- Но я не могу этого сделать, дорогой, - ответила миссис Пендайс.

Джордж даже простонал от гнева; но его мать сидела так неподвижно, была так бледна, что он вдруг смутно ощутил, как, должно быть, она страдает сейчас, и понял, что совсем не знал ту, что дала ему жизнь.

Наконец миссис Пендайс нарушила молчание:

- Но как же ты, Джордж, милый? Что будет с тобой дальше? Как ты будешь жить? - И вдруг, стиснув руки, она беспомощно воскликнула: - Чем все это кончится?

И Джордж не выдержал: в этих словах выразилось все, чем он терзался так долго. Он резко повернулся и пошел к двери.

- У меня сейчас нет времени, - проговорил он, - я зайду вечером.

Миссис Пендайс подняла глаза.

- О Джордж...

Но она уже давно привыкла подчинять свои желания желаниям других, и, не прибавив более ничего, она только улыбнулась.

Эта улыбка перевернула сердце Джорджа.

- Не расстраивайся так, мама. Все будет хорошо. Мы пойдем с тобой сегодня вечером в театр. Закажи билеты.

И, тоже пытаясь улыбнуться и не глядя на мать, чтобы окончательно не потерять самообладания, он вышел.

В вестибюле он увидел своего дядю, генерала Пендайса. Он стоял к нему спиной, но Джордж тотчас узнал его по слабому дрожанию в коленях, по покатым, но все еще не сутулым плечам, по тону голоса, сухому, недовольному и педантичному, какой бывает у человека, у которого отняли его дело. Генерал обернулся.

- А, Джордж! - сказал он. - Твоя мать остановилась здесь, не так ли? Взгляни, пожалуйста, что я получил от твоего отца.

Он трясущейся рукой протянул телеграмму: "Марджори в гостинице Грина. Немедленно поезжай к ней, Хорэс".

Пока Джордж читал, генерал Пендайс глядел на своего племянника; глаза генерала были обведены темными кругами, под ними набухли мешки, испещренные морщинками, - память о том, что он служил своему отечеству в тропических широтах.

- Что это значит? - спросил он. - "Немедленно поезжай к ней"? Разумеется, я поехал бы: всегда рад повидать твою мать. Только что за спешка?

Джордж хорошо понимал, что отец из гордости не станет писать матери, и хотя она уехала из дому ради него, Джорджа, он сочувствовал отцу. К счастью, генерал не стал долго ждать его ответа.

- Она приехала за новыми туалетами? Давненько я тебя не видал. Когда ты собираешься пообедать со мной? Я слышал в Эпсоме, что ты продал своего жеребца. Что это ты вздумал? И почему вдруг твой отец стал посылать телеграммы? На него это не похоже. Ведь твоя мать не больна?

Джордж отрицательно покачал головой и, пробормотав что-то вроде: "Простите, пожалуйста! Деловое свидание, страшно спешу", - бросился прочь.

Так неожиданно покинутый, генерал подозвал мальчика-рассыльного, медленно вывел что-то карандашом на визитной карточке и стал ожидать, повернувшись спиной к тем, кто был в вестибюле, и опершись на свок> трость. И, ожидая, он изо всех сил старался ни о чем не думать. Кончив служить отечеству, он теперь

только и делал, что ожидал чего-нибудь; мысли же утомляли и расстраивали его, так как у него был однажды солнечный удар и несколько раз лихорадка. Своим безукоризненным воротничком, безукоризненными штiblетами, костюмом, выправкой, своей манерой откашливаться, необычной сухой желтизной лица между аккуратно расчесанными баками, неподвижностью восковых рук, обхвативших набалдашник трости, - всем этим он производил впечатление человека, досуха выжатого системой. И только глаза, беспокойные и упрямые, выдавали в нем истинного Пендайса.

Комкая в руке телеграмму, генерал прошел в дамскую гостиную. Телеграмма мучила его. Было в ней что-то особенное, а он не привык к утренним визитам. Он нашел свою невестку сидящей у окна. Ее лицо было против обыкновения розовое, глаза блестели, и был в них как будто вызов. Она поздоровалась с ним ласково, а генерал Пендайс был не из тех, кто видит дальше своего носа. К счастью, он никогда и не стремился к этому.

- Как поживаете, Марджори? - спросил он. - Рад видеть вас в Лондоне. Что Хорэс? Взгляните, что он прислал мне. - И он протянул ей телеграмму с таким видом, как будто отплачивал за оскорбление, затем, спохватившись, спросил: - Не могу ли я быть чем-нибудь полезен?

Миссис Пендайс прочла телеграмму и как и Джордж, пожалела ее составителя.

- Нет, Чарлз, благодарю, - произнесла она медленно. - Мне ничего не нужно. Хорэс стал волноваться из-за пустяков.

Генерал Пендайс взглянул на невестку, в его глазах что-то дрогнуло, но истинное положение дел было бы так неприемлемо для него и так чуждо его взглядам, что он принял это объяснение.

- Все же ему не следовало бы посылать такой телеграммы, - сказал он. Я было подумал, что вы больны. Это испортило мне завтрак!

Правда, телеграмма не помешала ему окончить обильный завтрак, но сейчас он искренне верил, что испытывает голод.

- Когда мы стояли в Галифаксе, был у нас один офицер, так он слал только телеграммы. Его прозвали Телеграфным Джо. Он командовал "блуботтами". Слыхали о нем? Если Хорэс и дальше поведет себя в том же духе, ему надо будет показаться специалисту:

это может кончиться плохо. Вы, верно, приехали за туалетами? Когда переезжаете в город? Сезон уже начался.

Миссис Пендайс не испытывала страха или неудобства перед братом мужа; хотя он был педантом и привык к безоговорочной покорности подчиненных, людям одного с ним положения он не мог внушать страха. Стало быть, миссис Пендайс не сказала ему правды только потому, что всегда старалась не причинять ненужных страданий, и еще потому, что правду невозможно было высказать словами. Даже ей самой происшедшее казалось немного необычным, а как же ужасно это расстроило бы бедного генерала!

- Не знаю, будем ли мы этот сезон в Лондоне, Сад очень красив, а тут еще и помолвка Би. Девочка так счастлива.

Генерал погладил бакенбарды белой рукой.

- Ах, да, - сказал он, - молодой Тарп! Дайте-ка вспомнить, он ведь не старший сын: его старший брат служит в моем бывшем полку. А чем занимается этот молодой человек?

- Хозяиничает в усадьбе. Думаю, что доходы его невелики. Но он такой милый мальчик. Их помолвка будет долгой. Сельское хозяйство не очень прибыльное занятие, а Хорэс хочет, чтобы у них была тысяча фунтов в год. Многое зависит от мистера Тарпа. Мне кажется, можно прекрасно начинать и с семьюстами фунтами, как, по-вашему, Чарлз?

Ответные слова генерала Пендайса оказались, как всегда, некстати, ибо он отличался тем, что следовал в разговоре собственному ходу мыслей.

- Как поживает Джордж? - спросил он. - Я встретил его в вестибюле, но он мчался куда-то, как на пожар. Мне говорили в Эпсоме, что он проигрался.

Следя за мухой, которая раздражала его, он не заметил, как изменилось лицо его невестки.

- Много проиграл? - переспросила она.

- Говорят, огромную сумму. Это плохо, Марджори, очень плохо. Почему бы и не поставить фунт-другой? Но надо знать меру.

Миссис Пендайс ничего не ответила, ее лицо окаменело, как у женщины, с уст которой готово сорваться: "Не вынуждайте меня намекать, что вы надоели мне".

А генерал все не унимался:

- Сейчас в скачках принимает участие много новых лиц, о которых никто ничего не знает. Например, субъект, купивший у Джорджа его жеребца, В дни моей молодости его близко бы не подпустили к ипподрому. Я теперь не узнаю половины цветов. Это портит все удовольствие. Прежнего избранного круга уже не существует. Джордж должен быть осторожен. Не представляю себе, к чему мы идем!

Вот уже тридцать пять лет по всякому поводу и от многих людей слышала Марджори Пендайс эти слова: "Не представляю себе, к чему мы идем!" И она привыкла к тому, что люди ничего не могут представить себе, как привыкла к основательной еде, к основательному комфорту Уорстед Скайнеса или к утренним туманам и дождям. И только оттого, что нервы ее были натянуты до предела, а сердце разрывалось от боли, эти слова показались ей сегодня невыносимыми. Но привычка была слишком сильна в ней, и она промолчала.

Генерал, которому чужие соображения были не так уж важны, развивал свою мысль:

- Попомните мои слова, Марджори, выборы обернутся против нас. Страна на краю гибели.

Миссис Пендайс сказала:

- Ах, так вы думаете, что либералы победят и в самом деле?

По привычке в ее голосе звучала легкая обеспокоенность, которой она не чувствовала.

- Думаю? - переспросил генерал Пендайс. - Я каждую ночь молю бога, чтобы это им не удалось!

Сжав обеими руками серебряный набалдашник своей пальмовой трости, он вперил взор вверх их в пространство; в его застывшем взгляде было что-то отрешенное, какая-то растерянность и страх, но не только за себя. Под его эгоизмом крылось унаследованное от предков убеждение, что его благополучие является символом и залогом благополучия страны. Миссис Пендайс, видевшая не раз это выражение на лице у мужа, выплянула в окно, откуда доносился шум улицы.

Генерал встал.

- Что ж, Марджори, - сказал он, - если моя помощь вам не нужна, я, пожалуй, пойду. Вас, наверное, ждут ваши портнихи. Кланяйтесь

Хорэсу да скажите ему, чтобы он впредь не посылал мне таких телеграмм.

И с трудом поклонившись, он пожал ей руку с искренним расположением и почтительностью, взял шляпу и вышел. Миссис Пендайс, наблюдая за тем, как он спускался по лестнице, глядя на его покатые плечи и прямую спину, его седые волосы с аккуратным пробором, на его старческие колени, приложила руку к сердцу и вздохнула. Ей почудилось, что вместе с ним уходит вся ее прежняя жизнь и все то, с чем нельзя расстаться без грусти.

ГЛАВА III

МИССИС БЕЛЮ ПЛАТИТ ДОЛГИ

Миссис Белью сидела на кровати, разглаживая пальцами половинки письма. Возле нее стояла шкатулка с драгоценностями. Вынув оттуда аметистовое ожерелье, изумрудный кулон и бриллиантовое кольцо, она обернула их ватой и спрятала в большой конверт. Одну за другой выложила на колени остальные драгоценности и залюбовалась ими. Потом, вернув в шкатулку два кольца и два ожерелья, поместила остальное в маленькую зеленую коробку и, захватив конверт вместе с этой коробкой, вышла из дому. Подозвала извозчика, доехала до почты и отправила такую телеграмму:

"Клуб стойков, Пендайсу.

Будьте в студии от шести до семи. Э."

С почты отправилась в ювелирную лавку, и не один мужчина, завидев ее пылающие щеки и тлеющие отблески в глазах, будто в глубине ее души бушевал пожар, оглядывался на нее, горько сетуя, что не знает, кто она и куда едет. Ювелир взял драгоценности из зеленой коробки, взвесил одну за другой и принялся внимательно разглядывать их в лупу. Он был мал ростом, с желтым, морщинистым лицом и тощей короткой бородой; определив в уме цифру, которую он мог дать, посмотрел на клиентку, собираясь назвать меньшую цифру. Она сидела, подперев подбородок ладонью, устремив на ювелира внимательный взгляд, и он почему-то назвал ей настоящую цифру.

- Это все?

- Да, сударыня, больше я не могу дать.

- Хорошо! Но оплатите мне сейчас, и наличными.

Глаза ювелира замигали.

- Это большие деньги, - сказал он, - и не в наших правилах... Боюсь, у нас в кассе такой суммы не найдется.

- Тогда пошлите в банк, иначе мне придется обратиться к кому-нибудь еще.

Ювелир нервно потер руки.

- Одну минуточку, я должен посоветоваться с моим компаньоном.

Он ушел и из глубины лавки вместе с компаньоном с беспокойством поглядывал на миссис Белью. Потом вернулся, натянуто улыбаясь. Миссис Белью сидела все в той же позе.

- Вы зашли к нам в удачную минуту, сударыня. Мы сможем рассчитаться с вами сейчас.

- Будьте любезны банкнотами и дайте мне листок бумаги!

Ювелир принес и то и другое.

Миссис Белью черкнула записку, вложила ее и пачку денег в конверт с драгоценностями, заклеила и написала адрес.

- Найдите мне кэб, пожалуйста!

Ювелир нашел кэб.

- Набережная Челси!

И кэб с миссис Белью укатил.

И снова на этих запруженных улицах с таким бойким движением мужчины останавливались, чтобы посмотреть ей вслед. Извозчик, доvezший ее до моста Альберта, с изумлением поглядывая то на полученные деньги, то на свою пассажирку, отъехал к стоянке. Миссис Белью быстрым шагом пошла по улице, свернула за угол и очутилась у небольшого садика, где в ряд стояли три тополя. Не замедляя шага, она отворила калитку, прошла по дорожке к дому и остановилась у первой из трех, выкрашенных в зеленую краску дверей. Юноша с бородкой, по виду художник, стоявший за последней дверью, наблюдал за ней с многозначительной улыбкой. Она вынула ключ, вложила в скважину, открыла дверь и вошла.

Ее лицо, казалось, навело художника на какую-то мысль. Он вынес мольберт, полотно и, расположившись так, чтобы видна была дверь, за которой только что скрылась миссис Белью, принялся делать набросок.

В том углу сада был старый, выложенный из камня фонтан с тремя каменными лягушками, над ним - смородиновый куст, а за всем этим виднелась ярко-зеленая дверь, на которую падал косой луч

солнца. Он работал час, потом внес мольберт домой и ушел куда-то перекусить.

Вскоре после того, как он ушел, в саду появилась миссис Белью. Она закрыла за собой дверь и остановилась. Вынув из кармана пухлый конверт, опустила его в ящик для писем, затем наклонилась, подняла веточку и укрепила ее в щели, чтобы крышка ящика упала бесшумно. Окончив возиться с ящиком, она провела ладонями по лицу и груди, будто стряхнув с себя что-то, и пошла прочь. Выйдя из калитки, она свернула влево и направилась по той же улице к реке. Она шла медленно, посматривая по сторонам, видимо, наслаждаясь прогулкой. Раз-другой остановилась, вздохнула полной грудью, как будто ей не хватало воздуха. Вышла на набережную, остановилась, облокотившись на парапет. В ее пальцах был зажат какой-то маленький предмет, блестящий на солнце. Это был ключ. Медленно протянула руку над водой, разжала пальцы, и ключ упал в воду.

ГЛАВА IV

ВДОХНОВЕНИЕ МИССИС ПЕНДАЙС

Джордж так и не пришел, чтобы свезти миссис Пендайс в театр, и она, весь день мечтавшая о вечере, провела его частью в гостиной, среди вещей, которые были ей чужими, частью в столовой, где ужинали по двое, по трое люди, на которых она смотрела, но с которыми не могла перемолвиться ни словом, да и не хотела: колесница жизни раздавила ее надежды, и они остались бездыханными в ее груди. И всю эту ночь, за исключением нескольких минут сна, ее грызла тоска одиночества и сознание бесплодности ее усилий, а еще более - горькая мысль: "Я не нужна Джорджу, я не могу ему помочь".

Ее сердце, жаждущее утешения, снова и снова возвращалось к тем дням, когда она была нужна сыну. Но время полотняных костюмчиков давно прошло время, когда только от нее одной зависело сделать его счастливым: дать ему ломтик ананаса, отыскать старый кнут Бенсона, почитать главу из книги "Школьные годы Тома Брауна", растереть бальзамом ушибленную крошечную лодыжку, подоткнуть одеяльце, когда он укладывался спать.

Этой ночью она с пророческой ясностью увидела, что с тех пор, как ее сын пошел в школу, она перестала быть ему нужна! Столько лет она каждый день внушала себе, что нужна ему по-прежнему, и это

стало ей так же необходимо, как утренняя и вечерняя молитва. И вот теперь она поняла, что это был самообман. Но и сейчас, лежа во тьме ночи с открытыми глазами, она все еще пыталась верить, что нужна ему, ибо эта вера поселилась в ней в тот самый день, когда она дала жизнь своему первенцу. Второй сын, дочери - она любила их, но все это было не то, не так - она никогда не стремилась быть нужной им, ибо эта часть ее души раз и навсегда была отдана Джорджу.

Шум за окном наконец утих, и она уснула; но часа через два начавшееся движение разбудило ее. Она лежала, прислушиваясь. Уличные шумы и собственные мысли переплелись в ее утомленном мозгу в один огромный клубок усталости, сознания, что все это ненужно и бессмысленно, рождено взаимонепониманием и несговорчивостью и уничтожает для нее ту веру в умеренность, которая всегда была для нее священна. Рано пробудившаяся оса, привлеченная сладкими запахами туалетного столика, вылетела из своего укромного уголка, где провела ночь, и кружила над кроватью. Миссис Пендайс побаивалась ос и, улучив момент, когда назойливая гостья чем-то отвлеклась, соскользнула с постели и принялась осторожно махать конвертом из-под ночной сорочки, пока наконец оса, поняв, что нарушила покой истинное леди, не улетела прочь. Улегшись опять, миссис Пендайс думала: "Люди дразнят ос, пока те не пускают в ход жала, а тогда убивают их; как глупо", - не понимая, что в этих словах заключалось ее понятие о страдании.

Она позавтракала у себя в номере, так и не дождавшись вести от Джорджа. Потом, сама не зная, зачем, но движимая какой-то смутной надеждой, решила поехать к миссис Белью. Но прежде надо было повидать мистера Парамора. Не имея никакого представления о часе, когда деловые люди начинают свой день, она вышла из дому только в начале двенадцатого и попросила извозчика ехать медленно. Он повез ее поэтому быстрее, чем ездил обыкновенно. На Лейстер-сквере движение было остановлено: проезжала некая Важная особа, и на тротуарах собрался простой народ, с переполненным радостью сердцами и пустыми желудками, встречая Важную особу приветственными криками. Миссис Пендайс прильнула к окошку кэба; она тоже любила зрелища.

Наконец толпа разошлась, и кэб покотил дальше;

Впервые в жизни миссис Пендайс очутилась в деловой приемной, если не считать приемной зубного врача. Из этой маленькой комнатки, где ей дали "Тайме", который она не могла читать от волнения, она видела большие комнаты, заставленные до потолка книгами в кожаных переплетах и черными жестяными ящичками с буквой алфавита на каждом, и молодых людей, сидящих за стопками исписанных бумаг. Она слышала частый треск, заинтересовавший ее, и обоняла запах кожи и карболки, показавшийся ей отвратительным. Молодой человек с рыжеватыми волосами и пером в руке прошел мимо, посмотрел на нее с любопытством и тут же отвел взгляд. Ее вдруг кольнула жалость к этому молодому человеку и ко всем другим, сидевшим за стопками бумаг, и она подумала: "И это все из-за того, что люди не могут между собой договориться".

Наконец ее провели в кабинет мистера Парамора. Она сидела в кресле в этой обширной пустой комнате, навевавшей мысли о былом величии, разглядывала стоявшие в узкой вазе три розы, и чувствовала, что ни за что не решится заговорить.

У мистера Парамора были седые, стального цвета брови, нависающие пучками над гладко выбритым загорелым лицом, высокий лоб, зачесанные назад, тоже седые волосы. Миссис Пендайс спрашивала себя, почему мистер Парамор кажется пятью годами моложе Хорэса, которого он старше, и десятью годами моложе Чарлза, самого молодого из всех троих. Его глаза, обычно стального цвета, под действием некоего духовного процесса ставшие просто серыми, глядели молодо, хотя и серьезно, и улыбка, трогаящая уголки губ, была молодая.

- Очень рад вас видеть, - сказал он.

Миссис Пендайс могла только улыбнуться в ответ. Мистер Парамор понюхал розы.

- Не так хороши, как ваши, не правда ли? - сказал он. - Но из моих самые лучшие.

Миссис Пендайс покраснела от удовольствия.

- Мой сад так прелестен сейчас, - начала было миссис Пендайс, но спохватилась, что у нее нет больше сада... Однако, вспомнив, что хотя у нее его и нет зато у мистера Парамора сад имеется по-прежнему, она быстро добавила: - У вас, мистер Парамор, должно быть, очаровательный сад.

Мистер Парамор, выдернув из пачки бумаг скрепку, напоминающую кинжал, нашел какое-то письмо и протянул его миссис Пендайс:

- Да, - ответил он, - мой сад не плох. Вам будет интересно взглянуть вот на это, я полагаю.

На конверте стояло: "Белью против Белью и Пендайса". Миссис Пендайс глядела на эти слова, как замороженная, долго не понимая их истинного значения. В первый раз весь страшный смысл происходящего, проникнув сквозь спасительную броню благовоспитанности, которую надевают смертные, чтобы не знать того, что знать не хочется, открылся ей целиком. Двое мужчин и женщина схватились между собой, ненавидят, топчут друг друга на глазах у всех. Женщина и двое мужчин, отбросив милосердие и душевное благородство, выдержанность и человеколюбие, отбросив все, что возвышает жизнь и делает ее прекрасной, вцепились друг в друга, как дикари, перед всем светом. Двое мужчин, один из которых ее сын, и женщина, которую они любят оба! "Белью против Белью и Пендайса!" Этот случай приобретет известность вместе с подобными же прискорбными случаями, о которых ей приходилось читать время от времени с интересом, который чем-то ее оскорблял: "Снукс против Снукса и Стайлса", "Хрйреди против Хойреди", "Бетани против Бетани и Суитенхема". Вместе со всеми этими людьми, которые представлялись ей столь ужасными и в то же время будили в ней жалость, словно какой-то злобный и глупый дух пригвоздил их к позорному столбу, чтобы каждый, кому вздумается, мог подойти и посмеяться над ними. Ледяной ужас сковал ей сердце. Это было так гнусно, так вульгарно, так оскорбительно!

В этом письме некая адвокатская контора подтверждала в нескольких словах начатое дело и все. Миссис Пендайс подняла глаза на Парамора. Он перестал водить карандашом по промокательной бумаге и тотчас заговорил:

- Завтра во второй половине дня я повидаяю этих людей. Приложу все силы, чтобы они здраво взглянули на дело.

В его глазах она прочла, что он видит ее страдания и страдает сам.

- А если... если они не захотят!

- Тогда мы возьмемся за дело с другой стороны, и пусть они пеняют на себя.

Миссис Пендайс откинулась в кресле, ей снова почудился запах кожи и карболки. Подступила дурнота, и, чтобы скрыть свою слабость, она спросила наугад:

- Что значит это "не официально" в письме?

Мистер Парамор улыбнулся.

- Так мы говорим, - сказал он, - когда утверждаем что-то и вместе с тем оставляем за собой право взять свои слова назад.

Слова Парамора ничего не объяснили миссис Пендайс, но она сказала:

- Понимаю. Но что они утверждают?

Мистер Парамор положил обе руки на стол и соединил кончики пальцев.

- Видите ли, - принялся объяснять он, - в подобных случаях мы, то есть другая сторона и я, все равно что кошка с собакой. Делаем вид, что не знаем о существовании друг друга, и менее всего хотим знать. И вот когда случается оказать услугу друг другу, мы, соблюдая достоинство, как бы заявляем: "Это вовсе не услуга". Вы понимаете?

И снова миссис Пендайс сказала:

- Да, понимаю.

- Это может показаться несколько провинциальным, но мы, юристы, только и существуем тем, что провинциально. Если в один прекрасный день люди начнут уважать чужую точку зрения, право, не знаю, что будет с нами.

Взгляд миссис Пендайс снова упал на слова "Белью против Белью и Пендайса", и снова, как замороженная, она не могла оторваться от них.

- Но, быть может, вас привело ко мне еще что-нибудь? - спросил мистер Парамор.

Ее вдруг охватил страх.

- О нет, больше ничего. Я просто зашла узнать, как обстоит дело. Я приехала в Лондон повидать Джорджа. Вы сказали тогда, что я...

Мистер Парамор поспешил ей на помощь.

- Да, конечно, конечно.

- Хорэс остался дома.

- Хорошо.

- Он и Джордж иной раз...
- Не ладят? Они слишком похожи друг на друга.
- Вы находите? Я как-то не замечала.
- Не лицом, конечно. Но их обоих отличает...

Мистер Парамор улыбнулся, не закончив фразы, и миссис Пендайс, не зная, что он хотел было сказать "пендайсит", тоже в ответ чуть улыбнулась.

- Джордж очень решительно настроен, - сказала она. - Так вы полагаете, мистер Парамор, что сумеете договориться с адвокатами капитана Белью?

Мистер Парамор откинулся на спинку стула. Одна его рука лежала на столе, прикрыв написанное карандашом на промокательной бумаге.

- Да, - сказал он, - о да!

Но миссис Пендайс подняла это "да" по-своему. Она пришла, чтобы поговорить с ним о своем визите к Элин Белью, но теперь мозг ее сверлила одна мысль: "Ему не убедить их, нет, я чувствую. Мне надо уходить отсюда".

И снова ей как будто послышался несмолкаемый треск, почудился запах карболки и кожи, и перед глазами поплыли слова "Белью против Белью и Пендайса".

Она протянула руку.

Мистер Парамор пожал ее, глядя в пол,

- До свидания, - проговорил он. - Так где вы остановились? Гостиница Грина? Я буду у вас, расскажу, чем это все кончится. Я понимаю... понимаю...

Миссис Пендайс, которую это "я понимаю, понимаю" расстроило так, словно до сих пор никто ничего не понимал, вышла из кабинета с дрожащими губами. Но ведь среди окружавших ее никто в самом деле "не понимал". Не то, чтобы стоило горевать из-за подобного пустяка, но факт оставался. И в этот миг, как ни странно, она вспомнила мужа и подумала: "Что-то он сейчас подельывает?" - и ей стало жаль его.

А мистер Парамор вернулся к своему столу и стал читать написанное на промокательной бумаге:

То мы отстаиваем наши жалкие права.

То соблюдаем наше глупое достоинство.

Мы нетерпимы к их точке зрения.

Они нетерпимы к нашей.
Мы хватаем их за уши.
Они вцепляются нам в волосы.

И вот начинаются недоразумения,
приводящие к неприятностям для всех.

Увидев, что о этих строках нет ни рифмы, ни размера, он невозмутимо порвал их.

Опять миссис Пендайс велела извозчику ехать не спеша, и опять он повез ее быстрее, чем привык возить, и все-таки дорога до Челси показалась ей бесконечной. Они то и дело сворачивали за угол и с каждым разом все круче, как будто извозчик задался целью испытать, сколько может выдержать рот его кобылы.

"Бедная лошадка! - подумала миссис Пендайс. - У нее, наверное, поранены губы! И к чему столько поворотов!"

Она сказала извозчику:

- Пожалуйста, поезжайте прямо. Я не люблю поворотов.

Извозчик повиновался, но очень страдал, что вместо задуманных шести пришлось повернуть только один раз, и когда миссис Пендайс расплачивалась с ним, набросил шиллинг, чтобы возместить сэкономленное расстояние.

Миссис Пендайс уплатила, прибавив сверх того шесть пенсов, почему-то полагая, что облегчает участь лошади: извозчик, коснувшись шляпы, сказал:

- Благодарю, ваше сиятельство.

Он всегда говорил "ваше сиятельство", когда получал полтора шиллинга сверх обычной платы.

Миссис Пендайс с минуту стояла на мостовой, поглаживая бархатные ноздри лошади, и говорила себе: "Я должна зайти к ней; глупо проделать весь этот путь и не зайти!"

Но сердце ее так колотилось, что ей трудно было дышать.

Наконец она позвонила.

Миссис Белью сидела на диване в маленькой гостиной и подсвистывала канарейке в клетке, висящей на открытом окне. К делам людским постоянно примешивается ирония, касаясь самых сокровенных начал жизни. Надежды миссис Пендайс, предположения, от которых у нее всю дорогу боязливо замирало сердце, пропали втуне. Тысячу раз она представляла себе эту встречу, как только мысль

о ней пришла ей в голову. Действительность оказалась совсем иной. Ни волнения, ни враждебности, только какой-то мучительный интерес и восхищение. Да и как могла эта или любая другая женщина не полюбить ее Джорджа!

Первый миг растерянности прошел, и глаза миссис Белью стали спокойными и любезными, как будто в ее поведении никто не мог усмотреть и тени предосудительного. А миссис Пендайс не могла не ответить любезностью на любезность.

- Не сердитесь на меня за мой визит, Джордж ничего не знает. Я почувствовала, что должна повидать вас. Боюсь, что вы оба не сознаете, что вы делаете. Это так страшно. И касается не только вас двоих. Улыбка сошла с Лица миссис релью.

- Пожалуйста, не говорите "вы оба", - сказала она.

Миссис Пендайс, запинаясь, произнесла:

- Я... я не понимаю.

Миссис Белью твердо взглянула в лицо гостьи, усмехнулась и стала чуть-чуть вульгарной.

- Я думаю, вам давно следовало бы понять. Я не люблю вашего сына. Любила раньше, а теперь не люблю. Я сказала ему об этом вчера, бесповоротно.

Миссис Пендайс слушала эти слова, которые так решительно, так чудесно меняли все, - слова, которые должны были бы прозвучать как журчание источника в пустыне... и горячее негодование поднималось в ней, глаза запылали.

- Вы не любите его? - воскликнула она.

Она чувствовала только, что ей нанесли страшное оскорбление.

Этой женщине надоел Джордж! Ее сын! И она посмотрела на миссис Белью, на чьем лице проступило что-то вроде сочувствующего любопытства, взглядом, в котором никогда прежде не загоралась ненависть.

- Он надоел вам? Вы его бросили? Тогда я немедленно должна ехать к нему! Будьте добры сказать мне его адрес.

Элин Белью присела к бюро, набросала несколько слов на конверте изящество ее движений ножом полоснуло по сердцу миссис Пендайс.

Она взяла адрес. Ей было неведомо искусство наносить оскорбления, да и ни одно слово не могло бы выразить того, что

кипело у нее в душе, и она просто повернулась и вышла.

Ей вслед прозвучали яростной скороговоркой слова:

- Как он мог не надоест мне? Я не вы. Уходите!

Миссис Пендайс рывком распахнула дверь. Она спускалась, опираясь на перила. Ее охватила та мучительная слабость, близкая к обмороку, какая бывает у многих людей, столкнувшихся в себе или в других с разнuzданным проявлением низменных сил.

ГЛАВА V

МАТЬ И СЫН

Район Челси был для миссис Пендайс неведомой страной, и ей потребовалось бы немало времени, чтобы отыскать квартиру Джорджа, если бы она принадлежала к Пендайсам не только по имени, но и по характеру. Ведь Пендайсы никогда не спрашивали дороги и не верили ничьим объяснениям, а отыскивали путь самостоятельно, тратя при этом массу ненужных усилий, на что потом жаловались.

Дорогу ей объяснили: сперва полисмен, а затем молодой человек с бородкой, напоминающий художника. Этот последний стоял, прислонившись к калитке, и на вопрос миссис Пендайс отворил калитку и сказал:

- Сюда, дверь в углу, направо.

Миссис Пендайс прошла по дорожке мимо заброшенного фонтана с тремя каменными лягушками и остановилась у первой зеленой двери. В ее душе страх чередовался с радостью, ибо теперь, когда она была далеко от миссис Белью, она уже не чувствовала себя оскорбленной. Оскорбителен был самый облик миссис Белью - так субъективны в этом мире даже очень кроткие сердца.

Она отыскала среди виноградных лоз заржавленную ручку звонка и дернула. Звонок надтреснуто звякнул, но никто не отозвался, только за дверью как будто кто-то ходил взад и вперед. На всю улицу закричал разносчик, и его речитатив заглушил звук шагов за дверью. По дорожке в ее сторону шел молодой человек с бородкой, похожий на художника.

- Не можете вы мне сказать, сэръ, мой сын дома?

- Мне кажется, он не выходил, я рисую здесь с самого утра.

Миссис Пендайс с некоторым недоумением! взглянула на мольберт, стоявший у соседней двери. Ей было странно, что ее сын

живет в таком месте.

- Позвольте, я дерну. Все эти звонки никуда не годятся.

- Будьте так добры!

Художник дернул.

- Он должен быть дома. Я не спускал глаз с его двери: я ее рисую. Миссис Пендайс посмотрела на дверь.

- И никак не получается, - сказал художник. - Сколько времени бьюсь.

- У него есть слуга?

- Конечно, нет, - ответил художник. - Это ведь мастерская. Свет и тень не ложатся. Не могли бы вы постоять так секунду, вы бы мне очень помогли!

Он попятился и приставил руку козырьком ко лбу; миссис Пендайс вдруг почувствовала легкий озноб. "Почему Джордж не открывает? - подумала она. - И что делает этот молодой человек?"

Художник опустил руку.

- Большое спасибо! - сказал он. - Попробую позвонить еще. Вот так! Это и мертвого разбудит.

И он засмеялся.

Необъяснимый ужас напал на миссис Пендайс.

- Я должна войти к нему, - прошептала она, - я должна войти!

Миссис Пендайс схватила ручку звонка и с силой задергала.

- Да, - сказал художник, - все-таки эти звонки никуда не годятся.

И он снова поднес руку ко лбу. Миссис Пендайс прислонилась к двери, колени у нее дрожали.

"Что с ним? - думала она. - Может, он просто спит, а может... О господи!"

Она ударила в звонок что есть силы. Дверь отворилась, на пороге стоял Джордж. Сдерживая рыдания, миссис Пендайс вошла. Джордж захлопнул за ней дверь.

Целую минуту она молчала: все еще не прошел ужас, и было немного стыдно. Она даже не могла смотреть на сына, а бросала робкие взгляды вокруг. Она видела комнату, переходящую в дальнем углу в галерею, конической формы потолок, до половины застекленный. Она видела портьеру, отделяющую галерею от комнаты, стол, на котором были чашки и графины с вином, круглую железную печку, циновку на полу и большое зеркало. В зеркале

отражалась серебряная ваза с цветами. Миссис Пендайс видела, что они засохли; слабый запах гниения, исходивший от них, был ее первым отчетливым ощущением.

- Твои цветы завяли, дорогой! - сказала она. - Я поставлю тебе свежих!

И только тогда она взглянула первый раз на Джорджа. Под его глазами были круги, лицо пожелтело и осунулось. Его вид испугал ее, и она подумала: "Я должна быть спокойна. Нельзя, чтобы он догадался!"

Ее пугало выражение отчаяния на его лице, отчаяния и готовности очертя голову совершить что-нибудь, она опасалась его упрямства, его слепого, безрассудного упрямства, которое цепляется за прошлое только потому, что оно было, и не желает сдавать своих позиций, хотя эта позиция уже давно потеряли всякий смысл. В ней самой совсем не было этой черты, и поэтому она не могла себе представить, куда она его заведет, но она всю жизнь прожила бок о бок с подобным упрямством и понимала, что сейчас ее сыну грозит опасность.

Страх помог ей вернуть самообладание. Она усадила Джорджа на диван, сев рядом с ним. И вдруг подумала: "Сколько раз он сидел здесь, обнимая эту женщину!"

- Ты не заехал за мной вчера вечером, дорогой! А у меня были такие хорошие билеты.

Джордж улыбнулся.

- У меня были другие дела, мама.

От этой улыбки сердце Марджори Пендайс заколотилось, все поплыло перед глазами, но она нашла в себе силы улыбнуться.

- Как у тебя здесь мило, дорогой!

- Да, есть где размяться.

И миссис Пендайс вспомнила звук шагов за дверью. Из того, что он не спросил ее, откуда ей стал известен его новый адрес, она поняла, что он догадался, к кому она заходила, так что ни ему, ни ей не надо было ничего объяснять друг другу. Хотя это и облегчило положение, но еще усугубляло ее страх перед тем неведомым, что угрожало сейчас ее сыну. Различные картины из прошлых лет возникали перед ее взором. Вот Джордж в ее спальне после первой охоты с гончими; круглые щеки поцарапаны от висков до подбородка; окровавленная

лапа лисенка в обтянутой перчаткой мальчишеской руке. Вот он входит к ней в будуар в последний день крикетного матча 1880 года: в помятом цилиндре, глаз подбит, в руке трость, украшенная голубой кисточкой. Еще она видела его бледное лицо в тот далекий день, когда он, еще не оправившись от ангины, тайком ушел на охоту, она вспомнила его упрямо сжатые губы и слова: "Но, мама, у меня не хватило сил терпеть; такая скука!"

А что если и сейчас у него не хватит сил терпеть! И он совершит какую-нибудь плуемость! Миссис Пендайс вынула платок.

- Как здесь жарко, дорогой! У тебя лоб весь мокрый!

Она поймала на себе его недоверчивый взгляд и напрягла всю свою женскую хитрость, чтобы в ее глазах он прочел не беспокойство, а простую заботу.

- Это из-за стеклянной крыши, - сказал он, - солнце бьет сюда отвесно.

Миссис Пендайс взглянула вверх.

- Странно, что ты живешь здесь, дорогой, но тут очень мило, так необычно! Позволь, я займусь этими бедными цветами.

Она подошла к серебряной вазе и наклонилась над цветами.

- Дорогой, они совсем завяли! Надо их выбросить, увядшие цветы так гадко пахнут.

Она протянула сыну вазу, зажав нос платком.

Джордж взял вазу, а миссис Пендайс, точно кошка за мышью, следила за тем, как Джордж шел в сад.

Как только дверь захлопнулась, быстрее, бесшумнее кошки она проскользнула за портьеру. "Я знаю, у него есть револьвер", - думала она.

Через мгновение она была опять в комнате, ее руки и глаза искали повсюду, но ничего не находили; и от сердца у нее отлегло: она очень боялась этих опасных вещей.

"Страшны только первые часы", - думала она.

Когда Джордж вернулся, она стояла там же, где он оставил ее. Молча они сели на диван, и пока тянулось это бесконечное молчание, она пережила все, что было сейчас у него на сердце: беспросветное отчаяние, щемящую боль, горечь отвергнутой любви, тоску об утраченном счастье, обиду и отвращение ко всему. Ее собственное сердце в то же время переполнялось и своими чувствами;

освобождением от страха, стыдом, состраданием, ревностью и горячей любовью. Молчание нарушалось дважды: первый раз Джордж спросил, завтракала ли она, и миссис Пендайс, не евшая весь день, ответила:

- Конечно, милый.

Второй раз он сказал:

- Ты не должна была бы приходить сегодня, мама. Я немного не в духе.

Она смотрела на его лицо, самое дорогое для нее лицо в мире, и ей так хотелось прижать к груди его поникшую голову, но она не могла этого сделать, и по ее щекам заструились слезы. Тишина этой комнаты, снятой из-за ее уединенности, была тишиной могилы, и так же, как из могилы, из нее нельзя было увидеть мир: стекла крыши были матовые. Эта мертвая тишина сдавила ее сердце; ее глаза смотрели вверх, как будто бы молили, чтобы крыша разверзлась и выпустила шум жизни. Но она увидела лишь четыре темных перемещающихся точки лап и неясное пятно туловища: это с крыши на крышу брела кошка. И внезапно, не имея сил больше выносить безмолвие, она воскликнула:

- О Джордж! Не отталкивай меня! Скажи что-нибудь!

- Что ты хочешь, чтобы я сказал тебе, мама? - спросил Джордж.

- Ничего... только...

И, встав на колени, она притянула к себе его голову, молча все ближе подвигалась к сыну, пока не почувствовала, что ему удобно. Вот и держала она у своего сердца его голову и ни за что не хотела расстаться с ней. Ее коленям было больно на голом полу, ее спина и руки онемели; но ни за какие блага в мире она не согласилась бы шевельнуться: она верила, что приносит сыну утешение; и слезы ее закапали на его шею. Когда же наконец он высвободился из ее объятий, она соскользнула на пол и не могла подняться, а ее пальцы сказали ей, что грудь платья мокрая. Джордж проговорил охрипшим голосом:

- Это все пустяки, мама, не надо тревожиться!

Ни за что на свете не взглянула бы она в эту минуту на сына, и все-таки она была абсолютно убеждена, что сын ее спасен.

По наклонной крыше тихонько возвращалась кошка - четыре перемещающиеся темные точки лап и неясное пятно туловища.

Миссис Пендайс встала.

- Я пойду, дорогой. Можно взглянуть в твое зеркало?

Стоя у зеркала, поправляя волосы и вытирая платком глаза, щеки и губы, она думала: "Вот так же здесь стояла эта женщина! Она приводила в порядок свои волосы, глядясь в это зеркало, и стирала со щек следы его поцелуев! Пусть господь пошлет ей такие ж муки, какие она причинила моему сыну!"

Но, пожелав ей это, она содрогнулась.

У двери миссис Пендайс обернулась, улыбнувшись, как будто хотела оказать: "Я не могу плакать, не могу открыть, что у меня сейчас на сердце, поэтому, ты видишь, я улыбаюсь. Пожалуйста, и ты улыбнись, чтобы утешить меня немного!"

Джордж вложил ей в руку небольшой сверток и тоже улыбнулся.

Миссис Пендайс поспешно вышла; ослепленная ярким солнцем, она вспомнила про сверток, только когда вышла за калитку. В нем были аметистовое ожерелье, изумрудный кулон и бриллиантовое кольцо. В этом узком, старом переулке, куда выходил садик с тополями, заброшенным фонтаном! и зеленой калиткой, драгоценные камни сверкали и переливались так, точно вобрали в себя весь его свет и жизнь. Миссис Пендайс, любившая яркие цвета и блеск, почувствовала, что они были красивы.

Эта женщина взяла их, натешилась их блеском и красками, а затем швырнула обратно! Миссис Пендайс опять завернула драгоценности, обвязала пакет тесьмой и пошла к реке. Она шла не торопясь, глядя прямо перед собой. Подошла к парапету, остановилась, наклонившись над ним и протянув над водой руки. Ее пальцы разжались - белый сверток упал, секунду подержался на воде и исчез.

Миссис Пендайс испуганно оглянулась. Молодой человек с бородкой, чье лицо показалось ей знакомым, приподнял шляпу.

- Значит, ваш сын был дома, - сказал он, - я очень рад. Большое спасибо, что вы согласились тогда постоять минутку у двери. Я никак не мог схватить отношение между фигурой и дверью. До свидания!

Миссис Пендайс ответила "До свидания" и проводила художника испуганным взглядом, точно он застал ее на месте преступления. Перед ее глазами заиграли драгоценные камни. Бедняжки! Они лежат погребенные во мраке, в темном иле, навеки лишённые блеска и

красок. И, как будто совершив грех перед своей кроткой и нежной душой, она поспешила прочь от этого места.

ГЛАВА VI

ГРЕГОРИ СМОТРИТ НА НЕБО

Грегори Виджил называл мистера Парамора пессимистом, потому что, как и другие, не понимал значения этого слова, С присущей ему путаницей понятий он считал, что видеть вещи в их собственном свете - значит видеть их не такими, какие они есть, а гораздо хуже. У Грегори имелся собственный способ видеть вещи, который был ему так дорог, что он предпочитал совсем закрывать глаза, лишь бы не воспользоваться способом других людей. И хотя он видел совсем не так, как видел мистер Парамор, все-таки нельзя безоговорочно утверждать, что он совсем не видел вещи такими, какие они есть. Просто грязи на лице, которое он хотел бы видеть чистым, он не замечал: влага его голубых глаз растворяла ее, а самое лицо запечатлевалось на их сетчатке чистым. Этот процесс совершается бессознательно и зовется "идеализацией". Вот почему чем дальше он думал, тем с большим отчаянием утверждался в мысли, что его подопечная имеет право любить человека, которого выбрала, и имеет право соединять с ним свою жизнь. И он старательно загонял лезвие этой мысли все глубже и глубже в свою душу.

Часов около четырех в тот день, когда миссис Пендайс побывала у своего сына, мальчик-посыльный принес ему письмо.

Гостиница Грина.

Четверг.

Дорогой Григ.

Я видела Элин Белью и только что вернулась от Джорджа. Мы все это время жили, как будто в страшном сне. Она не любит его, вероятнее всего, никогда не любила. Я не знаю, и не мне судить. Она бросила его. Я предпочитаю не высказывать своего мнения о ней. Одно ясно: все это с начала и до конца было ненужно, бессмысленно и гадко. Я пишу вам это письмо, чтобы вы знали, как обстоят дела, и прошу вас, если выберется минутка, заглянуть в клуб к Джорджу сегодня вечером и сообщить потом мне, как он себя чувствует. Мне больше не к кому обратиться с такой просьбой.

Простите меня, если это письмо огорчит Вас.

Ваша любящая кузина

Марджори Пендайс.

Для тех, кто смотрит на мир одним глазом, кто оценивает все дела человеческие только со своей колокольни, кто не замечает иронии во всем, что творится вокруг, и не может ею насладиться, кто в простоте душевной встречает иронию самой теплой улыбкой и кто, будучи положенным иронией на обе лопатки, считает победителем себя, - для таких людей не имеют значения удары судьбы, грозящие перевернуть их взгляд на мир. Стрелы вонзаются, дрожат и падают наземь, как будто встретили на своем пути кольчугу; но вот последняя стрела скользнула под доспехи откуда-то сверху и затрепетала, вонзившись в самое сердце под восклицание бойца: "Как, это ты? Нет, нет, не может быть!"

Такие люди сделали на нашей древней земле многое из того, что стоило сделать, но, пожалуй, еще больше сделано ими того, чего вовсе делать не следовало.

Когда Грегори получил это письмо, он занимался бумагами женщины-морфинистки. Прочитав письмо, он спрятал его в карман и вернулся к своему делу - ни на что другое у него не хватило бы сил.

- Вот ходатайство, миссис Шортмэн. Пусть она побудет там шесть недель. Она выйдет оттуда другим человеком.

Миссис Шортмэн, подперев худой рукой худое лицо, устремила на Грегори горящие глаза.

- Боюсь, что моральные принципы для нее уже не существуют, - сказала она. - Признаться, мистер Виджил, я думаю, что моральные принципы для нее вовсе никогда и не существовали!

- Что вы хотите этим сказать?

Миссис Шортмэн отвела глаза в сторону.

- Иной раз я думаю, - сказала она, - что такие люди и в самом деле есть. И тогда я задаю себе вопрос, в достаточной ли степени мы учитываем это. Помню, когда я еще девушкой жила в деревне, у нашего священника была дочка, очень хорошенькая. О ней ходили самые ужасные слухи даже еще до того, как она вышла замуж. А потом мы узнали, что она развелась! Потом она приехала в Лондон и стала зарабатывать на жизнь игрой на рояле, пока не вышла замуж второй раз. Я не стану называть ее имени. Это очень известная особа. И никто никогда не замечал в ней ни малейшей капли стыда. Если

существует хоть одна такая женщина, то можно предположить, что они есть еще, и я иногда думаю, не тратим ли мы зря...

Грегори сухо сказал:

- Я это уже слышал от вас раньше.

Миссис Шортмэн прикусила губу.

- По-моему, - сказала она, - своего времени и своих усилий я не жалею.

Грегори вскочил со своего места и схватил ее за руку.

- О да, я знаю, я знаю это, - сказал он проникновенно.

В углу вдруг раздался яростный треск машинки мисс Мэлоу.

Грегори схватил с гвоздя шляпу.

- Мне пора, - сказал он. - До свидания.

Безо всякого предупреждения, как это обычно бывает с сердцами, сердце Грегори Виджила вдруг начало кровоточить, и он почувствовал, что ему необходимо подышать свежим! воздухом. Он не сел в омнибус, не взял кэба, а пошел пешком со всей быстротой, на какую был способен, пытаюсь вдуматься, пытаюсь понять. Но он мог только чувствовать, а чувства его были расстроены и взвинчены, и время от времени они перебивались вспышками радости, которой он стыдился. Знал ли он или нет, но ноги несли его в Челси, ибо хотя его глаза и были устремлены к звездам, ноги не могли доставить его туда, и набережная Челси показалась им самой подходящей заменой.

Он не был одинок: многие шли, так же, как он, в Челси, многие уже побывали там и спешили теперь обратно; и улицы в этот летний предвечерний час были сплошным живым потоком. Люди, которые проходили мимо Грегори, смотрели на него, он смотрел на них, но ни он, ни они не видели друг друга: человеку назначено как можно меньше уделять внимания чужим заботам. Солнце, припекавшее его лицо, бросало свои лучи на их спины, ветер, холодивший его спину, овеивал их щеки. Ибо и беззаботная земля катилась сейчас по мостовой вселенной - одна из миллионов направляющихся в Челси и спешащих обратно.

- Миссис Белью дома?

Он вступил в комнату длиной футов в пятнадцать, а высотой около десяти, где увидел нахохленную канарейку в маленькой позолоченной клетке, пианино с раскрытой партитурой оперы, диван со множеством подушек и на диване женщину с покрасневшим и

сердитым лицом; она сидела, опираясь локтями в колени, подперев кулачком подбородок, устремив взгляд в пространство. Такой именно была эта комнатка со всем, что в ней было, но Грегори внес с собой что-то такое, отчего она сразу преобразилась в его глазах. Он сел у окна, глядя в сторону, и заговорил мягким голосом, в котором прорывалось волнение. Он начал с рассказа о женщине-морфинистке; а потом объявил, что знает все. Сказав это, он посмотрел в окно, где строители случайно оставили полоску неба. И поэтому он не заметил выражения ее лица, презрительного и усталого, которое, казалось, говорило: "Вы славный человек, Грегори, но, ради бога, хоть раз в жизни постарайтесь увидеть вещи такими, какие они есть! Мне это надоело!" И он не заметил, как Элин, протянув руки, растопырила пальцы: так рассерженная кошка вытягивает, расправляя, лапки. Он сказал ей, что не хочет быть назойливым, но если он ей понадобится зачем-нибудь, пусть она немедленно пошлет за ним - он всегда к ее услугам. Грегори смотрел на ее ноги и не видел, как ее губы покривила усмешка. Он сказал ей, что она для него все та же и всегда останется такой; и он просил ее верить этому. Грегори не видел ее улыбки, которая не пропадала все время, пока он был у нее, и он не мог бы понять этой улыбки, потому что это улыбалась сама жизнь устами женщины, которую он не понимал. Он видел только прелестное существо, которое обожал многие годы. И он ушел, а миссис Белью стояла на пороге, закусив губы. А так как Грегори не мог, уходя, оставить в этой комнате свои глаза, то он и не видел, что она, вернувшись на свой диван, приняла ту же позу, в какой сидела до его прихода: уперевшись локтями в колени, подперев кулачком подбородок, устремив беспокойный, как у игрока, взгляд в пространство...

Со стороны Челси по улицам, уставленным высокими домами, шло юного людей; одни, подобно Грегори, тосковали по любви, другие - по куску хлеба; они шли по двое, по трое, группами, в одиночку; у одних глаза смотрели вниз, у других - прямо, взоры третьих были устремлены к звездам, но в каждом бедном сердце таились мужество и преданность самых разнообразных мастей. Ибо, как сказано, мужеством и преданностью должен быть жив человек, идет ли он в Челси или возвращается оттуда. И из всех попавшихся на пути Грегори каждый улыбнулся бы, услышав, как Грегори говорил себе:

"Она всегда будет для меня той же. Она всегда будет для меня той же!"
И ни один не усмехнулся бы насмешливо...

Время приближалось к обеденному часу - тому, какой был принят в Клубе стойков, - когда Грегори вышел на Пикадилли; "стойки" один за другим выскакивали из кэбов и устремлялись к дверям клуба. Бедняги, они так потрудились за день на скачках, на крикетном поле или в Хайд-парке, кое-кто вернулся из Академии художеств, и на лицах этих последних было одно довольное выражение: "Господь милостив, наконец-то можно отдохнуть!" Многие не ели днем, чтобы сбавить вес, многие ели, но не очень плотно, а были такие, что и слишком плотно, но во всех сердцах горела вера, что за обедом они возьмут свое, ибо их господь был и в самом деле милостив, и обитал он где-то между кухней и винными погребами клуба. И все - ведь у каждого из них в душе была поэтическая жилка - с волнением предвкушали те сладостные часы, когда, закулив сигару и полные истомы от хорошего вина, они погрузятся в обычные мечты, которые обходятся каждому "стояку" всего-навсего в пятнадцать шиллингов, а то и меньше.

Из убогой лачуги на задворках, в пяти шагах от обиталища бога "стойков", вышли подышать воздухом две швеи; одна была больна чахоткой: она в свое время не соблаговолила зарабатывать столько, чтобы хорошо питаться; другая, казалось, тоже не сегодня-завтра закашляет кровью, и тоже по той же причине. Они стояли на тротуаре, разглядывая подъезжающих, некоторые "стойки" замечали их и думали: "Бедные девушки! Какой у них больной вид!" Трое или четверо сказали себе: "Это надо было бы запретить. Очень неприятно смотреть на них, но сделать, кажется, ничего нельзя. Они ведь не нищие!"

Но большинство "стойков" вовсе на них не смотрело, имея слишком чувствительные сердца, которые не выдерживают подобного печального зрелища, боясь испортить себе аппетит; Грегори тоже их не заметил, ибо как раз в тот момент, когда он по обыкновению смотрел на небо, девушки сошли с тротуара, перешли улицу и смешались с толпой; ведь они не имели собачьего чутья, которое подсказало бы им, что он за человек.

- Мистер Пендайс в клубе; я пошлю сказать, что вы его ждете. -
И, покачиваясь на ходу, словно фамилия Грегори была невероятно

тяжелой, швейцар передал ее рассыльному и тоже ушел.

Грегори стоял у холодного камина и ждал, и покуда он ждал, ничего особенного не поразило его, ибо "стойки" показались ему обыкновенными людьми, такими точно, как он сам, с такой только разницей, что Костюмы на них были получше, чем* на нем, и он подумал: "Не хотел бы я быть членом этого клуба и каждый день переодеваться к обеду".

- Мистер Пендайс просит простить его: он сейчас занят.

Грегори прикусил губу.

- Благодарю вас, - сказал он и вышел на улицу. "Больше Марджори ничего и не нужно, - подумал он, - а все остальное меня мало трогает". - И, сев в кэб, он опять устремил взгляд к небу.

Но Джордж не был занят. Как раненый зверь спешит в берлогу зализывать раны, так и он уединился в свою любимую оконную нишу, выходящую на Пикадилли. Он сидел там, будто прощался с молодостью, неподвижно, ни разу не подняв глаза. В его упрямом мозгу, казалось, вертится колесо, в муку размалывающее воспоминания. И "стойки", которым было невыносимо видеть своего собрата в этот священный час погруженным в уныние, время от времени подходили к нему.

- Вы идете обедать, Пендайс?

Бессловесные животные молчат о своих ранах; тут молчание - закон. Так было и с Джорджем. Каждому подходящему "стойку" он отвечал, стиснув зубы:

- Конечно, старина. Сию минуту,

ГЛАВА VII

ПРОГУЛКА СО СПАНЬЕЛЕМ ДЖОНОМ

Спаньель Джон, привыкший по утрам вдыхать запах вереска и свежих сухариков, был в тот четверг в немилости. Всякая новая мысль не скоро проникала в его узкую и длинную голову, и он окончательно осознал, что с его хозяином творится что-то неладное, только по прошествии двух дней с отъезда миссис Пендайс. В течение тех тревожных минут, когда это убеждение созревало у него в мозгу, он усердно трудился. Он утащил две с половиной пары хозяйских башмаков и спрятал их в самых неподходящих местах, по очереди посидел на каждом, а затем, предоставив птенцам вылупляться в одиночестве, вернулся под хозяйскую дверь. За это мистер Пендайс,

сказав несколько раз "Джон!", пригрозил ему ремнем, на котором правил бритву. И отчасти потому, что Джон не выносил самой кратковременной разлуки с хозяином - нагоняи только укрепляли его любовь, - отчасти из-за этого нового соображения, которое совсем лишило его покоя, он лег в зале и стал ждать.

Однажды, еще в дни юности, он легкомысленно увязался за лошадью хозяина и с тех пор ни разу не отважился на подобное предприятие. Ему пришлось не по вкусу эта тварь, непонятно для чего такая большая и быстрая, и к тому же он подозревал ее в коварных замыслах: стоило только хозяину очутиться на ее спине, как его и след простывал, не оставалось даже капельки того чудесного запаха, от которого так теплело на сердце. Поэтому, когда появлялась на сцену лошадь, он ложился на живот, прижимал передние лапы к носу, а нос к земле, и до тех пор, пока лошадь окончательно не исчезала, его ничем было нельзя вывести из этого положения, в котором он напоминал лежащего сфинкса.

Но сегодня он на приличном расстоянии опять поспешил за лошадью, поджав хвост, скаля зубы, всю работу лопатками и неодобрительно отвернув нос в сторону от этого смешного и ненужного добавления к хозяину. Точно так же вели себя фермеры, когда мистер Пендайс с мистером Бартером благодетельствовали деревню первой и единственной сточной трубой.

Мистер Пендайс ехал медленно. Его ноги в начищенных до блеска черных башмаках, в темно-красных крагах, обтягивающих нервные икры, подпрыгивали в такт аллюру. Фалды сюртука свободно ниспадали по бедрам, на голове серая шляпа, спина и плечи согнуты, чтобы не так чувствовались толчки. Над белым, аккуратно повязанным шарфом его худощавое лицо в усах и седых бакенбардах было уныло и задумчиво, в глазах притаилась тревога. Лошадь, чистокровная гнедая кобыла, шла ленивой иноходью, вытянув морду и взмахивая коротким хвостом. Так, в этот солнечный июньский день, по затененному листвою проселку они втроем подвигались в сторону Уорстед Скоттона...

Во вторник, в тот день, когда миссис Пендайс покинула усадьбу, сквайр вернулся домой позже, чем обычно, ибо полагал, что некоторая холодность с его стороны будет только полезна.

Первый час по прочтении письма жены прошел, как одна минута, в гневе и растерянности и кончился взрывом ярости и телеграммой генералу Пендайсу. Телеграмму на почту он понес сам и, возвращаясь из деревни, шел, низко опустив голову: он испытывал стыд - мучительное и странное чувство, незнакомое ему до сих пор что-то вроде страха перед людьми. Мистер Пендайс предпочел бы путь, скрытый от посторонних глаз, но такого не было, к усадьбе вели только проезжая дорога и тропинка через выгон, мимо кладбища. У перелаза стоял старик арендатор, и сквайр пошел на него, опустив голову, как бык идет на изгородь. Он хотел было пройти мимо, не сказав ни слова, но между ним и этим старым, отжившим свое фермером существовала связь, выкованная столетиями. Нет, даже под угрозой смерти мистер Пендайс не мог бы пройти мимо, не сказав слова приветствия, не кивнув дружески тому, чьи отцы трудились для его отцов, ели хлеб его отцов и умирали вместе с его отцами.

- Здравствуйте, сквайр. Погода-то, а! Только косить!

Голос был скрипучий и дрожащий. "Это мой сквайр, - слышалось в нем, - а там пусть он будет какой угодно!"

Рука мистера Пендайса потянулась к шляпе.

- Добрый вечер, Хермон. Да, прекрасная погода для сенокоса! Миссис Пендайс уехала в Лондон. Вот мы и холостяки с тобой!

И он пошел дальше.

Только отойдя на значительное расстояние, мистер Пендайс понял, почему он сказал это. Просто потому, что он сам должен был всем рассказать об ее отъезде, - тогда никто не будет удивляться.

Он заторопился домой, чтобы успеть переодеться к обеду и показать домашним, что ничего особенного не произошло. Семь блюд подавались за обедом, пусть хоть небо обрушилось бы, но поел он немного, а кларету выпил больше, чем всегда. Потом прошел к себе в кабинет и при смешанном свете сумерек и лампы еще раз перечитал письмо жены. Всякая новая мысль нескоро проникала в узкую и длинную голову мистера Пендайса - он в этом походил на своего спаньеля Джона.

Она была помешана на Джордже и сама не понимала, что делает, так что должна скоро образумиться. Он ни в коем случае не станет делать первого шага. Ведь это значит признать, что он, Хорэс Пендайс, зашел слишком далеко, что он, Хорэс Пендайс, не прав. Это

было не в его привычках, а меняться он не собирался. Раз им нравится упорствовать, пусть пеняют на себя и живут, как хотят.

Сидя в тиши кабинета при свете лампы под зеленым абажуром, становившимся ярче по мере того, как сумерки сгущались, он тоскливо думал о прошлом. И, словно назло, видел только приятные картины и прекрасные образы. Он пытался думать о ней с ненавистью, рисовать ее самыми черными красками, но с упрямством, которое родилось вместе с ним и вместе с ним сойдет в могилу, он видел ее воплощением нежности и кротости. Он чувствовал тонкий аромат ее духов, слышал шелест ее шелковых юбок, звук ее голоса, кротко спрашивающего: "Да, милый?" - как будто ей не было скучно слушать его. Он вспоминал, как тридцать четыре года назад привез ее первый раз в Уорстед Скайнес; его старая няня еще сказала тогда: "Голубка, кроткая и нежная, как роза, но настоящая леди до кончиков пальцев!"

Он видел ее в тот день, когда родился Джордж; ее лицо было прозрачным и белым, как воск, глаза расширились, и слабая улыбка замерла на губах. Снова я снова представлялся его взору ее образ, и она ни разу не показалась ему увядшей, состарившейся женщиной, у которой все в прошлом. Теперь, когда он потерял ее, он в первый раз ясно осознал, что она и в самом деле не состарилась, что она по-прежнему "голубка, робкая и нежная, как роза, но настоящая леди до кончиков пальцев". И эта мысль была ему невыносимой, он чувствовал себя несчастным и одиноким в своем кабинете, где окна были распахнуты настежь, а вокруг лампы плясали серые мотыльки, и спаньель Джон спал у него на ноге.

Взяв свечу, он пошел в спальню. Дверь к прислуге была заперта. И на этой половине дома единственным пятном света была свеча в его руке, единственным звуком - его шаги. Он медленно поднялся наверх, как поднимался тысячу раз и как не поднимался ни разу, а за ним тенью брел спаньель Джон.

Но Она, читающая в сердцах и всех людей и всех собак, Праматерь всего живого, к которой все живое возвращается, как в родной дом, наблюдала за ним", и как только они улеглись: один - в свою опустевшую постель, другой на голубую подстилку у двери, - она смежила их веки сном.

Наступил новый день - среда, а вместе с ним и дневные заботы. Тех, кто имеет обыкновение заглядывать в окна Клуба стойков, преследует мысль о праздности, в которой проводит свои дни класс землевладельцев. Они теряют сон и из зависти не дают покоя языку, потому что ведь и сами они страстно мечтают о праздной жизни. Но хотя у нас, в стране туманов, любят иллюзии, ибо они позволяют думать дурно о ближнем и тем тешить себя, все же слово "праздный" здесь абсолютно неуместно.

Многочисленными и тяжкими заботами был обременен сквайр Уорстед Скайнеса. Надо было пойти в конюшню и решить, прижигать ли ногу Бельдейма или продать этого нового гнедого жеребца, оказавшегося тихоходом, после чего оставался неприятный вопрос: у кого покупать овес - у Бруггана или у Бэла? И его тоже надо было обсудить с Бенсоном, который походил в своей фланелевой блузе, подпоясанной кожаным ремнем, на толстого мальчишку в седых бачках. Потом с плубочайшим вниманием заняться у себя в кабинете счетами и другими деловыми бумагами, чтобы, боже упаси, не переплатить кому-нибудь или недоплатить. После этого порядочная прогулка до жилища лесничего Джервиса; надо было осведомиться о самочувствии новой венгерской птички, а также обсудить важный вопрос: как помешать фазанам, которых сквайр выкармливал у себя, улетать в рощи его приятеля лорда Куорримена, что не раз случалось во время последней охоты. Этот вопрос отнял немало времени; Джервис был так раздосадован и взволнован, что шесть раз повторил одно и то же: "Уж вы как хотите, мистер Пендайс, а по-моему, столько дичи терять нельзя!" На что мистер Пендайс отвечал: "Конечно, нет, Джервис. Но что же вы посоветуете?" И еще одна труднейшая задача: как сделать, чтобы множество фазанов и множество лисиц жило в мирном соседстве? Задача, обсуждавшаяся весьма оживленно, ибо, как говаривал сквайр, "Джервис любит лис", а он, сквайр, любил, чтобы в его рощах водилась дичь.

Затем мистер Пендайс шел завтракать, но почти ничего не ел, чтобы не потерять закалки, и снова отправлялся на лошади или пешком на ферму, в поле, если там требовалось его присутствие. И весь длинный день он только и видел, что ребра волов, ботву от брюквы, стены, изгороди, заборы.

Затем назад домой, где его ждали чай и свежий номер "Таймса", пока еще только наспех просмотренный. Теперь наконец можно было прочитать сообщения о действиях парламента, которые пусть и отдаленно, но угрожали существующему порядку вещей, если, конечно, не имелся в виду налог на пшеницу, столь необходимый для процветания Уорстед Скайнеса. Иногда к нему, как к мировому судье, приводили бродяг, и он говорил только: "Покажите руки, любезный!" И если ладони не носили следов честного труда, бродягу напрямик отправляли в тюрьму. Если же таковые обнаруживались, то мистер Пендайс бывал озадачен и, прохаживаясь взад и вперед, искренне старался понять, в чем же заключается его долг по отношению к таким людям. А бывали дни, когда приходилось заседать в суде и разбирать всякие беззакония, воздавая каждому по заслугам, в зависимости от совершенного преступления: самым тяжким считалось браконьерство, самым безобидным - нанесение побоев жене, ибо хотя мистер Пендайс и был вполне гуманным человеком, но в силу существующей традиции не считал эту забаву настоящим преступлением, во всяком случае в деревне.

Разумеется, молодой и получивший специальное образование ум все эти дела решил бы в мгновение ока, но это шло бы вразрез с обычаями, нанесло бы удар непоколебимой уверенности сквайра, что он исполняет свой долг, и дало бы пищу злым языкам, осуждающим праздность. И хотя все его дневные труды служили прямо или косвенно его же благу, он ведь всего лишь думал о пользе отечества и отстаивал право каждого англичанина быть провинциалом.

Но в эту среду мистер Пендайс не испытывал радости от сознания исполняемого долга. Быть одному, быть потерянному в этом хозяйстве, совсем одному, когда нет рядом никого, кто бы спросил, чем он сегодня занят, кому бы можно было рассказать о ноге Бельдейма, о том, что Пикок требует новых ворот, было свыше его сил. Он вызвал бы домой дочерей, но не знал, что им сказать. Джералд был в Гибралтаре, Джордж... Джордж больше не был ему сыном! А гордость не позволяла написать той, что покинула его на милость одиночества и стыда. Ибо где-то в глубине души мистера Пендайса таился придавленный упрямым гневом стыд: ему было стыдно, что он должен прятаться от соседей, чтобы не услышать вопроса, на который он, движимый гордостью и боязнью за свое доброе имя, мог ответить

только ложью; ему было стыдно больше не чувствовать себя хозяином в доме, тем более стыдно, что об этом могли узнать другие. Разумеется, он не сознавал этого стыда, поскольку не умел отдавать себе отчета в своих душевных движениях. Он всегда чувствовал и мыслил конкретно. Так, например, оторвав взгляд от тарелки за завтраком и увидев, что кофе разливает Бестер, а не Марджори, он подумал: "Дворецкий, наверное, обо всем догадывается!" И рассердился оттого, что приходилось так думать. Завидев на аллее фигуру Бартера, он подумал: "Черт возьми, о чем я буду с ним разговаривать!" - и поспешил украдкой ускользнуть из дому, вознегодовав, что ему приходится так поступать. Встретив в шотландском саду Джекмена, опрыскивающего деревья, сказал ему: "Миссис Пендайс уехала в Лондон" - и быстро ушел, сердясь, что какая-то непонятная сила заставила его произносить эти слова.

Так прошел этот долгий, унылый день. Был только один светлый миг, принесший ему облегчение, когда он вычеркивал из черновика своего завещания имя сына. Вот что он вставил на место вычеркнутого:

"Ввиду того, что мой старший сын Джордж Пендайс поведением, недостойным джентльмена и Пендайса, заслужил мое неодобрение, и ввиду того, что я, к сожалению, не могу лишить его права унаследовать наше поместье, я в силу всего вышеизложенного лишаю Джорджа Пендайса его доли во всем остальном принадлежащем мне имуществе, как движимом, так и недвижимом, считая, что это мой долг перед семьей и государством. Я заявляю об этом спокойно, не под влиянием гнева".

Ибо весь тот гнев, который он должен был питать к жене и которого не питал, потому что тосковал без нее, усугубил его гнев против сына.

С вечерней почтой пришло письмо от генерала Пендайса. Дрожащими руками, такими же, как рука, написавшая это письмо, он распечатал его и прочитал:

"Клуб армии и флота.

Дорогой Хорэс!

Что это тебе пришло в голову посылать мне такую телеграмму?! Я бросил завтрак и помчался к Марджори. И что же? Она, оказывается, прекрасно себя чувствует! Если бы она была больна,

тогда другое дело. А то ведь ничего похожего. Занята нарядами и тому подобным. И еще решила, пожалуй, что я совсем с ума спятил, явившись к ней ни свет ни заря. Не привыкай, пожалуйста, посылать телеграммы. Телеграмма, так я по крайней мере до сих пор считал, посылается лишь в случае крайней необходимости. В гостинице я встретил Джорджа, который мчался куда-то сломя голову. Больше писать не могу, меня ждет обед.

Твой любящий брат
Чарлз Пендайс".

Она прекрасно себя чувствует! Она виделась с Джорджем! Сердце сквайра ожесточилось, и он пошел спать.

Среда кончилась.

А в четверг днем гнедая кобыла несла по проселку мистера Пендайса, и за ними, на приличном расстоянии, поспевал спаньель Джон. Миновали Сосны, где жил Белью, и дорога, повернув вправо, побежала вверх в сторону Уорстед Скоттона. И вместе с мистером Пендайсом на холм взбирался виновник всего случившегося, неотступно следовавший в эти дни за сквайром: узкоплечий, высокий призрак с горящими маленькими глазками, рыжие усы коротко пострижены, худые, кривые ноги. Черное пятно на той безукоризненной системе, которую мистер Пендайс боготворил, позорный, столб, к которому пригвоздили его наследственный принцип, бич божий, хуже Аттилы, дьявольская карикатура на то, каким должен быть сельский помещик с его пристрастием к охоте, к свежему воздуху, с его крепкой волей и смелостью, с его умением поставить на своем, умением пить, как подобает мужчине, с его вышедшим уже из моды рыцарским благородством. Да, отвратительное пугало, а не человек, привидение, мчащееся за сворой гончих; негодяй - в доброе старое время нашелся бы кто-нибудь, кто подстрелил бы его; пьяница, бледный дьявол, который презирал его, мистера Пендайса, и которого мистер Пендайс ненавидел, но почему-то презирать не мог. "Всегда найдется один такой на свору!" Черная овца в сословии Пендайсов. *Post equitem sedet Gaspar Belleu* {"На лошади сзади сидел Джэспер Белью." (лат.) - Перефразировка вошедшей в поговорку строчки из оды Горация: "Позади всадника сидела черная забота"}. Сквайр добрался до верхушки холма, и перед ним как на ладони открылся Уорстед Скоттон. Это был песчаный

пустырь, поросший раakitником, дроком и вереском. Кое-где торчали шотландские ели. Земля не имела никакой ценности, но он страстно хотел быть ее владельцем, как только ребенок может хотеть отданную другому половину его яблока. Его удручал вид этой земли - она была его и не его, как жена, которая есть и которой нет - точно Судьба решила позабавиться его несчастьем. Он страдал оттого, что образ поместья, который он носил в своем воображении, был с изъяном, ибо для него, как и для всех людей, то, что он любил и чем владел, имело определенную форму. Как только Уорстед Скайнес приходил ему на ум - а это случалось постоянно, - перед ним возникал конкретный образ, описать который, однако, невозможно. Но каким бы этот образ ни являлся ему, в нем всегда было нечто, омрачавшее душу мистера Пендайса, и это нечто был Уорстед Скоттон. По правде говоря, мистер Пендайс не имел ни малейшего представления, какую пользу можно извлечь из этого пустыря. Но он твердо верил, что его фермеры заняли в этой истории позицию собаки на сене, а этого он стерпеть не мог. За два последних года никто ни разу не выпускал на эту бесплодную землю? скотину. Только три древних осла дотягивали на ее скудных кормах свои дни. Вязанки хвороста, охапка сухого папоротника да немного торфу - вот и все богатства, какими пользовались эгоистичные крестьяне. Но дело даже не в них - с ними еще можно было договориться. Все дело в этом Пикокке, которого ничем! не уломать, только потому, что именно его поле граничило с Уорстед Скоттоном и именно его отец и дед оказались людьми вздорными. Мистер Пендайс направил лошадь вдоль изгороди, которую поставил его отец, и доехал до того места, где изгородь была разломана отцом Пикока. И здесь по воле случая - как нередко бывало в истории - он нос к носу столкнулся с самим Пикокком, как будто Пикок нарочно ожидал здесь сквайра. Кобыла мистера Пендайса остановилась сама, спаньель Джон лег на траву на почтительном расстоянии и принялся думать (так шумно, что хозяин отлично его слышал, несмотря на разделявшие их ярды), время от времени тяжело вздыхая.

Пикок стоял, засунув руки в карманы штанов. На голове у него была старая соломенная шляпа, маленькие глазки смотрели в землю; его лошадь, привязанная к тому, что оставил от изгороди его отец, тоже смотрела в землю - она пощипывала траву. Образ мистера Пендайса, отстаивавшего от огня его конюшню, не давал Пикокку

покоя. Он чувствовал, что с каждым днем этот образ тускнеет и, может быть, однажды растает совсем. Он чувствовал, что старая, освещенная неприязнь, завещанная ему его отцами, уже глухо шевелится в нем. И вот он пришел сюда проверить, что останется у него от чувства благодарности при виде этой разломанной изгороди. Когда перед ним вдруг возник сквайр, глаза его забегали, как у свиньи, получившей неожиданно удар сзади. Точно само Провидение, знающее все обо всем и обо всех, привело сюда в эту минуту мистера Пендайса.

- Здравствуйте, сквайр. Сушь какая, а! Дождя надо. Если дождей не будет, я останусь без сена.

Мистер Пендайс отвечал:

- Здравствуйте, Пикок. А по-моему, на ваши луга любо глядеть!

И оба отвели глаза в сторону: как-то неловко было смотреть друг на друга.

После некоторого молчания Пикок сказал:

- Как с моими воротами, сквайр? - Но в его голосе не было твердости, ибо благодарность в нем еще не угасла.

Сквайр желчно взглянул направо и налево, на пустое место, где прежде стояла изгородь, и вдруг его осенило: "Предположим, я поставлю ему новые ворота, согласится ли он... согласится ли он, чтобы я огородил Уорстед Скоттон?"

Он посмотрел на квадратную, обросшую бородой физиономию Пикока и отдался на волю того инстинкта, который был так зло охарактеризован мистером Парамором.

- А чем вам не нравятся ваши ворота, Пикок?

Пикок взглянул сквайру прямо в глаза и ответил уже твердым голосом, в котором слышалось грубоватое добродушие.

- Да как же, одна половина совсем сгнила. - И он с облегчением вздохнул, почувствовав, что от благодарности в его душе не осталось и следа.

- А мне помнится, что ваши ворота покрепче моих. Эй, Джон! - И, пришпорив кобылу, мистер Пендайс поехал было прочь, но тут же вернулся.

- Как здоровье миссис Пикок? А миссис Пендайс уехала в Лондон.

Коснувшись рукой шляпы и не дождавшись ответа Пикока, мистер Пендайс ускакал. Он проехал мимо фермы Пикока и через приусадебный луг выбрался к крикетному полю, устроенному на его земле. Матч-реванш с командой Колдингэма был в разгаре, и сквайр попридержал лошадь, чтобы посмотреть на игру. Через поле в его сторону не спеша подвигалась высокая фигура. Это был Джефри Уинлоу. Мистер Пендайс сделал над собой усилие и остался на месте.

- Мы вас побьем, сквайр! Как поживает миссис Пендайс? Передайте ей привет от моей жены.

Озаренное солнцем лицо сквайра покраснело, но не только от жарких лучей.

- Спасибо, - ответил он, - миссис Пендайс хорошо себя чувствует. Она сейчас в Лондоне.

- А вы туда собираетесь в этом году?

Взгляд сквайра скрестился с ленивым взглядом Джефри Уинлоу.

- Нет, пока не собираюсь, - проговорил он медленно.

Высокородный Уинлоу вернулся на свое место.

- Мы в одну секунду вышибли беднягу Бартера, - сказал он через плечо.

Сквайр увидел, что откуда-то сбоку к нему приближается и сам мистер Бартер.

- Нет, вы поглядите вон на того левшу, - сказал священник сердито. - Он играл не по правилам. Этот Лок - такой же судья, как...

Он замолчал: его вниманием снова завладела игра.

Сквайр, возвышавшийся на своей кобыле как изваяние, ничего не ответил. Вдруг в горле у него что-то булькнуло.

- Как ваша жена? - спросил он. - Миссис Пендайс собиралась навестить ее. Но, знаете ли, она сейчас в Лондоне.

Священник следил за игрой и, не поворачивая головы, ответил:

- Моя жена? Прекрасно! Ах, еще один! Нет, Уинлоу, это уже никуда не годится!

Послышался приятный голос высокородного Уинлоу:

- Будьте добры, не отвлекайте игроков.

Сквайр дернул поводья и поскакал дальше, а спаньель Джон, ждавший на почтительном расстоянии, затрусил следом, высунув язык.

Сквайр выехал сквозь ворота на аллею, ведущую к усадьбе, вдоль которой по обеим сторонам тянулись заросли, и спаньель Джон, чуя справа и слева дичь, без усталости вертел носом и хвостом. Здесь царила прохлада. Июньская листва образовала над головой шатер, который прорезала голубая полоса неба. Среди дубов, буков и вязов там и сям виднелись сиявшие белизной березы, точно взятые в плен более мощными деревьями, толпившимися в восхищении вокруг своих пленниц и боявшимся теперь, как бы эти феи леса не вырвались на свободу. Они знали, эти мощные деревья, что если березы исчезнут, то лес потеряет свою красоту, свое достоинство и перестанет быть лесом.

Мистер Пендайс спешился, привязал лошадь к дереву и сел под одну из берез на поваленный ствол вяза. Спаньель Джон тоже сел и уставился преданным взглядом на своего хозяина. Так они сидели оба и думали, но думали они о разном.

Под этой самой березой Хорэс Пендайс целовал Марджори, когда привез ее в первый раз в Уорстед Скайнес. И хотя он не видел никакого сходства между ней и этой березой (это пристало бы только какому-нибудь бездельнику-мечтателю), он вспоминал сейчас тот давно отошедший в прошлое полдень. Но спаньель Джон не думал об этом полдне, память отказала ему: ведь он родился спустя двадцать восемь лет после того дня.

Мистер Пендайс долго сидел так в обществе своего спаньеля и своей лошади, и время от времени, как верная звездочка, поглядывал на него блестящий собачий глаз. Солнце, тоже блестящее ярко, вызолотило стволы березы. В кустах закопошились птицы и зверушки, встречая вечер. Кролики, метнув удивленный взгляд на спаньеля Джона, стремительно исчезали в траве. Они знали, что у человека, если с ним лошадь, не бывает ружья, но поверить в добрые намерения этого черного, мохнатого существа, чей нос вздрагивал, едва они приближались, они никак не могли. Заплясали в воздухе комары, и с их появлением все звуки, запахи, краски стали звуками, запахами, красками вечера. И на сердце сквайра тоже опустился вечер.

Медленно, с трудом он поднялся с бревна, сел на лошадь и поехал домой. И дома будет одиноко, но там все-таки легче, чем в лесу, где пляшут в воздухе комары, где шуршит, движется, гомонит всякая тварь, и длинные тени, и солнечный луч скользят по стволам деревьев, и все равнодушно к своему владыке - человеку.

Был уже восьмой час, когда он вошел к себе в кабинет. У окна стояла какая-то дама, и мистер Пендайс сказал:

- Прошу прощения.

Дама обернулась; это была его жена. Сквайр издал странный всхлипывающий звук и остался стоять молча, закрыв лицо руками.

ГЛАВА VIII

ОСТРЫЙ ПРИСТУП... "ПЕНДАЙСИЦИТА"

Миссис Пендайс была совсем без сил, когда возвращалась из Челси. Она пережила часы сильнейшего душевного волнения и с утра ничего не ела.

Настроение человека переменчиво, как цвет закатного неба, как игра тонов в перламутре; сотканное из тысячи нитей, подобно рисунку ковра, непостоянное, как апрельский день, оно, однако, имеет собственный неуловимый ритм, с которого никогда не сбивается.

Всего одна чашка чаю по пути домой, и миссис Пендайс обрела душевную бодрость. Все происшедшее показалось ей бурей в стакане воды. Как будто кто-то, знающий, каким плурым может быть человек, сыграл фантазию на тему плупости. Но эта приподнятость прошла, как только миссис Пендайс подумала о том, что делать дальше.

Она дошла до гостиницы, так и не приняв никакого решения. Зашла в читальню написать к Грегори, и пока обдумывала, что писать, ею овладело сильнейшее искушение сказать ему много язвительных слов за то, что он, не видя людей такими, какие они есть, обрушил на них все эти несчастья. Но она не умела говорить язвительных слов, а те, что приходили ей в голову, были недостаточно деликатны, и в конце концов она отбросила эту мысль. Отправив письмо, она почувствовала некоторое облегчение. И вдруг подумала, что если начнет укладываться сейчас же, то успеет на шестичасовой поезд в Уорстед Скайнес.

Как при уходе из дому, так и сейчас, возвращаясь домой, она инстинктивно вела себя так, чтобы избежать ненужных страданий и шума.

Старенькая пролетка, пропахшая конюшной, любовно везла ее в усадьбу. Старый извозчик с бритым, веселым лицом, в котором было что-то птичье, гнал свою лошаденку вовсю, он ничего не знал, но понимал, что два с половиной дня отсутствия - срок для нее немалый. У ворот усадьбы сидел дряхлый скай-терьер Рой; при виде его миссис

Пендайс затрепетала, как будто только сейчас поняла, что возвращается домой.

Ее дом! Узкая, длинная, прямая аллея, туманы и покой, косые дожди и горячее яркое полуденное солнце, запах дыма, скошенной травы, аромат ее цветов; голос сквайра, сухой треск газонокосилки, лай собак, отдаленный звук молотьбы; вокресные шумы: колокольный звон и крики грачей, голос мистера Бартера, читающего молитву; и даже особый вкус кушаний! Звуки, запахи, прикосновение ветра к щекам - все это, казалось ей, существовало с незапамятных времен и будет существовать до скончания века.

Она то бледнела, то краснела и не испытывала сейчас ничего: ни радости, ни грусти - волной накатилась на нее вся ее прежняя жизнь. Никуда не заходя, она пошла прямо в кабинет мистера Пендайса и стала ждать его возвращения. Когда же услышала она тот всхлипывающий звук, сердце у нее забилось чаще, а старый Рой и спаньель Джон тем временем тихонько ворчали друг на друга.

- Джон, - позвала она, - ты рад меня видеть, милый?

Спаньель Джон, не двинувшись с места, заколотил хвостом по ногам хозяина.

Сквайр наконец поднял голову.

- Ну как ты, Марджори? - только и сказал он.

И ее вдруг поразило, что он выглядел постаревшим и усталым.

Зазвучал гонг к обеду, и, словно привлеченная его монотонными ударами, через узкое окно влетела ласточка и закружила по комнате. Миссис Пендайс следила за ней.

Сквайр вдруг шагнул к жене и взял ее за руку.

- Не уезжай больше от меня, Марджори! - сказал он и, наклонившись, поцеловал ее руку,

Это было так не похоже на Хорэса Пендайса, что она вспыхнула, как девочка. В ее глазах, устремленных вверх его седых, коротко постриженных волос, светилась благодарность за то, что он не стал упрекать ее, и за его ласку.

- Я привезла новости Хорэс. Миссис Белью порвала с Джорджем!

Сквайр отпустил ее руку.

- Давно пора, - сказал он. - Джордж, верно, не хотел согласиться с отставкой. Он ведь упрям, как осел.

- Состояние его было ужасно.

Мистер Пендайс спросил, поморщась:

- Что? Что такое?

- Он был в отчаянии.

- В отчаянии? - переспросил сквайр испуганно и сердито.

Миссис Пендайс продолжала:

- На него было страшно смотреть. Я была у него сегодня...

Сквайр прервал ее:

- Он здоров?

- Это не болезнь, Хорэс. Разве ты не понимаешь? Я боялась, что он решится на какой-нибудь отчаянный шаг. Он был так... несчастен.

Сквайр принялся ходить из угла в угол.

- А сейчас... нет опасности?

Внезапно миссис Пендайс в изнеможении опустилась на ближайший стул.

- Нет, - произнесла она с трудом, - мне кажется, нет.

- Кажется? Ты не уверена в этом? Он... Тебе плохо, Марджори?

Миссис Пендайс, закрыв глаза, проговорила:

- Уже лучше, дорогой!

Мистер Пендайс подошел к ней, а поскольку ей сейчас больше всего требовался воздух и покой, то он принялся всячески теревить ее. А миссис Пендайс, которой надо было только одно, чтобы ее не трогали, не сердилась на мужа: ведь иначе он не мог. Несмотря на все его усилия, приступ слабости миновал, миссис Пендайс взяла мужа за руку и благодарно пожала ее.

- Что нам делать теперь, Хорэс?

- Что делать? - воскликнул сквайр. - Милостивый боже! А я почему знаю, что делать? Ты... в таком состоянии... и все из-за этого проклятого Белью и его жены! Знаю только, что сейчас тебе надо поесть.

Сказав это, он обнял жену за талию, и, поддерживая, повел ее к ней в комнату.

За обедом они говорили мало и только о незначительных вещах: о здоровье миссис Бартер, о Пикокке, о розах, о ноге Бельдейма. И только один раз чуть-чуть не коснулись того, о чем каждый подсознательно не хотел говорить, когда сквайр вдруг спросил:

- Ты видела эту женщину?

И миссис Пендайс ответила:

- Да.

Вскоре миссис Пендайс пошла в спальню; и не успела она лечь, как вошел сквайр и сказал, словно оправдываясь:

- Я сегодня очень рано...

Она не могла уснуть, а сквайр то и дело спрашивал ее: "Ты спишь, Марджори?" - надеясь все-таки, что усталость возьмет свое. Самому ему не спалось. Она знала, что он хочет быть ласков с ней, и еще она знала, что он ворочается с боку на бок и не может уснуть, потому что думает о том, что делать дальше. И потому, что его воображение преследует узкоплечий высокий призрак с маленькими горящими глазами, рыжий, с белым, в веснушках лицом. Ведь если не считать того, что Джордж стал несчастлив, все, в сущности, осталось, как было, и грозные тучи все еще стоят над Уорстед Скайнесом. Словно выучивая скучный урок, она твердила себе: "Теперь Хорэс может ответить капитану Белью и написать ему, что Джордж не станет, вернее, не может больше видеть его жену. Он должен ответить. Только будет ли он отвечать?"

Она старалась заглянуть во все тайники души своего мужа, обдумывая, как вернее повлиять на него. И чувствовала, что вряд ли сумеет повлиять: за всеми внешними проявлениями его характера, которые казались ей "странными", но которые она понимала, было скрыто что-то для нее непостижимое, непроглядное, какая-то душевная сухость, твердость, какое-то дикое... Она не могла определить что. Вышивая, она иной раз натыкалась иглой на утолщение, в холсте. Так и сейчас душа ее наткнулась на какую-то преграду в душе ее мужа, "Может быть, - думала она, - Хорэс вот так же хочет и не может понять меня". Но миссис Пендайс напрасно так думала, ибо сквайр никогда не занимался вышиванием, а душа его никогда не предпринимала никаких поисков.

На следующий день все утро миссис Пендайс не осмеливалась заговорить с мужем о том, что ее волновало. "Если я промолчу, он, быть может, сам напишет", - думала она.

И все утро, стараясь не привлекать его внимания, она следила за каждым его движением. Она видела, как он сидел за своим бюро, устремив взгляд на помятый листок бумаги, - она знала, что это было письмо Белью; она неслышно входила и выходила, занятая какими-то своими делами в доме или в саду. Но сквайр, углубленный в свои

мысли, сидел неподвижно, как спаньель Джон, который лежал на полу, уткнувшись носом в лапы.

После второго завтрака миссис Пендайс не могла долее терпеть эту неизвестность.

- Хорэс, что ты думаешь предпринять теперь? Сквайр пристально посмотрел на нее.

- Если ты полагаешь, - сказал он наконец, - что я стану иметь дело с этим Белью, то ты ошибаешься.

Миссис Пендайс в это время ставила цветы в вазу, и руки ее задрожали так, что на скатерть плеснула вода. Она вынула носовой платок и смахнула капли.

- Ты так и не ответил на его письмо, милый, - сказала она.

Сквайр выпрямился; его сухая фигура, тонкая шея, разгневанный взгляд, сузившиеся до размеров булавочной головки зрачки - все говорило о том, что его достоинство возмущено.

- И ни за что не напишу! - сказал он голосом громким и резким, как будто выступая на защиту чего-то такого, что было важнее его самого. - Я все утро думал об этом, и, будь я проклят, если я сделаю это. Этот человек негодяй. И я не стану плясать под его дудку!

Миссис Пендайс сжала руки.

- О Хорэс, - сказала она, - ради всех нас! Дай ему это обещание.

- Чтобы он восторжествовал надо мной? Ни за что на свете!

- Но, Хорэс, ты же сам просил Джорджа сделать это. Ты писал ему, чтобы он дал обещание.

- Ты, Марджори, в этом ничего не понимаешь, - ответил сквайр, - ты не знаешь меня. Ты думаешь, я смогу написать этому мерзавцу, что его жена бросила моего сына? Позволить ему сперва вымотать мне всю душу, а потом посмеяться надо мной? Я не буду писать ему, даже если мне придется уехать отсюда навсегда, даже если...

И он умолк, как будто его глазам представилась самая большая из всех бед.

Миссис Пендайс, положив руки на лацканы его сюртука, стояла, опустив голову. Щеки ее порозовели, в глазах блестели слезы. Волнение молодило ее; от нее исходило тепло, аромат; она была прекрасна, как на том портрете, под которым они сейчас стояли.

- Даже если я тебя попрошу об этом, Хорэс?

Лицо сквайра потемнело; руки его вцепились одна в другую; в нем, казалось, шла борьба.

- Нет, Марджори, - сказал он наконец охрипшим голосом, - я не могу этого сделать. - И вышел из столовой.

Миссис Пендайс смотрела ему вслед. Ее пальцы, только что державшие лацканы его сюртука, сплетались и расплетались.

ГЛАВА IX

БЕЛЮ СКЛОНЯЕТ ГОЛОВУ ПЕРЕД ИСТИННОЙ ЛЕДИ

В Соснах было тихо. В этом объятom безмолвием доме, где только пять комнат были жилыми, в буфетной на жестком стуле сидел старик слуга и читал "Сельскую жизнь". Ничто не мешало ему: хозяин спал, экономка еще не начинала готовить обед. Он читал медленно, с толком, водрузив на нос очки, и каждое слово на всю жизнь запечатлевалось у него в мозгу. Он читал о совах, об их строении и образе жизни. "У серой, или обыкновенной, неясыти, - говорилось в статье, - в верхней части грудной кости имеется отросток, ключицы не соединяются с килем и представляют собой вилочку, или дужку, грудная кость оканчивается двумя парными отростками с соответствующими выемками между ними". Старик оторвал глаза от журнала и посмотрел, прищурившись, на бледный солнечный свет, падающий сквозь переплет узкого окна; сидевшая на оконном выступе птичка, встретив его взгляд, тотчас вспорхнула и улетела.

Старик продолжал читать: "Оперение этого вида подробно не исследовано. Однако у подобных особей отсутствует рудимент малой берцовой кости, ключицы же их не срастаются в вилочку и не соединяются с килем; но в нижней части грудной кости имеются отростки и выемки такие же, как у неясыти". Он снова оторвался от книги. В его взгляде были спокойствие и удовлетворенность.

Наверху, в маленькой курительной, сидел в кожаном кресле хозяин усадьбы и спал, вытянув длинные ноги в запыленных сапогах. Его губы были сомкнуты, но через небольшое отверстие с одного боку вырывался легкий храп. На полу рядом с ним стоял пустой стакан, а между его ногами дремал испанский бульдог. На полке над его головой стояло несколько потрепанных, в желтых обложках книжек - все охотничьи романы, написанные их автором в минуту забывчивости. Над камином висела картина, изображающая мистера

Джоррокса {Герой охотничьих романов Роберта Сюртиза (1805-1864).} верхом на своем коне, переправляющимся через поток.

Лицо спящего Джэспера Белью было лицом человека, который проделал огромный путь, чтобы только уйти от себя, и которому завтра предстоит проделать то же. Его песочного цвета брови вздрагивали от сновидений, его покрытое веснушками лицо с высокими скулами было мертвенно бледно, между бровями пролегли две глубокие бороздки. То и дело на этом лице появлялось выражение, как у всадника, готового взять барьер.

В конюшне позади дома кобыла, на которой он ездил сегодня, подобрав губами остатки зерна, задрала морду и просунула ее сквозь решетку стойла, чтобы взглянуть на жеребца, на котором в этот душный день хозяин не ездил. Увидев, что жеребец не спит, она тихонько заржала, сообщая ему, что в воздухе чувствуется гроза. И снова конюшня погрузилась в мертвую тишину, кусты вокруг стояли недвижно, а в притихшем доме хозяин спал.

Старик слуга, сидя на своем жестком стуле в тиши буфетной, прочел: "Эти птицы страшно прожорливы". И оторвался от книги, беспокойно щуря глаза и двигая губами, - на этот раз он что-то понял.

Миссис Пендайс шла лугами. На ней было ее лучшее платье из дымчато-серого крепа, и она с беспокойством поглядывала на небо. Заходящая с запада туча поглощала солнечный свет. На ее лиловом фоне деревья казались черными. Все замерло, даже тополя не шевелились, а лиловая туча, казавшаяся неподвижной, росла со зловещей быстротой. Миссис Пендайс, подхватив обеими руками юбки, ускорила шаг; проходя пастбища, она заметила, что коровы сбились в кучу и жмутся к изгороди.

"Какая страшная туча! - подумала она. - Успею ли я прийти в Сосны до дождя?" И хотя она боялась за свое платье, но сердце ее так билось от волнения и страха, что она остановилась. "А вдруг он пьян?" Она вспомнила его маленькие, горящие глаза, которые так испугали ее в тот вечер, когда он обедал у них в Уорстед Скайнесе, а после, по дороге домой, вывалился из своей двуколки. Было в нем что-то от романтического злодея.

"А вдруг он будет груб со мной?" - подумала она.

Но отступить было поздно. А как ей хотелось - как хотелось! - чтобы все уже было позади. На перчатку шлепнулась первая капля

дождя. Миссис Пендайс перешла дорогу и толкнула калитку. Бросив испуганный взгляд на небо, она почти побежала по аллее. Лиловая, подобно гробовому покрову, туча лежала на макушках деревьев, а они раскачивались и стонали, борясь с ветром и оплакивая свою судьбу. Уже падали редкие капли теплого дождя. Вспышка молнии прорезала небосвод.

Миссис Пендайс бросилась на крыльцо, зажав уши руками.

"Когда это кончится? - подумала она. - Мне так страшно..."

Дряхлый слуга, чье лицо было все в морщинах, приоткрыл дверь, чтобы поглядеть на тучу, но, увидев миссис Пендайс, стал смотреть на нее.

- Капитан Белью дома?

- Да, сударыня, капитан у себя в кабинете. Гостиная у нас теперь заперта. Страшная гроза надвигается, сударыня, страшная! Посидите здесь минутку, пока я доложу о вас капитану.

Прихожая была низкая и темная, и таким же низким и темным был весь дом, немного пахнувший гнилью. Миссис Пендайс осталась стоять под сооружением из трех лисьих голов, на которых были укреплены два хлыста. И вид этих голов заставил ее подумать: "Бедный капитан Белью! Как ему, должно быть, тут одиноко!"

Миссис Пендайс вздрогнула: что-то потерлось об ее ногу. Это был всего-навсего огромный бульдог. Она наклонилась погладить его и уже не могла остановиться: стоило ей отнять руку, как бульдог начинал жаться к ней, а миссис Пендайс боялась за свое платье.

- Бедная собачка, бедная собачка, - шептала миссис Пендайс. - Она хочет, чтобы кто-нибудь поиграл с ней!

Голос за ее спиной произнес:

- Пошел вон, Сэм! Простите, что заставил вас ждать. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Миссис Пендайс, то заливаясь румянцем, то бледнея, вошла в низкую, маленькую, обшитую панелями комнату, в которой стоял запах сигар и виски. Сквозь частый переплет окна она видела косые струи дождя, видела мокрые, поникшие кусты.

- Присаживайтесь, пожалуйста.

Миссис Пендайс села. Сжала руки, подняла голову и взглянула на хозяина.

Она увидела худую узкоплечую фигуру: кривые чуть расставленные ноги, взъерошенные песочного цвета волосы, бледное лицо в веснушках, маленькие темные мигающие глаза.

- Простите за этот беспорядок. Я не так часто имею удовольствие видеть у себя в гостях дам. Я спал, в это время года я только и делаю, что сплю.

Его жесткие рыжие усы шевельнулись, как будто бы он улыбнулся.

Миссис Пендайс что-то тихо проговорила в ответ.

Все происходящее было подобно кошмарному сну. Ударил гром, и она зажала уши.

Белью подошел к окну, взглянул на небо и вернулся к камину. Его маленькие горящие глаза буравили ее. "Если я сейчас не заговорю, - подумала она, - то не заговорю совсем".

- Я пришла к вам, - начала она, и с этими словами весь ее страх прошел, ее голос, до этой минуты звучавший неуверенно, приобрел свой обычный тембр, ее глаза с расширившимися зрачками, потемневшие и кроткие, были устремлены на этого человека, в чьих руках была ее судьба, от которого зависело благополучие всех ее близких. - Я пришла, чтобы сказать вам одну важную вещь, капитан Белью!

Фигура у камина поклонилась, и страх, словно какая-то зловещая птица, снова вцепился в нее. Было ужасно, было дико, что ей, что вообще кому-то приходится говорить об этом; было ужасно, дико, что люди, мужчины и женщины, так могут не понимать друг друга, иметь друг к другу так мало жалости и сочувствия; было дико, что она, Марджори Пендайс, должна сейчас начать разговор о том, что ему и ей причинит столько боли. Все это было так грубо, гадко, вульгарно! Она вынула платок и провела им по губам.

- Простите, что мне приходится говорить об этом. Ваша жена, капитан Белью, порвала с моим сыном!

Белью не пошевелился.

- Она не любит его, она сама сказала мне это! Они больше никогда не увидятся!

Как мерзко, как отвратительно, как ужасно!

А Белью все стоял молча и буравил ее своими горящими глазками. И как долго это продолжалось, миссис Пендайс не могла бы

сказать.

Вдруг он резко повернулся к ней спиной и оперся о каминную решетку.

Миссис Пендайс провела рукой по лбу, чтобы избавиться от чувства, что все происходящее нереально.

- Вот и все, - сказала она.

Ее собственный голос показался ей чужим.

"Если и в самом деле все, - подумала она, - то я должна сейчас встать и уйти!" И в голове промелькнуло: "Мое бедное платье погибло!"

Белью обернулся.

- Не хотите ли чаю?

Миссис Пендайс улыбнулась бледной, слабой улыбкой.

- Нет, благодарю, мне не хочется чаю,

- Я писал вашему мужу.

- Да.

- Он мне не ответил.

- Да, не ответил.

Миссис Пендайс видела его взгляд, устремленный на нее, и в ее душе поднялась отчаянная борьба. Должна ли она просить его сдержать свое обещание теперь, когда Джордж?.. Разве не затем она и пришла сюда? Должна ли она, ради них всех?

Белью подошел к столу, налил себе виски и выпил.

- Вы не просите меня прекратить дело, - сказал он.

Губы мисис Пендайс приоткрылись, но не произнесли ни звука. Ее глаза на побледневшем лице, темные, как сливы, не отрывались от его лица, но она не сказала ни слова.

Белью быстрым движением провел ладонью по лбу.

- Хорошо, ради вас, - сказал он, - я прекращаю дело. Вот вам моя рука. Я знаю только одну истинную леди. Это вы.

Он схватил ее руку, затянутую в перчатку, пожал и вышел вон из комнаты. Миссис Пендайс осталась одна.

Она вышла в прихожую, слезы струились по ее щекам. Она тихонько притворила за собой двери.

"Мое бедное платье! - подумала она. - Разве постоять здесь немного? Дождь уже кончается!"

Лиловая туча ушла, скрылась за дом, но с яркого, посветлевшего неба еще сыпались мелкие блестящие капли; за деревьями аллеи открылся голубой кусок чистого неба. Дрозды уже охотились за червями. Белка, прыгавшая по стволу, остановилась и посмотрела на миссис Пендайс. И миссис Пендайс рассеянно посмотрела на белку, вытирая платком слезы.

"Бедный капитан Белью! - подумала она. - Как ему одиноко! А вот и солнце!"

И ей показалось, что за все это жаркое, прекрасное лето солнце первый раз проглянуло на небе. Подхватив обеими руками юбки, она спустилась с крыльца и скоро уже опять шла лугом.

Каждый зеленый листок, каждая зеленая травинка сверкали на солнце, воздух был так промыт дождем, что все летние запахи исчезли перед этим кристальным запахом чистоты и свежести. Ботинки миссис Пендайс скоро промокли насквозь.

"Как я счастлива! - подумала она. - Как мне хорошо, как я счастлива!"

И чувство, менее определенное, чем ощущение счастья, вытеснило из ее груди все остальные чувства, когда она шла этими насыщенными влагой лугами.

Туча, которая так долго омрачала небо над Уорстед Скайнесом, пролилась дождем и ушла. Каждый звук казался музыкой, все, что могло двигаться, казалось, танцевало. Она спешила к своим розам, чтобы увидеть, как обошелся с ними ливень. Она перебралась через перелаз и на секунду остановилась, чтобы ловчее подхватить юбки. Она была уже на ближнем поле, и по правую руку от нее лежала усадьба. Вытянутый в длину, невысокий белый дом был окутан нежной вечерней дымкой, два окна, из которых бил отраженный закатный свет, как два глаза, обозревали свои владения, за домом слева виднелось окруженное вязами плотное широкое серое здание деревенской церкви. А вокруг всего и над всем царил покой - сонный, подернутый дымкой покой английского вечера.

Миссис Пендайс пошла в свой сад. Направо, невдалеке, она увидела сквайра и мистера Бартера. Они стояли рядом и разглядывали дерево, спаньель Джон, символ раболепного мира низших существ, сидел рядом и тоже смотрел на это дерево. Лица сквайра и мистера Бартера были подняты под одним углом, и при всей разнице этих лиц

и этих фигур, знаменующей собой извечный антагонизм двух различных человеческих типов, они поразили ее своим внутренним сходством. Как будто некая душа в поисках приюта натолкнулась на эти два тела и, не зная, кому отдать предпочтение, раздвоилась и стала обитать и в том и в другом.

Миссис Пендайс не стала их окликать и, быстро пройдя между тисами, скрылась за калиткой. В ее саду с каждого листка скатывались наземь прозрачные капли, а в углублении лепестков дрожали водяные жемчужины. Впереди на дорожке она заметила стебель сорняка, подойдя поближе, увидела, что их несколько.

"Как ужасно! - подумала она. - Совсем запустили... Придется сделать замечание Джекмену!"

Розовый куст, который она сама посадила, чуть шевельнулся от ветерка, и с него посыпался дождь.

Миссис Пендайс наклонилась к белой розе, и, улыбаясь, поцеловала ее.

1907 г.